

В. М. Строецкий

АФ ИНЫ И СПАРТА

БОРЬБА ЗА ГЕГЕМОНИЮ В ГРЕЦИИ

В V В. ДО Н.Э. (478-431 гг)

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АКРА»

Ответственный редактор *М. М. Холод*

В книге известного отечественного ученого-антиковеда профессора В. М. Строецкого рассматриваются пути развития спартанского и афинского полисов и особенности их общественно-политического строя; анализируются характер и устройство ведущих союзов греческих государств V в. до н. э. — Пелопоннесской лиги и Первого Афинского морского союза, причины роста афинско-спартанского соперничества и своеобразие имперской политики Спарты и Афин в 478–431 гг. до н. э., в период так называемого Пятидесятилетия; характеризуются причины и особенности формирования Афинской империи (архэ), а также присущие ей социально-экономические, политико-правовые и этно-культурные отношения.

Написанная строго научным, однако при этом добротным литературным языком, настоящая книга будет, бесспорно, полезной и интересной как для специалистов, так и для всех интересующихся античной историей и культурой.

© В. М. Строецкий, 2008

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2008

© Издательство «Акра», 2008

ISBN 978-5-288-04619-3

Введение

V век до н. э. в истории Греции ассоциируется с именами Перикла и Фидия, великолепием Парфенона и расцветом древнегреческой культуры. Эта сторона жизни классической Греции достаточно хорошо изучена отечественными учеными — искусствоведами и историками культуры. Вместе с тем данный период древнегреческой истории был насыщен важнейшими политическими событиями, характеризовался глубокими социальными сдвигами и отличался противостоянием не только отдельных полисов и их союзов, но и целых военно-политических блоков, на которые разделилась Греция вскоре после изгнания персов из Эллады. И эта сторона жизни греческого мира V в. до н. э. еще не получила должного освещения в отечественном антиковедении.

Долгие годы приоритетным в советской исторической науке оставалось социально-экономическое направление; вместе с тем изучение проблем политической истории составляет один из важнейших аспектов исследования человеческой истории вообще. На это неоднократно указывал Энгельс в «Письмах об историческом материализме», предостерегая от слишком прямолинейного толкования роли экономических отношений и недооценки политического и других факторов в историческом процессе¹.

В классической древней истории одним из наиболее благоприятных для такого рода исследования является период, получивший условное название Пентеконтаэтия (Πεντηκονταετία), т. е. Пятидесятилетие (478—431 гг. до н. э.). Этот период между двумя известными войнами

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 369 слл., 393 слл., 414 слл.

древности — Греко-персидскими и Пелопоннесской — был насыщен, как уже отмечали древние (Thuc., I, 89—118; 128-138; Diod., XI, 37-XII, 40), важнейшими политическими событиями и являлся эпохой наивысшего расцвета внутриполисных и межполисных отношений. По этой причине Пентеконтаэтия представляет собой важную историческую веху, которая нуждается в определении ее основных направлений развития и особенностей исторической обстановки.

Рассмотрение политических событий Пентеконтаэтии позволяет разрешить ряд ключевых проблем, имеющих кардинальное значение для выяснения характера внутриполисных и межполисных отношений в Греции в V в. до н. э. Прежде всего это проблема соотношения внутренней и внешней политики ведущих греческих полисов. Ее решение поможет внести некоторую ясность в развернувшуюся в современной отечественной науке дискуссию о роли этих форм политики в межгосударственных отношениях на разных этапах истории человеческого общества².

Следующая проблема заключается в выяснении роли войны как фактора исторического развития. Известное положение о том, что «война есть просто продолжение политики другими (именно насильственными. — В. С.) средствами»³, нередко получает одностороннюю трактовку, согласно которой войну считают лишь результатом внутренней политики государства. Между тем ее обратное воздействие на социальную структуру, внутриполитические отношения государств и межгосударственные связи часто остается в тени.

² Поздняков Э. А. *Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения*. М., 1986. С. 6 сл.

³ Эту мысль обычно приписывают Ленину, хотя, как известно, ее впервые высказал фон Клаузевиц («О войне», 1833). О значении войны как фактора развития греческой цивилизации в классический период см.: Jacquemin A. *Guerre et religion dans le monde grec (490-322 av. J.-C.)*. Paris, 2000; Rebuffat Pr. *Guerre et societe dans le monde grec (490-322 av. J.-C.)*. Paris, 2000; War as a Cultural and Social Force. *Essays on Warfare in Antiquity* / Ed. by T. Bekkehr-Nielsen, L. Hampelstadt. Copenhagen, 2001.

Материал Пентеконтаэтии позволяет исследовать проблему античного империализма, в частности причины и этапы становления Афинской империи и ее связь с афинской демократией.

Большое значение имеет проблема олигархии и демократии не только как форм политической власти в отдельных греческих государствах (на что чаще всего обращается внимание в научной литературе)⁴. В пору противостояния Пелопоннесской лиги и Афинского морского союза олигархия и демократия превратились в противоположные общественно-политические течения в Греции в середине V в. до н. э., оказывавшие значительное влияние на межполисные отношения.

Сравнивая эпоху Пятидесятилетия с предшествующим периодом, необходимо обратить внимание на важные изменения содержания и формы межполисных отношений. На смену полицентристской структуре, отличавшейся наличием большого числа независимых греческих полисов, осуществлявших свою самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, пришла структура биполярная, характеризовавшаяся противостоянием двух политических блоков, возглавляемых двумя наиболее могущественными полисами Эллады — Спартой и Афинами⁵.

Победа эллинов над персами в условиях неравномерности экономического и политического развития государств, с одной стороны, способствовала активизации межполисных связей, с другой — создавала благоприятные условия для обострения внутриполисных и межполисных противоречий. Наиболее ярко это обнаруживается при исследовании сущности афинско-спартанского дуализма и причин конфронтации между афинянами и спартанцами в данный период.

При всем том рассмотрение подобной темы открывает перспективу выявления наиболее общих закономерностей, представляющих несомненный интерес не только для изучения особенностей и характера межполисных

⁴ Ostwald M. *Oligarchia: The Development of Constitutional Form in Ancient Greece*. Stuttgart, 2000. Литературу о демократии см. ниже.

⁵ Powell A. *Athens and Sparta: Constructing Greek Political and Social History from 478 B. C. London, 1988.*

отношений в Греции в V в. до н. э., но и различных вопросов международных отношений в последующие эпохи.

Изучение указанных вопросов обеспечено многообразием источниковедческой базы. Можно выделить три группы источников. К первой группе необходимо отнести историков, бывших современниками описываемых ими событий, т. е. Геродота, Фукидида, а также их предшественников, сочинения которых не сохранились до нашего времени. Ко второй группе следует отнести современные рассматриваемым событиям документы, официальные (декреты Народного собрания, тексты договоров) и неофициальные (другие надписи и посвящения), а также литературные произведения, отражающие события эпохи и важные для понимания их социально-политической подоплеку сведения. К третьей группе относятся сочинения поздних авторов.

История Геродота заканчивается описанием битвы при Сесте в 479 г. до н. э. Однако в последних трех книгах историк сообщает ряд ценных сведений о современных ему событиях 478—430 гг. до н. э.⁶

Наиболее важным источником является труд Фукидида, посвятившего, как уже отмечалось, краткий очерк истории Пятидесятилетия. Фукидид написал историю Пелопоннесской войны 431—404 гг. до н. э. Рассматривая ее как результат доведенных до крайности противоречий между Афинской державой и Пелопоннесским союзом (Thuc., I, 18, 2—19; 23, 5 sqq.), историк считал необходимым показать, какие обстоятельства после победы над персами способствовали усилению афинского могущества и каким образом организовалась Афинская держава (Thuc., I, 89, 1; 97, 2).

В последнее время в западной историографии возникло негативное отношение к сообщаемой Фукидидом информации о греческой истории первой половины V в.

⁶ Lateiner D. *The Historical Method of Herodotus*. Toronto, 1989; Gould J. *Herodotus*. New Jersey, 1989; Cobe J. *Herodotus, Historien und die antike. Geschichte-Schreibung*. Berlin, 1999; Rosalind Th. *Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion*. Cambridge, 2000; Shirley S. *Herodotus on the War for Greek Freedom*. Indianapolis, 2003.

до н. э.⁷ Подчеркивание в духе гиперкритицизма недостоверности или ненадежности традиции закрывает путь к конструктивным, исполненным конкретно-исторического смысла исследованиям, поскольку Фукидид — единственный историк, современник интересующего нас периода, давший достаточно цельную картину исторических событий Пентеконтаэтии. Как справедливо отметил еще Куторга, «первой обязанностью историка является не отвергать известия античных писателей, но объяснять и истолковывать их, прибегать же к предположениям ему позволено только при совершенном отсутствии прямых данных»⁸. О ценности и достоверности сообщаемой Фукидидом информации можно судить на основе его собственных высказываний, не доверять которым нет каких-либо серьезных оснований. Он подчеркивает, что «не считал согласным со своей задачей записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что мог предположить, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то что слышал от других людей после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта в отдельности взятого» (Thuc., I, 22, 12).

Те, кто сомневается в ценности очерка Фукидида о Пелопоннесской войне и Пентеконтаэтии, отмечают, что он изложил события кратко и неполно, без точной их датировки. Однако Фукидид в своем очерке, как, впрочем, и в описании самой Пелопоннесской войны, стремился дать точную хронологическую последовательность событий, а не их абсолютную датировку. Кроме того, для осуществления целей, поставленных Фукидидом, не было необходимости излагать все события, ему достаточно было указать лишь на те из них, которые, по его мнению, были наиболее важными (ср.: Thuc., I, 98, 4)⁹.

⁷ См. нашу статью: Строецкий В. М. *Античная традиция о причинах Пелопоннесской войны и отношение к ней современной историографии* // ВДИ. 1984. № 4. С. 114 слл. К этому см. также: Road T. *Thucydides Narrative and Explanation*. Oxford, 1998; Morrison J. V. *Preface to Thucydides: Rereading the Corcyrean Conflict (I, 24 - 55)* // *Classical Antiquity*. 1999. Vol. 18. P. 94 ff.

⁸ Кьомпа М. С. *Персидские войны*. СПб., 1858. С. 16.

⁹ Westlake H. D. *Thucydides and the Pentekontaetia* // CQ. 1995. Vol. 5. P. 53 ff. В 1993 г. критическое отношение к «Истории»

Ценным источником информации являются также речи послов, политических деятелей в «Истории» Фукидида. Хотя эти речи составлены им самим и их нельзя воспринимать буквально как Переложение того, о чем говорили ораторы, тем не менее они важны для понимания внутренней и внешней политики Спарты, Афин и отчасти других греческих полисов в V в. до н. э., а также для характеристики отдельных политических деятелей¹⁰.

Среди источников второй группы наибольшую ценность представляют официальные документы на камне: законы, декреты Народных собраний, отчеты о поступлении и расходах общественных денег, списки погибших граждан в различных сражениях. Из официальных документов наиболее важными для исследования политической истории являются тексты афинских декретов и договоров с другими греческими полисами¹¹. Особый интерес

Фукидида и, в частности, к его очерку о Пентеконтаэтии высказал известный американский историк Бэдиан (*Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore; London, 1993*). Автор остро полемизирует с теми исследователями, которые считают Фукидида высокоавторитетным историком. Это прежде всего комментатор «Истории» Фукидида Гомм, а также де Сент-Круа — автор великолепной монографии об истоках Пелопоннесской войны (*Sie Croix G. E. M. de. The Origins of the Peloponnesian War. Ithaca; London, 1972*). В данной связи см. рецензию Сурикова на книгу Бэдиана (ВДИ. 1996. № 3. С. 197 сл.). О ценности очерка Фукидида о Пентеконтаэтии см.: *Pritchett W. K. Thucydides' Pentekontaetia and other Essays. Amsterdam, 1995*; *Alonso-Nunez J. M. Die Archäologien des Thucydides. Konstanz, 2000*; *Rasmussen A. 1) Thucydides Conception of the Peloponnesian War I: Imperialism // Classica et Mediaevalia. 2001. Vol. 52. P. 57 ff.*; 2) *Thucydides Conception of the Peloponnesian War II: Hellas // Classica et Mediaevalia. 2002. Vol. 53. P. 81 ff.*

¹⁰ *Turasiewicz B. Pericles' Funeral Oration in Thucydides and its Interpretation // Eos. 1995. Vol. 83. P. 33 ff.*; *Road T. Thucydides Narrative...; Jörg F. Aufschlußreiche Rhetorik. Ein Versuch über die Redekultur und ihren Verfall bei Thukydides. Mit einem Geleitwort von Verlag, 2000*; *Bosworth A. B. The Historical Context of Thucydides Funeral Oration // JHS. 2000. Vol. 120. P. 1 ff.*

¹¹ *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Cent. B. C. / Ed. by M. N. Tod. 2-nd. Oxford, 1946* (далее *Tod*²); *Die Staatsverträge des Altertums / Herausgegeben von H. Bengtson. Bd. II (Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr.). München, 1962* (далее *StV, II*); *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the Fifth Cent. B. C. / Ed. by*

представляют финансовые документы: во-первых, Фукидид говорит о них крайне недостаточно, во-вторых, финансы — основа всякого государства, также и древнего. В числе упомянутых документов необходимо выделить афинские налоговые списки. Это списки городов, входивших в Афинский морской союз и ежегодно плативших в казну богини Афины так называемые начатки (*απαρχή*), т. е. 1/60 часть от суммы налога (фороса)¹². Указанные документы помогают понять своеобразие афинской политики в отношении к союзникам и исследовать экономические, политические и юридические аспекты становления Афинской империи.

Однако эпиграфические памятники приобретают гораздо большую ценность, если их рассматривать в сравнении с литературными данными, позволяющими выявить обстоятельства, при которых были приняты те или иные законы и декреты, характер общественного мнения, причины, способствовавшие их принятию, и вытекающие из этого следствия. Поэтому кроме основных исторических трудов немаловажное значение для исследования отмеченных выше проблем имеют также такие литературные произведения, как политические памфлеты и трактаты. Значительный интерес представляют приписываемый Ксенофону политический памфлет «Афин-

R. Meiggs, D. Lewis. Oxford, 1969 (далее *ML*). Подбор литературных и эпиграфических источников по истории архаической и классической Греции представлен в следующих новейших изданиях: *Translated Documents of Greece and Rome. Vol. I: Archaic Times to the End of the Peloponnesian War / Ed. and Transl. by Ch. W. Fornara. Cambridge, 1988*; *Grawford M., Whitehead D. Archaic and Classical Greece. A Selection of Ancient Sources in Translation. Cambridge, 1989*; специально для периода Пентеконтаэтии: *Суриков И. Е. Внешняя политика Афин в период Пентеконтаэтии // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 2: Хрестоматия. Казань, 2002. С. 39 сл.*

¹² Все эти надписи собраны в великолепном издании: *Meritt B. D., Wade-Gery H. T., McGregor M. F. The Athenian Tribute Lists. Vol. I. Cambridge (Mass.), 1939; Vol. II-IV. Princeton, 1949-1953* (далее *ATL*). В отечественной историографии эти документы проанализировал Паршиков (*Паршиков А. Е. Списки дани афинских союзников (454/3—432/1 гг. до н. э.) // Паршиков А. Е. Исследования по истории Афинской морской державы / МГЭПИ. М., 1976. С. 67 сл. - Деп. в ИНИОН АН СССР 02. 12. 1976. № 1044*).

ская полития», сочинение Стесимброта «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле» (FGH II A 107 F I—II. S. 516–519; комментарий: S. 345–348) и трактат Аристотеля «Афинская полития». Данные этих источников, несомненно, важны для выяснения сущности афинской демократии и роста морского могущества афинян, характеристики различных форм проявления их имперской политики по отношению к союзникам и оценки внутренней и внешней политики Афин в рассматриваемый период времени.

Несмотря на возрождение в послевоенный период гиперкритического отношения к «Афинской политии» Аристотеля¹³, большинство современных ученых считает, что этот трактат представляет большую ценность как систематическое изложение афинской внутривосточной истории, богатое разнообразными материалами и основанное на вполне добросовестных источниках¹⁴.

К источникам третьей группы, как уже отмечалось, необходимо отнести авторов позднего времени. Прежде всего нас интересуют историки IV в. до н. э., ученики Исократы — Эфор и Феопомп. Их сочинения, к сожалению, не сохранились, но были широко использованы эллинистическо-римскими писателями, такими как Диодор Сицилийский и Плутарх, сочинения которых особенно важны для изучения рассматриваемых нами проблем.

Некоторые современные исследователи совершенно отвергают значение сочинений поздних авторов, считая, что «для них в той или иной степени характерны три особенности: влияние риторики, чистая фикция и ошибочно понятая ранняя традиция»¹⁵. Столь категорическое суждение едва ли оправдано. Необходимо всегда помнить, что Геродот, Фукидид и другие главные источники иногда опускают некоторую информацию. Что же

13 Day J., Chambers M. *Aristoteles' History of Athenian Democracy*. Berkeley, 1962.

14 Доватур А. И. *Политика и Полития Аристотеля*. М.; Л., 1965. С. 115 сл.; Rhodes P. J. *A Commentary on the Aristotelian Athenian Politeia*. Oxford, 1981. См. также: *Aristoteles. Die historische Fragmente/ Übersetzt und Erläutert von M. Hose*. Berlin, 2002.

15 Hignett Ch. *Xerxes' Invasion of Greece*. Oxford, 1963. P. 7 ff.; Gomme A. W. *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. I. Oxford 1966. P. 365 ff.

касается второстепенных историков, то не следует исключать возможности сохранения ими ценных сведений, по тем или иным причинам не упоминаемых предыдущими авторами.

От главного сочинения Эфора «Всеобщая история» сохранилось только 157 фрагментов, из которых 14 посвящены описанию Пентеконтаэтии¹⁶. Достоверность рассказа Эфора основывается главным образом на использовании добротных источников. Для характеристики периода Пентеконтаэтии он использовал, кроме Фукидида, также сочинения аттидографов. Все сказанное не позволяет согласиться с разрушительным скептицизмом в отношении Эфора Шварца и других гиперкритиков¹⁷.

Характеризуя Феопомпа и его сочинение «Филиппика», исследователи указывают на большую ученость и трудолюбие этого автора. Для нас особенно важна X глава его труда¹⁸. Ценность сообщаемой им информации во многом определяется богатством и разнообразием его источников. Феопомп обращался также к изучению документального материала и использовал его для подтверждения устной и письменной традиции.

Большое значение для исследования отмеченных выше проблем имеют сочинения Диодора Сицилийского и Плутарха. Диодор — единственный автор после Фукидида, который дает развернутое изложение греческой истории V в. до н. э.¹⁹ Плутарх, как и Диодор, был главным

¹⁶ FGH II A 70 F 63–67; 186–196. S. 37–109; комментарий: S. 22–ЮЗ.

¹⁷ Schwartz E. 1) *Ephoros* // RE. 1909. Bd. VI. Sp. 2 ff.; 2) *Die Zeit des Ephores* // *Hermes*. 1909. Bd. 35. S. 481 ff.

¹⁸ FGH II B 115 F 85–100. S. 369–371; комментарий: S. 351–403. Обстоятельный комментарий фрагментов X главы сочинения Феопомпа и анализ его источников см.: Connor W. R. *Theopompus and Fifth-Century Athens*. Washington, 1968.

¹⁹ Греческая история V в. до н. э. изложена в XI–XV кн. его «Исторической библиотеки». События Пентеконтаэтии описаны в XI–XII кн. (XI, 37– XII, 40). Перевод и комментарий отдельных глав этих книг опубликован нами в трех выпусках межвузовского сборника научных статей «Из истории античного общества» (Горький, 1979. С. 3 слл.; 1983. С. 3 слл.; 1986. С. 5 слл.); кроме того, см.: *Антология источников по истории, культуре и религии древней Греции* / Под ред. В. И. Кузищина. СПб., 2000. С. 170 слл. Об оценке

объектом филологической критики XIX в. Только после Второй мировой войны его авторитет был восстановлен и сегодня его ставят на первое место, непосредственно за выдающимися писателями древности²⁰.

Плутарх не был историком. Он был философом-моралистом и в «Сравнительных жизнеописаниях», а также в других своих моралистических сочинениях старался показать, как проявлялись характер и моральные качества человека в процессе его общественной деятельности. Вместе с тем необходимо признать, что Плутарх, собирая материал для своих биографий, обращался к широкому кругу источников. Во вступлении к биографии Никия он пишет, что попытается, «вкратце коснувшись исторических событий, собрать воедино то, что обычно ускользает от мнения большинства и лишь мимоходом высказано другими авторами, а также и то, что обнаружено в древних памятниках и постановлениях» (Plut. Nic., 1). В этом, собственно говоря, и заключается ценность собранной Плутархом исторической информации.

Итак, оценивая значение сочинений поздних авторов, мы видим свою задачу в сопоставлении их сведений с данными Геродота, Фукидида, а также материалами археологии — эпиграфики, ибо только таким образом можно реконструировать подлинную хронологию и историю Греции V в. до н. э.

Важным стимулом для обращения к теме политической истории Пентеконтаэтии служит прежде всего недостаточная степень изученности ее различных аспектов, в частности афино-спартанского дуализма и борьбы за гегемонию в Греции в V в. до н. э. Из дореволюционных работ можно отметить труды Куторги, предвосхитившего многих зарубежных исследователей, которые только

Диодора и его сочинения см.: *Строгоцкий В. М.* 1) Диодор Сицилийский и его «Историческая библиотека» в оценке историографии // ВДИ. 1983. № 4. С. 176 сл.; 2) Введение к «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского и его историко-философское содержание // ВДИ. 1986. № 2. С. 65 сл.

²⁰ *Ziegler K.* *Plutarchos von Chaeronea* // RE. Bd. XXI. 1951. Sp. 636 ff.; *Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография. М., 1973. С. 19 сл.

в начале XX в. серьезно приступили к изучению проблем греческого полиса²¹.

Не потеряли своего значения и в наше время статья Соколова «Пентеконтаэтия», посвященная проблемам хронологии, а также книги Бузескула и Виппера²². Правда, следует указать, что в работах последних тема Пентеконтаэтии была лишь отдельным эпизодом в общей системе изложения материала. Кроме того, работы этих ученых написаны еще до того, как историческая наука обогатилась новейшими эпиграфическими памятниками.

Проблемы политической истории Греции V в. до н. э. нашли отражение и в работах целого ряда современных отечественных ученых. Безусловно, заслуживают внимания труды Лурье²³. Несмотря на излишнее социологизирование, что соответствовало тогдашнему духу эпохи, он в своих работах дал образец глубокого источниковедческого анализа и активно выступал против идеализации афинской демократии и ее политики.

Тема афинской демократии, из всех политических проблем классической Греции более всего привлекавшая отечественных ученых, начиная с 30-х гг. XX в., трактовалась с позиции борьбы двух партий — демократической и аристократической, обусловленной соответствующими классовыми противоречиями. Эта концепция, представлявшая собой наследие модернизаторских теорий начала XX в., отличалась известным схематизмом и догматизмом, поскольку к аристократической партии ученые относили лишь землевладельческие и земледельческие слои, а к демократической — торговцев, ремесленников и моряков.

²¹ *Куторга М. С.* *Собрание сочинений. Т. II.* СПб., 1896.

²² *Соколов Ф. Ф.* *Труды.* СПб., 1910. С. 462 сл.; *Бузескул В. П.* 1) *Перикл. Историко-критический этюд.* Харьков, 1889; 2) *История афинской демократии.* СПб., 1908. С. 111 сл. (переиздание: СПб., 2003); *Vinper P. Ю.* *История Греции в классическую эпоху.* М., 1916. С. 214 сл.

²³ *Плутарх. Избранные биографии / Пер. с греч. с предисл. и комм. проф. С. Я. Лурье.* М.; Л., 1941; *Лурье С. Я.* 1) *История Греции. Ч. I. Л., 1940;* 2) *Геродот. М.; Л., 1947;* 3) *Политическая тенденция трагедии «Евмениды»* // ВДИ. 1958. № 3. С. 42 сл.

Только в более позднее время в работах Глускиной, Фролова, Зайцева, Маринович наметился отказ от традиционных штампов. Социально-экономическая и внутриполитическая жизнь афинской демократии рассматривается здесь в связи с особенностями развития афинского полиса. Фролов подчеркивает связь его политики с идеями рационализма и, указывая на противоречивость афинской рабовладельческой демократии, исследует значение такой ее черты, как аристократизм демократических лидеров. В курсе лекций Маринович наибольший интерес для нашей темы представляет две первых лекции: «Афинская демократия: ее враги и друзья» и «Афинская демократия: у истоков народовластия»²⁴. Рассматривая отношение к афинской демократии в историко-философской литературе, начиная с эпохи Просвещения, автор фиксирует несколько наиболее важных проблем, ставших объектом анализа исследователей. Среди них она выделяет прежде всего проблему сосуществования в афинском демократическом строе демократической практики и аристократической теории. Эта особенность афинской демократии, по мнению Маринович, объясняет крайности в ее оценке: от полного неприятия к чрезмерной идеализации. Другой немаловажной проблемой, которая, согласно исследовательнице, и в настоящее время сохраняет дискуссионное содержание, является связь афинской демократии с рабством. Как подчеркивает Маринович, ученые рассматривают проблемы афинской демократии в тесной связи с Первым Афинским морским союзом и ее развитие связывают с формированием Афинской империи. Интерес

²⁴ Глускина Л. М. 1) Греко-персидские войны // История древнего мира / Под ред. И. М. Дьяконова. Т. II. М., 1983. С. 159 сл.; 2) Афины в правление Перикла // Там же. С. 90 сл.; Фролов Э. Д. 1) Рационализм в политике архаической Греции // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 17 сл.; 2) Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 14 сл.; Зайцев А. И. Перикл и его преемники (к вопросу о приемах политического руководства в древности) // Там же. С. 25 сл.; Маринович Л. П. Античная и современная демократия: новые подходы. Курс лекций. М., 2001. С. 3 сл.

к демократии и ее особенностям в классическом греческом полисе, как пишет автор, резко возрос в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. Торжественно было отмечено 2500-летие рождения демократии, в связи с чем прошло несколько международных конференций и семинаров, а с 1993 г. стал функционировать Копенгагенский центр по изучению полиса (Copenhagen Polis Centre), издавший целый ряд работ, посвященных различным проблемам полиса (см. ниже). Во второй лекции Маринович рассматривает роль различных институтов афинской демократии и ее лидеров.

В работах Паршикова частичное освещение получила тема возникновения и развития Первого Афинского морского союза и проблема экономических и внутриполитических отношений в Афинской морской державе главным образом в период Пелопоннесской войны²⁵. Паршиков сделал целый ряд интересных выводов и наблюдений, однако его суждения, касающиеся статуса афинских колоний, хронологии некоторых афинских декретов и этапов становления и развития афинской державы, остаются спорными.

Некоторые другие аспекты греческой истории V в. до н. э., такие как социальная структура населения Аттики и численность граждан, рабов и метеков в данную эпоху; исследование основных черт политической идеологии афинской демократии в период ее расцвета; строительная деятельность в Афинах и их архитектурные памятники; афинская колонизация и статус афинских колоний и клерухий нашли отражение в работах Доватура, Бергера, Колобовой, Яйленко²⁶.

²⁵ Паршиков А. Е. 1) О статусе афинских колоний в V в. до н. э. // ВДИ. 1969. № 2. С. 3 сл.; 2) Аристотель (Ath. Pol., 23, 5) и организация Первого Афинского морского союза // ВДИ. 1971. № 1. С. 76 сл.; 3) О времени монополизации чеканки серебра в Афинской державе // НЭ. 1972. Т. X. С. 64 сл.; 4) Организация суда в Афинской державе // ВДИ. 1974. № 2. С. 57 сл.

²⁶ Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1961. С. 137 сл.; Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 110 сл.; Доватур А. И. Рабство

Несомненно, значительным вкладом в развитие отечественного антиковедения явилось издание Институтом всеобщей истории АН СССР двухтомного коллективного труда, посвященного проблемам формирования и эволюции греческого полиса. Для разработки нашей темы первостепенное значение имеют главы, написанные Кошеленко, Андреевым, Кондратюк, Исаевой, в которых рассматриваются социально-экономические проблемы, важнейшие черты спартанского и афинского полисов в пору их расцвета и принципы межполисных отношений в V в. до н. э.²⁷

Большим вкладом в изучение проблем архаической и раннеклассической греческой истории является исследование Фролова, посвященное проблеме формирования классического древнегреческого полиса. Принципиальное значение для темы нашей работы имеет основной вывод автора о выделении в греческой истории двух главных видов полисов, соответствующих двум различным формам рабовладения и принципам гражданской корпоративности, — демократического и олигархического. Немаловажное значение имеют и выводы автора о роли колонизации и реформ Клисфена. Безусловно, огромную историографическую ценность представляет монография Фролова, посвященная русской науке об античности, начиная от первых ее шагов в допетровской Руси до настоящего времени²⁸.

Таким образом, в отечественной историографии вопросы политической истории Пентеконтаэтии не получили достаточного освещения. Исследователей интересовали главным образом некоторые аспекты политической истории Афин и Афинского морского союза, в меньшей мере их привлекала спартанская история. Лишь недавно обобщающую монографию по истории Спарты выпустил в Аттике в VI—V вв. до н. э. Л., 1980. С. 25 сл.; Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—VIII вв. до н. э. М., 1982. С. 137.

²⁷ Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под ред. Е. С. Голубцовой, Л. П. Маринович, А. И. Павловской, Э. Д. Фролова. Ч. I—II. М., 1983.

²⁸ Фролов Э. Д. 1) Рождение греческого полиса. Л., 1988 (2-е изд.: СПб., 2004); 2) Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., 1999 (2-е изд.: СПб., 2006).

стила Печатнова, в которой она рассмотрела важнейшие проблемы формирования и развития спартанского полиса в архаический и классический периоды²⁹. Проблемы же афинско-спартанских отношений и борьбы за гегемонию в Элладе, а также тема полис и империя в V в. до н. э. вообще не являлись предметом специального изучения.

В зарубежной историографии к вопросам политической истории Греции V в. до н. э. ученые обращались чаще. Переломным периодом были 50—60-е гг. XX в., когда в западноевропейской литературе наметилась тенденция к преодолению модернизаторского подхода к анализу исторических событий античности, наиболее ярко отразившегося в трудах Белоха, Мейера и фон Пельмана.

Значительное внимание было уделено источниковедческим проблемам. Главные источники по истории Греции V в. до н. э. — «История» Фукидида и «Афинская полития» Аристотеля стали предметом скрупулезного историко-критического комментария, осуществленного, Гомом и Родсом. Появились новые комментарии к «Истории» Фукидида³⁰. Текст Фукидида был подвергнут всестороннему анализу в сочинении фон Фритца³¹, а его концепция о возникновении и сущности власти была исследована Вудхедом³².

После 50-х гг. XX в. стала все более подвергаться сомнению традиционная негативная оценка другого не менее важного для истории Греции V в. до н. э. литературного источника — «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского. Французские ученые, объединенные в Ассоциацию Бюде, осуществили кропотливую работу по из-

²⁹ Печатнова Л. Г. История Спарты в классический период (период архаики и классики). СПб., 2001. К сожалению, о внешней политике Спарты автор говорит очень кратко (С. 184 сл.).

³⁰ Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. V. Oxford, 1981; Hornblower S. A Commentary of Thucydides. Vol. I (Books I — III); Vol. II (Books IV — V, 24). Oxford, 1996 — 1997; Cartwright D. A Historical Commentary on Thucydides. Michigan, 1997.

³¹ Fritz K. von. Die griechische Geschichtschreibung. Bd. I. Berlin, 1967. S. 598 ff.

³² Woodhead A. G. Thucydides on the Nature of Power. Cambridge, 1970.

данию переводов книг «Исторической библиотеки» с общим Введением, написанным Шамо и Бертраком, и ценными филологическими и историко-критическими комментариями³³. Большое значение для исследования различных проблем греческой истории V в. до н. э. имеет издание Ассоциацией Бюде переводов XI—XV кн. В настоящее время и в России готовится к изданию полный перевод «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского с предисловием и комментарием под редакцией Фролова.

События двух мировых войн обратили внимание исследователей на проблемы империализма и имперской политики и их своеобразного проявления в классической Греции.

Среди ученых-антиковедов пальма первенства в разработке этой темы принадлежит де Ромийи, а в 60—80-е гг. XX в. эта тема стала особенно популярной в западноевропейской историографии³⁴. Вместе с тем в эти же годы возникли дискуссии, продолжающиеся и сегодня, о времени завершения трансформации Афинского морского союза в Афинскую империю, об отношении к ней афинских союзников, а также о характере и целях внешней политики Афин в V в. до н. э.

К этой теме тесно примыкает проблема начала Пелопоннесской войны, завершившей пятидесятилетний период развития греческих полисов со времени изгнания персов из Эллады.

Ее исследование в сравнительно недавних работах Кэгена и де Сент-Круа положило начало новым научным спорам³⁵.

³³ *Diodore de Sicile. Bibliotheque historique/ Introduction generale par F. Chamoux et P. Bertrac. Liv. I. Paris, 1993.*

³⁴ *Romilly J. de. Thucydides et l'imperialisme athenien. Paris, 1947; Meantis G. Thucydides et l'imperialisme athenien. Paris, 1965; Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972; Finley M. I. Democracy Ancient and Modern. London, 1973; Rhodes P. J. The Athenian Empire. Oxford., 1985; McGregor M. F. The Athenians and their Empire. Vancouver, 1987.*

³⁵ Критический анализ концепций этих и других авторов см.: *Строгецкий В. М. Античная традиция о причинах Пелопоннесской войны... С. 114 слл. В последнее время к исследованию проблем Пелопоннесской войны в России обратились: Владимирский М. Ю. Политическая борьба в Афинах в конце 30-х гг. V в. до н. э.*

Современные западные исследователи, отвергая модернизаторские концепции, нередко впадают в другую крайность. Исследуя социально-политические отношения в Греции V в. до н. э. и проблемы демократии, эти авторы архаизируют внутривосточную структуру общества в классический период, абсолютизируют роль семейно-клановых связей и личного соперничества между аристократами. Они считают, что экономические факторы в рассматриваемое время не оказывали серьезного влияния на социально-политическую структуру греческих полисов и не определяли характер и направление их внешней политики. Войны же, возникавшие между ними или их союзами, объясняют иррациональными причинами³⁶.

Как уже отмечалось, в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. тема античной, в частности афинской, демократии и понимание феномена полиса стали переживать новый взлет. Это связано с торжественным празднованием 2500-летия рождения демократии (точкой отсчета были выбраны реформы Клисфена), вызвавшим целую серию международных конференций и семинаров³⁷. Античная демократия неотделима от понимания сущности полиса, выяснению которой посвящены исследования Копенгагенского центра по изучению полиса. Результаты этих исследований за 10 лет существования центра с 1993 по 2003 г. обобщил Хансен, автор и издатель шести томов трудов Центра (*Acts of the Copenhagen Polis Centre — CPC Acts 1—6*) и семи выпусков статей Центра, издателями которых были Хансен, Вейтхед, Рааффлауб и др. (*The Papers from the Copenhagen Polis Centre — CPC Papers*

и начало Пелопоннесской войны // *Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1999. Вып. 1. С. 79 слл.*; *Гущин В. П. Перикл и начало Пелопоннесской войны // Para bellum. 2002. № 15. С. 5 слл.*; *Старкова Н. Ю. Притяжение древней Спарты. Очерк источниковедения и историографии. Ижевск, 2002.*

³⁶ Об этом см. наши работы: *Строгецкий В. М. 1) Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987; 2) Становление афинской рабовладельческой демократии в оценке современной буржуазной историографии // Критика концепций современной буржуазной историографии. Л., 1987. С. 207 сл.*

³⁷ *Маринович Л. П. Античная и современная демократия... С. 13, прим. 24.*

1—7), а также других исследований, статей и монографий, написанных как самим Хансеном, так и другими антиковедами. Свою работу Хансен назвал, подобно сочинению Мартина Лютера, «95 тезисов»³⁸.

Эта статья, как замечает автор, может послужить своего рода путеводителем (*vademecum*) среди огромного числа публикаций для ученых, занимающихся различными проблемами возникновения и развития греческого полиса в архаический и классический периоды, включая такие проблемы, как социальная структура и политическая организация полиса, а также особенности его внутренней и внешней политики.

Исследователи Центра, пишет Хансен, пересмотрели и отвергли ряд выводов, ранее сделанных историками и получивших широкое распространение. Так, они опровергли все еще распространенную эволюционистскую модель универсального развития греческого полиса, согласно которой он постоянно эволюционировал, пока, наконец, территориальное государство не поглотило и не прекращало его существование (тезис 4).

Исследователи феномена греческого полиса подвергли критике примитивистский взгляд на античную экономику Финли, полагавшего, что веберовский тип или модель античного города не подходит для большинства греческих полисов. Ученые Центра, как утверждает Хансен, доказали, что эта модель вполне подходит даже для средних и малых полисов, которые, как самоуправляющиеся (хотя и необязательно независимые) политические общины, были по всем признакам указанной модели античными городами (тезис 24).

Исследователи Центра доказали также, что распространенная теория, по которой полис не был разновидностью государства, но являлся безгосударственной общиной (*stateless society*), основывается на искаженном представлении. Это мнение, по словам Хансена,

³⁸ Полное название работы: *95 Theses about the Greek Polis in the Archaic and Classical Periods. A Report on the Results Obtained by the Copenhagen Polis Centre in the Period 1993—2003 // Historia. 2003. Bd. 52. P. 257 ff. См. также: Маринович Л. П. Античная и современная демократия. .. С. 21, прим. 37.*

обусловлено замалчиванием свидетельств источников, подтверждающих наличие в полисах черт государства, выделенных в свое время Гоббсом. Поэтому Хансен считает контраст, на который указывали сторонники теории *stateless society*, между греческим полисом и европейским государством Нового времени всего лишь кажущимся (тезис 30).

В противоположность современной тенденции принижать городской характер греческого полиса исследователи Центра считают «урбанизм» главной чертой полиса и утверждают, что даже в раннеархаический период полис является вместе с тем и городским центром (тезис 33).

Сотрудники Центра, согласно Хансену, сделали весьма важные уточнения о членстве полиса и понятии гражданства, что имеет большое значение для характеристики внутривнутриполитических и социально-экономических отношений в полисе. Современные историки расходятся во мнении о том, кого из жителей общины следует включать или исключать из понятия полис. Ученые Центра показали, что сами греки имели два различных взгляда на эту проблему. Если они рассматривали полис как политическую общину, то тогда считали, что она включала взрослых граждан мужского пола. Когда же термин полис они рассматривали как город и считали его социально-экономической общиной, то включали в нее все население: граждан, свободных иностранцев и рабов обоих полов и всех возрастов (тезис 40).

Хансен отмечает, что нередко зависимость и независимость полиса трактуются историками весьма упрощенно. Поэтому он сообщает, что исследователи Центра открыли 15 различных форм зависимости греческого полиса, что, несомненно, очень важно для выяснения особенностей межполисных отношений в классический период (тезисы 45—46).

Ученые Центра, пишет далее Хансен, полагают, что большинство полисов было разделено на два оппозиционных друг другу полиса, т. е. на две группировки среди граждан. Одна из них включала богатых (аристократов или олигархов), другая — бедных. Иногда это могли быть две различных этнических группы, жившие бок

о бок как граждане одного и того же полиса. Такое деление действительно подтверждается данными источников и, как сообщал Аристотель, противостояние между богатыми и бедным всегда было причиной социальных конфликтов в полисах (στώσεις) (тезис 51). Однако нельзя согласиться с весьма категорическим и прямолинейным выводом сотрудников Центра, что группировка богатых постоянно поддерживала аристократию или олигархию, а группировка бедных — демократию. Социально-политическая расстановка сил в полисе, обусловленная множеством конкретных обстоятельств, часто была более сложной, нежели считают эти ученые. Трудно согласиться также и с другим их выводом — о том, что потеря автономии для граждан полиса всегда была менее болезненной, чем недостаток единодушия (ομόνοια) (тезис 54).

Исследователи Центра совершенно справедливо опровергают мнение, что полис как государство появился в 700-е гг. до н. э. (или даже раньше), а как городской центр — не позднее конца VI в. до н. э. Они отмечают, что недавние археологические раскопки Эретрии, Милета, Мегары Гиблейской и Сицилийского Наксоса указывают, что урбанизация в греческих общинах имела место еще в первой половине VII в. до н. э. и возникла одновременно с формированием полиса как государственной организации (тезис 60).

Наконец, исследователи Копенгагенского центра пересмотрели и традиционный взгляд, согласно которому формирование полиса предшествовало колонизации. Они полагают, по словам Хансена, что процесс формирования полисов дома и в колониях протекал более или менее одновременно, причем в колониях, где греческое население встречалось с туземными и нередко враждебными народами, процесс возникновения полиса — и как укрепленного города, и как политической общины — протекал более быстро, чем на родине (тезис 89). Далеко не все эллинские полисы за пределами Греции были колониями, основанными греческими переселенцами из метрополии. Многие поселения, будучи туземными общинами, стали эллинизированными благодаря аккультурации (тезис 90). Значение процесса колонизации и его размеры

в классический период, как заявляет Хансен, в исторической науке недооценивается. Между тем исследователи Центра показывают, что не менее чем 72 колонии, включая и афинские клерухии, были основаны или переоснованы в V и IV вв. до н. э., и в это время такие крупные в прошлом метрополии, как Халкида, Коринф или Милет были оттеснены новыми большими метрополиями Сиракузами и Афинами (тезис 93). Последний тезис, который выдвигает Хансен, касается вопроса взаимоотношений колонии и метрополии. Автор пишет, что утвердившаяся точка зрения о независимости греческих колоний от метрополий была модифицирована. Исследователи Центра подчеркивают, что не только клерухии Афин и колонии Коринфа оставались в зависимости от своих метрополий, но в такой же зависимости находились колонии, выведенные Сиракузами, Синопой и Киреной (тезис 95).

Все эти выводы, безусловно, нельзя не учитывать, когда мы говорим о внутренней и внешней политике греческих полисов классического периода.

Итак, обращение к теме полис и империя, афинско-спартанский дуализм и конфронтация в V в. до н. э. и рассмотрение всех существующих литературных и эпиграфических источников, имеющих отношение к данной теме, поможет заполнить известный пробел в отечественной историографии античности и даст возможность пересмотреть некоторые выводы ряда современных западных исследователей по наиболее важным проблемам греческой политической истории V в. до н. э. Наконец, учитывая прагматическое назначение исторического исследования и помня о том, что хотя в истории нет прямых аналогий, но есть сходные ситуации, а значит и сходные проблемы, мы полагаем, что изучение различных аспектов данной темы откроет перспективу выявления наиболее общих закономерностей, представляющих несомненный интерес и для рассмотрения различных вопросов международных отношений в Новое и Новейшее время.

* * *

Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю благодарность кафедре истории древней Греции и Рима исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета и моим глубокоуважаемым учителям — К. М. Колобовой, А. И. Доватуру, Д. П. Каллистову, Н. Н. Залесскому, Л. М. Глускиной, Э. Д. Фролову, Ю. В. Андрееву, А. И. Зайцеву, Т. В. Прушакевич, благородный труд которых позволил мне стать ученым и преподавателем.

Глава I

Своеобразие межполисных отношений и особенности внутривполитической борьбы в Спарте и Афинах в V в. до н. э.

1. Пути развития спартанского полиса и важнейшие черты его социально-политической структуры и внутривполитических отношений

Аристотель, рассматривая правильные и неправильные виды государственного строя, склоняется к тому, что главными среди них были два — демократия и олигархия (Arist. Pol., IV, 3, 4, p. 1290 a 13). В данной главе мы и попытаемся выяснить причины возникновения и этапы развития олигархии в Спарте и демократии в Афинах, в значительной степени определивших особенности внешней политики того и другого полисов.

Уже древние по-разному оценивали характер лакедемонского государственного устройства. Как отмечает Аристотель (Arist. Pol., IV, 7, 5, p. 1294 b 20—34), многие считали его демократическим, по мнению же других — лакедемонский государственный строй представлял собой олигархию. Расхождение во мнениях древних

обусловлено было тем, что за основу принимались различные критерии. Первые главное внимание уделяли особенностям быта спартиатов, видя в нем много демократических черт. Вторые обнаруживали немало олигархических особенностей в самой конституции лакедемонян.

Современная историческая наука также не единодушна относительно характера общественно-политического строя Спарты¹. В литературе существует мнение о том, что политический строй в Спарте напоминал крестьянскую демократию, возникшую в Афинах после реформ Солона и Клисфена². Исследователи скептически относятся к сведениям Аристотеля, поскольку считают, что для него Спарта была идеальным образцом смешанной конституции.

Возражая против этой точки зрения, мы покажем, что, несмотря на роднящие Спарту и Афины черты полисного строя, пути развития обоих полисов, а также особенности их социально-экономической и политической

¹Из новейших работ по истории Спарты см.: 1) *Cartledge P. Sparta and Laconica: A Regional History, 1300—362 B. C. London, 1979 (2-nd ed. London, 2002)* (рецензия: *Андреев Ю. В. // ВДИ. 1981. № 2. С. 200 слл.*); 2) *The Peculiar Position of Sparta in the Development of the Greek City-States // PRIA. 1980. Vol. 80. P. 91 ff.; Hooker J. G. The Ancient Spartans. London, 1980; Clauss M. Sparta. Eine Ein fürung in seine Geschichte und Zivilisation. München, 1983; Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса // Античная Греция. Ч. I. М., 1983. С. 194 слл.; Lazenby J. F. The Spartan Army. Chicago, 1985; Старкова Н. Ю. 1) Классическая Спарта: модель полиса и образ жизни // Вестник Удмуртского ун-та. 1995. С. 16 слл.; 2) Культура и религия в архаической Спарте // Мир духовного: религиозно-культурные параллели. Ижевск, 1995. С. 29 слл.; 3) К вопросу о периодизации спартанской истории // Историческое познание: традиции и новации. Ижевск, 1996. С. 151 слл.; 4) Притяжение древней Спарты. Очерк источниковедения и историографии. Ижевск, 2002; *Baltrusch E. Sparta. Geschichte, Gesellschaft, Kultur. München, 1998; Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001; Sparta / Ed. by M. Whitby. Edinburgh, 2002* (сборник статей по социально-политической истории Спарты в архаический и классический периоды); *Welwei K. W. Kontinuität und Wandel im spätarchaischen Sparta // Hermes. 2003. Bd. 131. S. 145 ff.; Thommen L. Sparta: Verfassung und Sozialgeschichte einer griechischen Polis. Stuttgart, 2003.**

Tigerstedt E. M. The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. Stockholm, 1965. P. 44, 68 f.

структур и внутрполисных отношений были глубоко различны. Вместе с тем необходимо отметить, что, хотя Аристотель и обнаруживает в Спарте черты смешанного государственного устройства, он, вслед за Фукидидом (Thuc., I, 19; 76, 1; III, 82, 1; IV, 126, 2; V, 31, 6; 81), считал Спарту олигархическим государством, которое в соответствии со своим политическим устройством насаждало в других полисах олигархическую форму правления, подобно тому, как Афины утверждали в подвластных им полисах демократию по своему образцу (Arist. Pol., IV, 9, 11, p. 1296 a 30-35).

Античная традиция позволяет утверждать, что полис часто возникал либо путем завоевания, как, например, Спарта (Hdt., I, 65-67; Thuc., I, 2, 3, 4; Paus., III, 2), либо в результате договора, как, например, Афины (Thuc., I, 2; 5-6; II, 15, 1), либо будучи основанным в процессе колонизации. Это накладывало отпечаток как на внутреннее развитие полисов, так и на характер межполисных отношений. Если в Афинах сложились более благоприятные условия для развития частной собственности и товарно-денежных отношений и возникла такая общественно-политическая структура, которую принято считать классическим полисом, то в Спарте процесс развития частной собственности с определенного периода стал искусственно тормозиться: здесь в течение длительного времени сохранялось господство государственной собственности, а принятые социальные законы препятствовали более или менее свободному развитию частно-собственнических отношений внутри гражданского коллектива (Plut. Lyc., 8-9; 10; Plat. Leg., passim; Polyb., IV, 45, 3-4)³.

³ Имеется в виду законодательство Ликурга, о котором существует большая литература. Ее глубокий и всесторонний анализ дан в работах: *Андреев Ю. В. 1) К проблеме Ликургова законодательства // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 33 слл.; 2) Спарта как тип полиса. С. 194 слл.; 3) Архаическая Спарта: культура и политика // ВДИ. 1987. № 4. С. 70 слл.; 4) Спартанский эксперимент: «община равных» или тоталитарное государство // Античность и современность. М., 1991. С. 12 слл.; *Печатнова Л. Г. История Спарты... С. 11 слл.**

В условиях традиционного общества прирост населения создавал потребность в новых средствах производства, прежде всего в земле. Большинство греческих полисов, в которых процесс развития товарно-денежных отношений и частной собственности протекал относительно свободно и более быстрыми темпами, пошло по пути выведения заморских колоний. Колонизация, в свою очередь, еще более расширяла товарно-денежные отношения, способствовала развитию ремесла, торговли и укреплению городов. Это усиливало борьбу между демосом и знатью. Развивающиеся индивидуалистические отношения в экономике греческих полисов стали распространяться и на политические отношения, и во многих греческих государствах возникли тирании. Этот путь развития был характерен и для Афин.

Спартанцы же, имея опыт успешного покорения Лаконики, видели в экспансии и подчинении соседних народов и территорий главное средство решения проблемы нехватки земли. Война явилась главным фактором социально-экономического развития спартанского полиса⁴. Она была необходима, чтобы обеспечить условия существования, защитить и увековечить их. Для успешного ведения такой войны община, состоявшая из ряда семей, формировалась как военная организация, которая владела не только землей, но и теми, кто ее обрабатывал. Именно такая организация и была создана в Спарте посредством приписываемого Ликургу законодательства, закрепившего господство государственной собственности и поставившего преграду для развития частной собственности среди граждан.

⁴ Война не была выражением духа дорийской Спарты, как утверждали немецкие ученые 30-х гг. XX в. Об этом см.: *Лурье С. Я. О фашистской идеализации Спарты // ВДИ. 1939. № 1. С. 98 сл.; Oliva P. Sparta and her Social Problems. Prague, 1971. P. 10; Фролов Э. Д. Немецкая буржуазная историография античности новейшего времени (1917—1975) // Античный мир и археология. Вып. 4. Саратов, 1979. С. 148; Печатнова Л. Г. История Спарты... С. 5. В современной западноевропейской литературе эта идея стала возрождаться (см.: *Hammond N. G. L. The Classical Age of Greece. London, 1975. P. 13 ff.*).*

В истории спартанского государства можно выделить, по крайней мере, три этапа завоеваний, с которыми связано становление и развитие спартанского полиса. Первый этап имел место, когда в результате дорийского завоевания и путем синойкизма с некоторыми ахейскими общинами возникла община спартиатов, установившая господство в Лаконике. Сохранился очень важный документ в передаче Плутарха (*Plut. Lyc., 6, 2—3*), так называемая Большая Ретра Ликурга, которую можно рассматривать как конституционное оформление спартанского полиса в середине VIII в. до н. э.⁵

Хотя территория Лаконики была разделена на клеры, тем не менее по мере роста населения земли все более не хватало. Решение этой проблемы спартанцы видели в завоевании соседних территорий за пределами Лаконики. Именно с этой целью они и предприняли первую Мессенскую войну⁶. Объектом завоевания были две плодородных долины, расположенные по берегам реки Памис — Стениклер на севере и Макария на юге (*Plut. Lyc., 8*). В результате этой войны в Спарте возникло противоречие между знатью и царями, с одной стороны, и рядовыми гражданами, с другой. Следствием этого конфликта стала знаменитая поправка к Ретре Ликурга (*Plut. Lyc., 6, 4*)⁷, усилившая роль аристократии. События первой Мессенской войны составили второй этап спартанского завоевания, фактически продолжившего агрессию Спарты в Лаконике.

⁵ О большой Ретре Ликурга см. указанную выше литературу (прим. 3). Анализ новейших работ об этой Ретре см.: *Зайков А. В. «Кривда» и конституционные процедуры в архаической Спарте // Античная древность и Средние века. Сб. науч. трудов. 2003. Вып. 34. С. 23 сл.*

⁶ О первой Мессенской войне (743—724 гг. до н. э.): *Turt., fr. 4 Diehl³; Paus., IV, 5, 10; 11, 1; 13, 6—7, 23, 6; Plut. Moral., 231 c; Lyc., 8; Euseb. Chron., II, p. 182. К этому см.: Старкова Н. Ю. Первая Мессенская война и ее влияние на внутривосточное развитие Спарты // Античность и раннее средневековье. Н. Новгород, 1991. С. 3 сл.; Печатнова Л. Г. История Спарты... С. 81 (там же см. ссылки и на современную западноевропейскую литературу).*

⁷ К анализу текста поправки к Ретре см.: *Зайков А. В. «Кривда» и конституционные процедуры... С. 24; также: Печатнова Л. Г. История Спарты... С. 56 сл.*

Третий этап завоевания характеризовался окончательным оформлением общественно-политического строя, что было результатом так называемой второй Мессенской войны или восстания мессенцев, подавление которого доставило спартиатам господство над всей территорией Мессеннии⁸.

Длительные Мессенские войны, в результате которых Спарта покорила плодородные земли юго-западной части Пелопоннеса, оказали решающее влияние на ее общественно-политический строй, причем это влияние было совершенно отличным от того, которое имела колонизация на другие греческие полисы. Поскольку приобретенные земли не были даны лаконским гражданам в частную собственность, Мессенские войны не способствовали дальнейшему развитию товарно-денежных отношений в Спарта. Объектом завоевания спартиатов были не только земли, но и живущие на них люди. Следствием этого в Спарте сложилась своеобразная социальная система. Большая часть покоренных наиболее плодородных земель стала собственностью государства (πολιτικῆ χῶρα — Xen. Lac. Pol., X, 14; Polyb., VI, 15), а живущие на этих землях население было превращено в государственных рабов-илотов⁹. Эта земля вместе с илотами была разделена на клеры (9 тыс. наделов) и распределена между спартиатами, которые выступали не как собственники, а как держатели наделов и обрабатывавших их государственных рабов¹⁰. Менее плодородные земли,

⁸ О второй Мессенской войне (669 г. — конец VII в. до н. э.): Paus., IV, 15, 1; 23, 4; 27, 9; Euseb. Chron., II, p. 182; Strab., VIII, 4, 10. К этому см.: Старкова П. Ю. Вторая Мессенская война и ее роль в истории архаической Спарты // *Античность, Средние века и Новое время. Социально-политические и этнокультурные процессы*. Н. Новгород, 1997. С. 56 сл.; Печатнова Л. Г. *История Спарты...* С. 104 сл.

⁹ Об илотии как государственном рабстве: Lotze D. Μεταξύ ελευθέρων καὶ δούλων. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerung in Griechenland bis zum IV Jahrh. v. Chr. Berlin, 1959. S. 36 ff.; Печатнова Л. Г. *История Спарты...* С. 209 сл.; Ducat J. Obligations of Helots // *Sparta* / Ed. by M. Whitby. Edinburgh, 2002. P. 196 ff.

¹⁰ О запрещении продажи земли в Спарте: Arist., fr. 611, 12 Rose = Plut. Moral., 238 e. Каждый спартиат получал равный надел

находившиеся на окраинах, получили периэки, свободные, но неполноправные жители 100 маленьких общин, расположенных в Лаконике и Мессении (30 тыс. наделов).

После окончания Мессенских войн илоты и периэки составляли основную массу населения лакедемонского государства. Спартиаты оказались незначительным господствующим меньшинством (Arist. Pol., II, 6, 11—12, p. 1269 b 38). Это и была главная причина, заставившая лакедемонян создать такой общественно-политический строй, который обеспечил бы внутреннее единство спартанских граждан, а также способствовал утверждению спартанского господства в Пелопоннесе и удержанию в повиновении множества илотов и периэков. С этой целью аграрные мероприятия, осуществленные непосредственно в ходе завоевания Мессении, были дополнены (вероятно, несколько позднее) комплексом мер социально-экономического характера, среди которых наиболее важными являлись консервация железной монеты и конфискация золота и серебра у частных лиц (Plut. Lys., 9; Lys., 17; Xen. Lac. Pol., VII, 5).

По этой причине в Спарту стало все меньше прибывать иностранцев. Значительно сократился выезд за границу самих спартиатов, поскольку это теперь было сопряжено со многими трудностями. Стали сокращаться и экономические связи Спарты, и установился государственный контроль за ее внешней торговлей (Thuc., IV, 53, 2-3).

из государственной земли (Plat. Leg., 3, 684; Isocr., XII, 179; Polyb., VI, 45, 3). О спартиатах-держателях наделов, а не их собственниках см.: Plut. Lys., 16. Спартиаты не имели права требовать от илотов, обрабатывавших их наделы, более установленной государством нормы (Turt., fr. 5 Diehl³; Plut. Moral., 239 d-e; Myr., FGH 106 F 2). Возможно, ограниченное право частной собственности оставалось в руках спартанских женщин, контролировавших домашнее хозяйство. Ср.: Андреев. Ю. В. Спартанская гинекократия // *Женщина в античном мире*. М., 1995. С. 44 сл. См. также: Ducat J. La femme de Sparte et la cite // *Ktema*. 1998. T. 23. P. 385 ss.; Thommen L. *Spartanische Frauen* // *Museum Helveticum*. 1999. T. 56. P. 129 ff.; Pottery S. *Spartan Women*. Oxford, 2002.

Таким образом, к середине VI в. до н. э. в Спарте благодаря упомянутым выше реформам осуществились консолидация и укрепление коллектива спартанских граждан, получившего название «общины равных» (βιοοιο). Этот термин, обозначавший гражданскую общину спартиатов, спартанский полис, отражал известное экономическое и политическое равенство среди его граждан¹¹. В самом деле, гомери представляли единый гражданский коллектив, противостоящий илотам и периэкам внутри полиса и чужестранцам за его пределами. Они имели равное право на владение участком земли и обрабатываемыми его илотами, предоставляемое им государством. Спартиаты, как гомери, проходили все ступени общественного воспитания — агогэ (ἀγογή), являлись профессиональными воинами-гоплитами, имели равное право участвовать в Народном собрании и быть избранными на высшую должность в государстве, в коллегию эфоров. Все спартиаты в равной степени должны были подчиняться неписаным спартанским законам, которые имели силу обычаев. Этим, по-видимому, и объясняется утверждение Геродота о деспотической власти закона над спартиатами (Hdt., VII, 104). Закон требовал также обязательного для спартиатов строгого соблюдения дисциплины и субординации (Thuc., V, 66, 4). Таким образом, лаконская бедность и простота, неразвитость товарно-денежных отношений стирали границы социального различия в общине спартиатов и делали ее относительно однородной. В этом смысле вполне можно отчасти согласиться с мнением исследователей, указывающих на отсутствие в Спарте демоса, той социальной категории, которая обычно встречается в большинстве других полисов¹². Но точнее было бы сказать, что демос в Спарте существовал. Ведь гражданский коллектив Спарты насчитывал в середине V в. до н. э. не менее 8 тыс. граждан и апелла как важный институт спартанского демоса, бесспорно, представляла собой

¹¹ Об «общине равных» в Спарте см.: Печатнова Л. Г. История Спарты... С. 259 сл.

¹² Lotze D. Aktuelle Aspekte der Demokratie // Die Antike in der sozialistischen Kultur. Jena, 1974. S. 62 ff.

внушительную силу¹³. Другое дело, что спартанский демос в отличие от других полисов был более однородным, в нем не было деления на крестьян, ремесленников, торговцев и поэтому в условиях закрытого общества в нем легче было внедрять государственную идеологию. Поэтому вплоть до начала IV в. до н. э. спартанский демос фактически не участвовал в политической борьбе. В отличие от других полисов она в Спарте носила верхушечный характер: борьба наблюдалась между царями, эфорами и геронтами.

Казалось бы, в Спарте должно было бы иметь место лишь противопоставление всей однородной общины равных илотам и периэкам. Однако корпоративность и элитарность были характерной чертой внутреннего строя самих спартиатов, среди которых абсолютного равенства не существовало. Это подтверждается наличием наследственной царской власти, царских родов Агиадов и Эврипонтидов, и, по-видимому, наследственной аристократии (Hdt., VII, 134), которая хотя и лишилась значительной части своих привилегий, тем не менее сохранила свое представительство в герусии, куда доступ остальным спартиатам был ограничен (Arist., II, 6, 14, p. 1270 b 24). Источники указывают и на имущественное неравенство среди спартиатов (Hdt., VI, 61; Xen. Lac. Pol., 53). Φιλονικία («состязательность») как важнейшая черта общественной жизни спартиатов также способствовала развитию в спартанском обществе лидерства и элитарных групп.

Важным социальным инструментом, содействовавшим укреплению олигархических особенностей общественно-политического строя Спарты и внутреннего единства гражданской общины спартиатов, повышению ее корпоративности, обеспечению преемственности между поколениями и формированию в спартиатах качеств профессиональных воинов, служила система гражданского воспитания — агогэ¹⁴. Впервые она, вероятно, была

¹³ На это совершенно справедливо указывал Андреев (Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса. С. 209).

¹⁴ О системе агогэ см.: Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса. С. 205 сл.; Печатнова Л. Г. История Спарты... С. 270 сл.

введена в период становления спартанского полиса, но свое окончательное завершение получила уже после Мессенских войн.

Система агогэ имела огромное социально-политическое и военное значение. Во-первых, прохождение через нее было одним из важнейших условий получения гражданских прав; во-вторых, эта система способствовала утверждению лаконского образа жизни, предусматривающего воспитание в спартиатах дисциплинированности и беспрекословного подчинения законам и обычаям Спарты, чувства спартанского патриотизма и превосходства над другими эллинскими народами (Schol. Eur. Or., 45; Pind. Pith., XI, 16, 32; Nem., IX, 34; Hdt., I, 67-68; VII, 159; Paus., VII, 18; Plut. Ages., 6), подчинение личных интересов интересам государства; в-третьих, эта система обеспечивала моральную и физическую подготовку профессиональных воинов-гоплитов. Вместе с тем она укрепляла в спартанском обществе корпоративный дух и элитарную структуру.

Своеобразие политической организации спартанского общества характеризовалось прежде всего высокой ролью государства, которое в лице эфоров, опиравшихся на так называемых всадников и выбираемых из их числа должностных лиц агатургов (Hdt., I, 67)¹⁵, а также герусии, осуществляло тщательно продуманную и разработанную систему непосредственного контроля за повседневной жизнью граждан. Эфоры сосредоточили в своих руках весьма широкие полномочия, что делало их правление в глазах Аристотеля подобным тираническому (Arist. Pol., II, 6, 14, p. 1270 b 14; ср.: Arist. Pol., II, 3, 10, p. 1265 b 40). Аристотель говорит, что они ведали важнейшими отраслями управления в Спарте, контролировали всех должностных лиц (Arist. Pol., II, 6, 18, p. 1271 a 5) и придавали устойчивость спартанскому государственно-му строю. Для достижения этих целей эфоры практиковали такие политические акции, как объявление войны илотам с целью физического уничтожения наиболее

¹⁵ Об эфорах см.: *Rischer N. Les Ephores. Etudes sur l'histoire et sur l'image de Sparte (VIII — III siècles av. J.-C).* Paris, 1998.

опасных и мятежных из них — криптии (κρυπτεία: Plut. Lyc., 28; Plat. Leg., 633 b; Arist., fr. 611, 10 Rose) и изгнание иностранцев — ксенеласии (ξενελασία: Hdt., III, 148; Plut. Ages., 10; Thuc., I, 144, 2; II, 39, 1)¹⁶.

Хотя эфоры избирались из всех граждан, однако в силу их чрезвычайно огромной и бесконтрольной власти самостоятельность и инициатива отдельных из них нивелировалась и подчинялась корпоративному духу всей коллегии в целом, которая, по сути, противостояла основной массе граждан. Поэтому очень важным является замечание Аристотеля, отметившего, что «самый образ жизни эфоров не соответствует общему духу государства; они могут жить слишком вольготно, тогда как по отношению к остальным существует излишняя строгость» (Arist. Pol., II, 6, 16, p. 1270 b). Геронты также противостояли основной массе спартанских граждан, поскольку, будучи, подобно эфорам, свободными от всякого контроля, избирались пожизненно и далеко не из всех спартиатов. Таким образом, эфорат и герусия представляли собой консервативно-олигархическую правящую группу, которая и составляла в Спарте социальную и политическую элиту, призванную строго следить за тем, чтобы установившийся в Спарте общественно-политический порядок не нарушался.

Сравнивая внутрполисные отношения Спарты и Афин, важно обратить внимание на одно весьма существенное различие, не позволяющее нам говорить ни о какой форме демократии в Спарте. Гарантом демократического строя в Афинах служила гелиэя — суд присяжных, возникший при Солоне и постепенно расширявший свои функции и укреплявший свой авторитет. Его значение заключалось в том, что, обладая правом контроля за должностными лицами и осуществляя судебные функции, он тем самым гарантировал фактическое участие всех граждан, включая и представителей низшего имущественного разряда, фетов, в управлении. Никакого института, подобного гелиэе, в Спарте

¹⁶ *Figueira T. J. Xenelasia and Social Control in Classical Sparta // CQ. 2003. Vol. 53. P. 44 ff.*

не существовало. Правом суда и контроля здесь были наделены сами высшие должностные лица — эфоры и геронты.

Итак, своеобразная социально-экономическая и политическая структура лакедемонского государства, возникшая в результате завоевания соседних территорий и обусловленная необходимостью держать в повиновении поработанное и зависимое население, сохранить навечно завоеванные земли и закрепить господство лакедемонян в Пелопоннесе, избавила Спарту на очень ранней стадии от социальных потрясений, гражданских войн и тирании, составляющих неотъемлемую особенность исторического развития большинства греческих полисов VIII—VI вв. до н. э. Стабильность и относительная устойчивость спартанского режима, на что единодушно указывают, античные авторы, не была результатом только идеализации ими спартанского общественно-политического строя. Факты свидетельствуют о том, что на протяжении более чем двух веков, начиная с середины VI в. до н. э., социально-экономическая и политическая структура спартанского общества не претерпела существенных изменений. Поэтому можно сказать, что искусственно созданная социально-экономическая и политическая структура спартанского полиса оставалась в целом неизменной до тех пор, пока в недрах лаконского общества не получила достаточного развития движимая и недвижимая частная собственность.

Однако этот путь развития привел к подмене в Спарте свободной политической жизни принуждением и подозрительностью во взаимных отношениях граждан (Thuc., II, 37, 2; V, 64, 4). Динамично развивавшаяся внутренняя и внешняя политика, открытая для экспериментирования и отличающаяся быстротой в замыслах и в осуществлении принятых решений, присущая большинству других полисов, и особенно Афинам, не была характерна для Спарты. Спартанская внутренняя и внешняя политика, начиная со второй половины VI в. до н. э., в основном отличалась консерватизмом, медлительностью, закрытостью и стремлением сохранить достигнутое и существующее

и всегда с готовностью противостоять восстанию илотов и периэков.

Тем не менее эта политика не исключала имперских и гегемонистских устремлений Спарты и в отдельные периоды характеризовалась даже агрессивностью. Объяснение этому нужно искать как во внутривнутриполитических отношениях Спарты, так и во взаимосвязях ее с союзниками. Подчеркивая относительную устойчивость и стабильность спартанского общественно-политического строя, античные авторы указывают на единодушие спартиатов (ομόνοια). Между тем это замечание не следует понимать буквально. В античной традиции имеется немало прямых сведений и косвенных намеков на то, что в Спарте как во второй половине VI в. до н. э., так и в рассматриваемый нами период существовала политическая борьба и имел место различный подход к вопросам внешней политики. Однако содержание спартанских внутривнутриполитических отношений коренным образом отличалось от соответствующих отношений в других полисах, и в частности в Афинах, где в конце VI — первой половине V в. до н. э. внутри гражданского коллектива наблюдалось столкновение демократических и аристократических тенденций, обусловленное тем, что здесь товарно-денежные отношения развивались более свободно и способствовали более глубокой дифференциации афинских граждан.

В Спарте же, где сложилась относительно однородная социальная структура, политическая борьба ограничивалась лишь правящей верхушкой, и основная масса спартанских граждан, по крайней мере, в рассматриваемый период, активного участия в ней не принимала. Формой проявления этой борьбы был конфликт между царями, с одной стороны, и эфорами и геронтами — с другой. Осуществление внешнеполитических мероприятий требует относительной самостоятельности командующих, каковыми в Спарте были чаще всего цари. Пользуясь широкими полномочиями, особенно во время войны (Hdt., VI, 56; Xen. Lac. Pol., 13—15), и стремясь освободиться от жесткого контроля со стороны эфората и герусии, они нередко проявляли максимум самостоятельности и поступали вопреки спартанским законам и обычаям. Эфоры

вместе с геронтами поддерживали царей лишь до тех пор, пока самостоятельность и растущий авторитет последних не вызывали у них опасения. Цари могли добиться определенных успехов, действуя только сообща (Plut. Ages., 12), поэтому эфоры старались внести раскол во взаимоотношения между ними.

Первым засвидетельствованным в источниках конфликтом подобного рода можно считать взаимоотношения эфоров с царем Анаксандридом из рода Агиадов в середине VI в. до н. э. (Hdt., I, 67, 68, 82; V, 39, 41; VI, 65). В конце VI — начале V в. до н. э. обострилась борьба между эфорами и царем Клеоменом (Hdt., III, 148; V, 49—51; VI, 74—75, 84, 108; Plut. Moral., p. 223)¹⁷. В рассматриваемый нами период времени большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику Спарты оказал конфликт между эфоратом и Павсанием.

2. Политическая борьба в Спарте в 70-е гг. V в. до н. э. (дело Павсания)

Греко-персидские войны выдвинули как в Спарте, так и Афинах новых лидеров, которые, добившись успехов в борьбе с персами и вынашивая планы более грандиозных мероприятий, вступали в противоречие с традиционными принципами и нормами полисной жизни. Этими политиками были в Спарте Павсаний, а в Афинах — Фемистокл. Уже древние авторы, описывая их жизнь как бы в сравнении (Thuc., I, 89, 3—96; 128, 3—13; Diod., XI, 39—47; 56—59), видели в их судьбе черты сходства. Они проявлялись не в том, что оба политика

¹⁷ Об этих конфликтах см. более подробно наши статьи: *Строгецкий В. М.* 1) Истоки конфликта эфората и царской власти в Спарте // *Античный полис*. Л., 1979. С. 42 слл.; 2) Клеомен и Демарат. Особенности политической борьбы в Спарте в начале V в. до н. э. // *ВДИ*. 1982. № 3. С. 38 слл. См. также: *Meier M. Kleomenes I, Demarat o s und das spartanischen Ephorat* // *GFA*. 1999. Bd. 2. S. 89 ff. Кроме того: *Суриков И. Е.* Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 211 слл.; *Печатнова Л. Г.* Противостояние Клеомена и Демарата (К вопросу о соотношении властных структур в Спарте) // *ВДИ*. 2006. № 4. С. 29 слл.

претерпели наказание от облагодетельствованных ими же людей. Сходство обнаруживается прежде всего в том, что Павсаний и Фемистокл относились к типу политических деятелей, как бы опережавших своими поступками эпоху. В самом деле, имперские и гегемонистские цели Павсания, которых он думал достигнуть, опираясь на помощь персидского царя, в значительной степени были воплощены в жизнь в конце V в. до н. э. Лисандром. Начинания же Фемистокла впоследствии во многом были продолжены и осуществлены Эфиальтом и Периклом. Кроме того, гибель Павсания и изгнание Фемистокла явились важной вехой в афино-спартанских отношениях. В то время как в Спарте после расправы с Павсанием значительно окрепла консервативно-олигархическая правящая политическая группа эфоров и геронтов, в Афинах после изгнания Фемистокла усилилась консервативно-аристократическая группировка знати во главе с Кимон. Это в значительной степени стабилизировало взаимоотношения между Спартой и Афинами, закрепив на некоторое время во внешней политике этих полисов принцип афинско-спартанского дуализма.

Сначала обратимся к рассмотрению роли Павсания в событиях 70-х гг. V в. до н. э. Основными источниками, повествующими о деятельности Павсания после 479 г. до н. э., являются Фукидид (Thuc., I, 95; 128—135), Диодор (Diod., XI, 44—46), Плутарх (Plut. Arist., 23; Cim., 6) и Непот (Nep. Paus., 2—5). Краткие дополнительные сведения дают Геродот (Hdt., V, 32; VIII, 3), Аристотель (Arist. Ath. Pol., 23, 2 sq.) и Юстин (Just., IX, 1, 3). Личность Павсания неоднократно привлекала к себе внимание ученых, в том числе и отечественных, однако далеко не всегда с их выводами можно согласиться, тем более, когда они отличаются гиперкритическим отношением к данным литературной традиции¹⁸.

¹⁸ Об этом см.: *Строгецкий В. М.* 1) Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI, 39—47; 54—59). Перевод и историко-критический комментарий // *Из истории античного общества*. Горький, 1979. С. 3 сл.; 2) Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н. э. (дело Павсания) // *Проблемы античной государственности*. Л., 1982. С. 60 слл.; 3) К оценке афино-

Анализ сведений Фукидида и других авторов убеждает нас в том, что рассказ историка представляет единое целое и должен быть положен в основу реконструкции деятельности Павсания и связанных с ним событий. Диодор, также передающий достаточно детальный рассказ о Павсании, не противоречит Фукидиду, хотя он допускает некоторые отклонения, обусловленные как сокращением сведений Фукидида, так и влиянием материала, позаимствованного из других источников, в частности из Эфора.

Сообщение Диодора, дополняемое вместе с рассказом Фукидида сведениями других авторов, позволяет уточнить хронологию событий и определить главное их содержание. Диодору в угоду принятой им хронологической системе анналистического и синхронистического изложения материала приходилось некоторые события, длившиеся несколько лет, приурочивать к одному году. Часто он брал за основу завершающий год и к нему присоединял то, что случилось прежде. Это характерно и для его рассказа о деятельности Павсания. Все описываемые события он относит к 477 г. до н. э. Однако сопоставление данных всей известной традиции позволяет сделать вывод, что этот год был завершающим в политической карьере спартанского регента.

Его действия на Кипре в качестве стратега эллинов и взятие Византии относятся к 478 г. до н. э. (Thuc., I, 94). Поведение Павсания в Византии историки единодушно характеризуют как тираническое. Они указывают на то, что он значительно превышал свои полномочия и действовал вопреки обычаям эллинов (Thuc., I, 130, 1—2; Diod., XI, 44, 5). Находясь вдали от Спарты и пользуясь своим положением стратега-автократора (Thuc., I, 94), Павсаний строил честолюбивые замыслы достижения господства в Элладе. Возможно, через Мегабата (Hdt., V, 32) он установил контакты с Ксерксом. Однако его первое пребывание в Византии оказалось

спартанского соперничества в 70-е годы V в. до н. э. // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 20 слл.

недолговременным, поэтому он успел только наладить связь с царем.

Союзники не желали терпеть его диктат и жаловались в Спарту. Лакедемоняне незадолго до окончания срока пребывания Павсания в должности возвратили его и предали суду. Но он был оправдан. Относительно его связи с персами у спартанцев в это время не было никаких доказательств. Тем не менее вследствие недовольства союзников спартиаты более не предоставили Павсанию полномочий главнокомандующего (Thuc., I, 95, 6). Тогда Павсаний отправился в Византий в качестве частного лица (Thuc., I, 128, 3), но, будучи изгнан афинянами, поселился в Троянских Колонах, где, как говорит Фукидид (Thuc., I, 131, 1), «имел недобрые намерения». Эти события произошли в течение весны — лета 477 г. до н. э.

Некоторые современные исследователи, отвергая сообщение Фукидида о связях Павсания с персами во второй период его пребывания в Византии, а также во время проживания в Колонах (в Троаде), выдвигают свою, кажущуюся им более правильной, интерпретацию. Они считают, что возвращение Павсания в Византий и последовавшее затем поселение его в Колонах было осуществлено в соответствии с тайным поручением от спартанских властей¹⁹. Однако этот путь едва ли может привести к плодотворному результату. Если спартанские власти дали Павсанию тайное поручение, то какова его цель? Вернуть Спарте гегемонию он не мог. Вести, как считает Лэнг, тайные переговоры с персами от имени Спарты — это слишком далеко уводящая нас от текста источника гипотеза.

Таким образом, мы не видим целесообразности в отказе от сообщения Фукидида. Признав же его за основу, можно прийти к результату, более соответствующему истине. Павсаний, отправляясь в Гелеспонт частным образом, стремился восстановить свое влияние и господство. Он мог надеяться на успех, только получив поддержку извне, т. е. от персов. В это время Колонны не входили

¹⁹ Lang M. Scapegoat Pausanias // C J. 1967/68. Vol. 63. P. 83; Паршиков А. Е. Павсаний и политическая борьба в Спарте // ВДИ. 1968. № 1. С. 135.

в состав Делосской симмахии и отсюда было значительно ближе до Даскилия — резиденции сатрапа Артабаза, которому Ксеркс поручил вести переговоры с Павсанием и оказывать ему помощь²⁰. Однако приказ лакедемонян немедленно вернуться в Спарту нарушил дальнейшие планы Павсания. Поэтому замечание Фукидида о том, что спартанцы не имели никаких улик против него, возможно, объяснялось непродолжительностью его пребывания в Геллеспонте в первый и во второй периоды. За это время Павсаний не успел предпринять каких-либо серьезных действий, что же касается переписки с царем, то она до времени оставалась в тайне. Возможно, уже после возвращения в Спарту из Троянских Колон Павсаний решил заручиться поддержкой илотов (Thuc., I, 132, 4), а также предпринял неудачную попытку привлечь на свою сторону Фемистокла.

Эфоры возвратили Павсания в Спарту, по-видимому, летом 477 г. до н. э. Фукидид говорит, что после того как регент поселился в Колонах, лакедемоняне больше уже не медлили, но послали к нему глашатая со скиталой и велели ему не оставлять Павсания (Thuc., I, 131, 1). С этим замечанием Фукидида согласуются сведения Диодора (Diod., XI, 44—45) и Непота (Nep. Paus., 3). Особняком стоит лишь мнение Помпея Трога (Just., IX, 1, 3), согласно которому, Павсаний удерживал Византию в течение 7 лет. Мы склонны принять мнение Фукидида и Диодора, тем более что текст Помпея Трога не совсем ясен.

После возвращения Павсания в Спарту эфоры сначала заключили его в тюрьму, но потом выпустили на свободу для того, чтобы он предстал перед судом (Thuc., I, 131, 2). Не располагая явными уликами историк говорит лишь о принятии лакедемонянами решения уступить афинянам гегемонию на море, объясняя его тем, что они желали избавиться от тягот войны с персами, считали афинян, с которыми находились в то время в дружбе, способными к главнокомандованию, и опасались, как бы их начальники, подобно Павсанию, не развратились за пределами родины. Это решение лакедемонян было представлено как результат

²⁰ Именно на это время приходится отстранение Ксерксом Мегабата от должности сатрапа в Даскилитиде и назначение на его место Артабаза (Thuc., I, 129). Ср.: Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 114.

ярко проявляться сразу же после Платейской битвы (Thuc., I, 132, 2—3). Стали известны его связи с илотами. Наконец, когда спартанские власти собрали все необходимые факты о поступках Павсания (Thuc., I, 134, 1; Diod., XI, 45, 1—5), они отдали распоряжение о его аресте и приговорили к смертной казни (Thuc., I, 134, 1—3; Diod., XI, 45, 5—7).

Современные исследователи предлагают самые различные датировки гибели Павсания — от 472 до 467 г. до н. э. Однако сопоставление сведений Фукидида и Диодора вполне позволяет согласиться с мнением, высказанным еще в свое время Куторгой, что эфоры расправились с Павсанием, судя по описанию Фукидида (Thuc., I, 134, 1—2), не позднее осени или зимы 476 г. до н. э.²¹

Характеристика места и роли Павсания в политической борьбе в Спарте в 70-е гг. V в. до н. э. является предметом дискуссии. Многие современные ученые, в том числе Лурье и Паршиков, исследуя внутривнутриполитические отношения в Спарте, обнаруживают в ней действия различных политических партий. Аргументом в пользу этой точки зрения для большинства ученых служит известный рассказ Диодора о политических дебатах в Спарте после перехода к Афинам господства на море (Diod., XI, 50).

Рассматривая этот сюжет в сравнении с данными Геродота (Hdt., VIII, 3), Фукидида (Thuc., I, 95, 7), Аристотеля (Arist. Ath. Pol., 23, 2—3) и Плутарха (Plut. Arist., 23), можно прийти к следующему выводу. По-видимому, рассказ о дебатах в Спарте был риторической обработкой Эфором известного сообщения Фукидида (Thuc., I, 134, 1—2). Не располагая явными уликами историк говорит лишь о принятии лакедемонянами решения уступить афинянам гегемонию на море, объясняя его тем, что они желали избавиться от тягот войны с персами, считали афинян, с которыми находились в то время в дружбе, способными к главнокомандованию, и опасались, как бы их начальники, подобно Павсанию, не развратились за пределами родины. Это решение лакедемонян было представлено как результат

дебатов в спартанской герусии и Народном собрании, где якобы высказывались противоположные точки зрения.

Был ли автором этой риторической обработки Эфор или сам Диодор, трудно сказать. Но, несомненно, для последнего она служила образцом парадокса, заключающегося в том, что эфор в силу своего превосходства (υπεροχῆ) сумел переубедить герусию и народ, несмотря на противоположные мнения граждан. Парадоксы, как риторический прием, Диодор часто использует при необходимости подчеркнуть превосходство того или иного политического деятеля. Важно отметить, что Плутарх (Plut. Agist., 23), который также пользовался сочинениями Эфора, не упоминает о политических дебатах в Спарте, и реакцию лакедомонян на то, что господство на море перешло к афинянам, он характеризует в духе Фукидида.

Таким образом, этот рассказ Диодора не может служить доказательством в пользу противоборства различных партий. Деятельность Павсания и его гибель являются собой яркий пример конфликта между стремившимся к независимости политическим и военным лидером, каким был регент Павсаний, и спартанскими властями (эфорами и геронтами), стоявшими на страже государственных интересов и общественно-политического строя. После расправы над Павсанием позиции герусии и эфората как консервативно-олигархической правящей политической группы значительно укрепились. Спарта оставалась эталоном стабильности и порядка и превратилась в оплот консервативно-олигархических и аристократических сил Эллады.

Защита утвердившегося в Спарте общественно-политического строя была главным условием сохранения и укрепления стабильности ее внутривосточного и внешнеполитического положения и господства в Пелопоннесе. Отсюда неизбежны охранительные тенденции в политике лакедомонян, целью которых было недопущение установления демократических порядков как в самой Спарте, так и в Пелопоннесе и в центральной Греции. Поэтому противоречия между Спартой и Афинами возрастали по мере того, как углублялся и расширялся процесс демократизации афинского общества.

3. Значение реформ Клисфена для развития афинской демократии

Своеобразие внутривосточной жизни в Афинах в V в. до н. э. определялось тем, что здесь афинская модель полиса, оформившегося в результате реформ Солона и Клисфена, не препятствовала процессу товарно-денежных отношений. Среди афинских граждан были не только земледельцы и землевладельцы, но также ремесленники, торговцы, моряки и другие категории гражданского населения, не связанные с земледелием. Поэтому по мере того, как роль этой части граждан усиливалась в общественно-политической жизни Афин, создавались благоприятные предпосылки для дальнейшего развития афинской демократии.

Это положение находит подтверждение и в источниках. Однако в последнее время в западной историографии появились работы, в которых коренным образом изменена оценка античной традиции о внутривосточной истории Афин со времен Клисфена и вплоть до начала Пелопонесской войны. Исследователи подвергают сомнению достоверность античной традиции. Особенно негативные суждения высказываются в отношении Аристотеля. Американские исследователи Фрост и Сили, возражая против объяснения политического развития Афин, данного Аристотелем, считают его выводы не отражающими реальную действительность, поскольку они основываются на «гипотезах классовой борьбы»²². Дэй и Чемберс, отмечая, что в «Политике» философ говорит о борьбе двух элементов в государстве: богатых и бедных, приходят к заключению, что «невозможно следовать Аристотелю в его почти марксистском анализе афинского политического соперничества»²³.

Утверждение Аристотеля о соотношении бедных и богатых как диаметрально-противоположных элементов

²²Frost F. J. *Themistocles' Place in Athenian Politics* // CSCA. 1968. Vol. 1. P. 111; Sealey R. *The Origins of Democratia* // CSCA. 1974. Vol. 6. P. 292.

²³Day J., Chambers M. *Aristotle's History of Athenian Democracy*. Berkeley, 1962. P. 144.

государства и зависимости форм государственного строя от перевеса того или иного из этих элементов является лишь развитием идей, высказанных уже Платоном в «Законах» (Plat. Leg., 736 d—e; 743 a; 744 b—e; 831 d) и «Государстве» (De ger., 421 d; 422—423 a—b). Проблема богатства и бедности волновала не только философов, но и поэтов (Аристофан «Богатство»). Это, несомненно, указывает на то, что реальная ситуация в Афинах в V в. до н. э. характеризовалась, с одной стороны, стремлением людей к обогащению, приобретению земли, домов, золота и серебра (Plat. De ger., 548 a—c), с другой — процессом обнищания масс и ростом числа бедняков (Aristoph. Plut., 550 sqq.). Не случайно резкое усиление афинской колонизации приходится на середину V в. до н. э.²⁴ В этом нужно видеть не только проявление имперской политики Перикла, но и его попытку за счет колонизации разрешить проблему афинской бедноты.

Все сказанное заставляет обратиться к рассмотрению наиболее важных проблем политической истории Афин конца VI—V в. до н. э. Главной темой дискуссий последнего времени является интерпретация роли выдающихся деятелей афинской демократии — Клисфена, Фемистокла, Аристиды, Кимона, Эфиальта и Перикла, что представляется чрезвычайно важным, ибо с именем каждого из них связан своеобразный период в истории афинской демократии, и в политике этих лидеров афинско-спартанские отношения занимали едва ли не главное место.

Начнем рассмотрение упомянутой темы с анализа деятельности Клисфена. Истинные его демократические реформы неоднократно привлекали к себе внимание ученых, в том числе и отечественных²⁵. Но поскольку

²⁴ Яйленко В. Л. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982. С. 135.

²⁵ Строгоцкий В. М. 1) Клисфен и Алкмеониды // ВДИ. 1972. № 2. С. 99 слл.; 2) Геродот и Алкмеониды // ВДИ. 1977. № 3. С. 145 слл.; Карпук С. Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 17 слл.; Фролов 9. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 162 сл. О данных археологии, связанных со становлением демократического афинского полиса и реформой Клисфена, говорится

некоторые современные западные исследователи подвергают сомнению его вклад в развитие афинской демократии²⁶, важно проанализировать материал, помогающий понять характер преобразований Клисфена и раскрывающий важнейшие тенденции развития афинского общества.

Итак, упомянутые выше западные исследователи утверждают, что термин «демократия» появился только в середине V в. до н. э. и был введен критиками афинской конституции. Внутриполитическое положение в Афинах в результате деятельности Клисфена определялось, как считают эти исследователи, не социально-экономическими и политическими факторами, а личными отношениями и конфликтами влиятельных представителей аристократических фамилий. Аргументируя это

в статьях, включенных в сборник, основанный на материалах конференции, проходившей в Афинах в декабре 1992 г. под эгидой Американской школы классических исследований в Афинах. Конференция имела место в рамках мероприятий, проводившихся в ознаменование 2500-летней годовщины рождения греческой демократии (The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy // Proceedings of an International Conference Celebrating 2500 Years the Birth of Democracy in Greece, Held at the American School of Classical Studies at Athens, December 4—6, 1992 / Ed. by W. D. E. Coulson, O. Palagia, T. L. Shear, H. A. Shapiro, F. J. Frost. Oxford, 1994). См. рецензию на этот сборник, написанную Суриковым (Суриков И. Е. // ВДИ. 1997. № 1 С. 232 слл.). О деятельности Клисфена: Leveque P., Vidal-Naquet P. Clisthene l'Athenien. 2-eme ed. Paris, 1992. Рассмотрение территориальной реформы Клисфена представлено в работах: Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII - V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 370 слл.; Владимирская О. Ю. Территориальная реформа Клисфена и афинская аристократия // Проблемы античной истории. Сб. науч. статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2003. С. 97 слл. См. также: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII — V вв. до н. э. М., 2000 С. 166 сл.

²⁶ Finley M. The Ancient Greeks. London, 1963. P. 70; Sealey R. 1) Regionalism in Archaic Athens // Historia. 1960. Bd. 9. P. 155 ff; 2) The Origins... P. 267; Meier Chr. Clisthene et le probleme politique de la polis grecque // RIDA. 1973. T. 20. P. 116 ss.; Ober J. The Athenian Revolution. Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1996. P. 32 ff. Ср.: Маринович Л. П. Античная и современная демократия: новые подходы. Курс лекций. М., 2001. С. 18 сл.

положение, ученые ссылаются на Геродота, подчеркивая, что он на передний план выдвигал личные отношения.

Действительно, Геродот (Hdt., V, 66), описывая политическую ситуацию в Афинах после освобождения их от тирании, говорит: «тогда во главе города стояли два человека: Алкмеонид Клисфен и Исагор, сын Тисандра, они и боролись за власть в Афинах». Однако далеко не достаточно ограничиваться только этой ссылкой. В следующей главе (Hdt., V, 69), рассматривая деятельность Клисфена, Геродот отмечает, что он привлек на свою сторону ранее бесправный афинский народ. Характеризуя результаты деятельности Клисфена, Геродот говорит, что афиняне добились свободы слова (ἰσηγορίῃ). В другом месте (Hdt., VI, 131) он прямо указывает на установление Клисфеном демократии для афинян (Κλεισθένης... τὴν δημοκρατίαν Ἀθηναίοισι καταστήσας). При этом важно подчеркнуть, что для Геродота демократический строй, возникший при Клисфене, являлся идеальной формой правления (Hdt., V, 78). Также и Аристотель отмечает, что после реформ Клисфена государственный строй Афин стал более демократичным, чем солоновский (Arist. Ath. Pol., 22, 1).

Первой и наиболее важной по значимости была территориальная реформа Клисфена. Объясняя ее, Сили утверждает, что Клисфен был не демократом, а «регионалистом» и цель свою видел в создании преимуществ для аристократических семей города в борьбе с теми знатными фамилиями, которые жили за пределами его, но претендовали на господство в Афинах.

С подобной трактовкой реформы Клисфена согласиться нельзя. В представлении Сили и других исследователей эта реформа имела слишком утилитарный, узкоспецифический смысл. Между тем уже античные авторы придавали ей гораздо большее значение. Обобщая данные литературной традиции (Hdt., V, 69; 72; Arist. Ath. Pol., 21, 1; 2; 4; Pol., VI, 2, 11, p. 1319 a 24 sqq.), можно сделать следующие выводы. При осуществлении сложного территориального деления Аттики Клисфен стремился, во-первых, смешать ее население, подорвав тем самым влияние знатных семей на местах и усилив роль

демократических элементов; во-вторых, разрушить старые религиозные связи, контролируемые знатными родами, отделив культовые центры от прилегающих к ним территорий; в-третьих, обеспечить единство государства, объединив вместе людей из различных частей Аттики и превратив Афины в ее политический центр. Таким образом, главным результатом этой реформы было создание административно-территориального деления Аттики по демам и филам с относительно равным по численности гражданским населением в них, включающим людей, принадлежащих к разным сословиям, прежде всего городских и сельских жителей.

Ослабление влияния знати согласно реформе Клисфена достигалось путем рассредоточения знатных семей всех трех районов Аттики (Ἄστυ, Παραλία и Πεδίον) по демам всех 10 фил. Так, например, род Аминандридов размещался, возможно, в 40 демах, род Кериков — в 19, род Эвмолопидов — в 10 и т. д.²⁷ Демократические последствия этой реформы обнаруживаются и в пополнении Клисфеном афинского демоса. Так, например, Аристотель в «Афинской политике» отметил, что Клисфен, проводя территориальную реформу, стремился к тому, чтобы «большее число людей получило возможность участия в делах государства» (Arist. Ath. Pol., 21, 2: Ὅπως μετὰσχῶσι πλείους τῆς πολιτείας; ср.: Hdt., V, 69). Приняв новых граждан и расписав их по демам, Клисфен в целях недопущения распрей между старыми и новыми гражданами ввел более демократический принцип наименования афинян, потребовав, чтобы они назывались не по отцу, но указывали свою принадлежность к дему (Arist. Ath. Pol., 21, 4). О пополнении Клисфеном афинского демоса Аристотель говорит и в «Политике», уточнив, что Клисфен вписал в филы многих иноземцев и рабов-метеков (Arist. Pol., III, 1, 10, p. 1275 b 37: Πόλους γὰρ ἐφυλέτευσεν ξένους καὶ δούλους μετοίκους; ср.: Arist. Pol., VI, 2, 11, p. 1319 a 24 sqq.).

Демократический характер законодательства Клисфена подтверждают и другие его реформы: организация

²⁷ Schoeffer H. von. Δήμοι // RE. Bd. V. 1905. Sp. 2 ff.

Совета 500 и введение остракизма. Уже при Клисфене Совет 500 делился на 10 частей, называемых пританиями. Притания состояла из 50 человек, выбираемых каждой филлой по демам пропорционально их размерам и числу жителей.

Итак, оценивая значение реформ Клисфена, необходимо отметить следующее. Пути развития спартанского и афинского полисов и особенности их социально-политических структур были совершенно различны. Со времени реформ Солона, не отмененных при тирании и в значительной степени расчистивших путь для сравнительно быстрого развития товарно-денежных отношений, прошло более 80 лет. В течение этого периода качественно изменилась социально-экономическая структура афинского общества, окрепли его демократические слои, что и способствовало созданию объективных условий для успешного осуществления Клисфеном демократических реформ. Они не только укрепили демократическое управление в Афинах, объединив Аттику и ликвидировав наследственное господство эвпатридов, но и открыли путь к развитию и совершенствованию афинской рабовладельческой демократии. Вместе с тем важно подчеркнуть, что, как уже отметили античные авторы, реформы Клисфена способствовали усилению противоречий между дорийской Спартой и ионийскими Афинами и обнаружили связь между победой демократии и ростом афинского могущества и экспансии (ср.: Hdt., V, 66, 69, 72).

4. Внутривнутриполитическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. Фемистокл и Аристид

Едва ли не самым ярким эпизодом внутривнутриполитической борьбы в Афинах после Клисфена можно считать события 80—70-х гг. V в. до н. э., главными персонажами которых были Фемистокл и Аристид.

Основным источником для исследования проблемы этой борьбы является классическая (Hdt., VII, 143; VIII, 79, 124, 143—144; Thuc., I, 14, 3; 90, 3—93; 138, 3; Arist. Ath. Pol., 22, 7; 23, 3—5) и эллинистическо-римская (Diod., XI,

40—43, 46—47, 54—59; Plut. Them.; Arist.) литературная традиция. Некоторую помощь могут оказать найденные в большом числе на афинской агоре и в Керамике острака с именами различных политических деятелей, в том числе Фемистокла и Аристида²⁸.

Античная традиция, несмотря на расхождения частного характера, в целом дает чрезвычайно важный материал, позволяющий говорить о том, что противоборство афинских аристократических семей и их лидеров за первенство было следствием обострения социальных противоречий внутри афинского полиса и осуществлялось в условиях развивающейся и укрепляющейся афинской демократии. Античные авторы в большинстве своем связывают процесс демократизации афинского общества с тем временем, когда важную роль в Афинах начал играть флот, и беднейшие граждане стали служить на кораблях. В значительной степени активизация политической роли этой части афинских граждан обусловлена деятельностью Фемистокла, выделявшей его среди тогдашних афинских политиков как лидера нового типа, выступившего с широкой программой демократизации афинского общества. Соперником Фемистокла на протяжении всего периода наивысшей активности его политической карьеры античная традиция называет Аристида.

²⁸ML, № 51; ср.: Rhodes P. J. A Historical Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxford, 1981. P. 272 ff. О роли института остракизма существует обширная научная литература. В отечественной исторической науке институт остракизма всесторонне исследован Суриковым. См. следующие его важнейшие работы об институте остракизма: Суриков И. Е. 1) Институт остракизма в Афинах. Проблемы и перспективы изучения // Античный вестник. 1999. Вып. 4/5. С. 126 слл.; 2) Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // Древнее право. 2000. № 1(6). С. 14 слл.; 3) Античная нарративная традиция об институте остракизма // Studia historica. 2002. № 2. С. 51 слл. Наконец, недавно вышла его монография, посвященная этой теме: Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. Из новейшей западной литературы об институте остракизма также см.: Brenne S. 1) Ostraka and Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under Democracy. Oxford, 1994. P. 13 ff.; 2) Ostrakismos und Prominenz in Athen: attische Bürger des V. Jahrh. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001.

Рассматривая роль Фемистокла и Аристиды в жизни афинского государства, необходимо учитывать, что здесь имело место противоречие между полисной структурой афинского общества и отдельными афинскими лидерами, для которых на определенном этапе рамки полиса становились узки. Это противоречие в Афинах в силу относительно развитых товарно-денежных отношений и связанных с ними индивидуалистических тенденций проявлялось в обострении внутрисполитической борьбы, охватившей широкие слои гражданского населения, и образовании соперничавших групп радикального и консервативного толка.

При рассмотрении роли Фемистокла и Аристиды мы сталкиваемся с двумя совершенно противоположными решениями этой проблемы: сторонники традиционной точки зрения исходят из концепции борьбы в Афинах V в. до н. э. двух партий: демократической и аристократической (или олигархической).

В 70—80-е гг. XX в. традиционное мнение подверглось резкой критике в работах целого ряда англо-американских исследователей, поддержавших концепцию, ранее выдвинутую представителями старшего поколения германских историков (Берве, Кихле, Шахермайр), согласно которой в Афинах в начале V в. до н. э. не существовало демократической конституции, а господствующее положение в обществе занимала аристократическая элита. Поэтому, характеризуя действия и поступки Фемистокла и Аристиды, данные исследователи полагают, что эти лидеры преследовали свои личные цели, а их остракизм они рассматривают как результат противоборства между представителями городской (Аристид и Кимон) и региональной (Фемистокл) аристократии (Сили, Фрост).

Обе концепции отражают крайности подходов к решению проблемы. Несмотря на их полную противоположность, общий недостаток, присущий им, заключается в том, что они трактуют общественные отношения в Афинах вне связи с особенностями развития полисной структуры, чрезмерно архаизируют и упрощают общественную жизнь в Афинах и, отвергая выводы

Аристотеля, фактически лишают свои суждения теоретической основы.

Античная традиция представляет Фемистокла как *homo novus* в общественно-политической жизни Афин (Hdt., VII, 143; Plut. Them., 2, 8; Nep. Them., 1; Athen., XII, 533; Ael., VII, 11, 12). Хотя он и принадлежал к жреческому роду Ликомидов (скорее всего к его младшей ветви²⁹), тем не менее в среде афинской аристократии он слыл чужаком. Это наложило соответствующий отпечаток как на его взаимоотношения со знатными семьями, так и на политические позиции. Фемистокл, лишенный той славы, которую давали афинянину, принадлежащему к известной аристократической семье, благородство, родовитость и богатство, стремился добиться ее на общественном поприще (Plut. Them., 3, 1; Nep. Them., 1). Он смело вступил в борьбу с самыми влиятельными и выдающимися лицами в государстве (Plut. Them., 3, 1) и рано осознал необходимость опоры на демос (Plut. Them., 3, 3; Nep. Them., 1). Этому способствовало ведение им гражданских судебных дел (Nep. Them., 1); исполнение ответственных должностей в государстве (Plut. Them., 31). Вращаясь в гуще общественной жизни и обладая даром предвидения (Thuc., I, 138, 3), Фемистокл мог увидеть тенденции развития Афин, обусловленные ростом торгово-ремесленных и связанных с морем слоев афинского демоса. Избрание в 493/2 г. до н. э. на должность архонта было его важной политической победой.

Что касается Аристиды, то он принадлежал к аристократическому роду Кериков, что и позволило ему быть избранным в 489 г. до н. э. на должность архонта-эпонима. Он происходил из дема Алопеки, который был родиной многих аристократических семей.

Фемистокл и Аристид с самого начала их политической карьеры вступили на путь, ранее проторенный

²⁹ Plut. Them., 1, 4. Ср.: Davies J. K. *Athenian Propertied Families, 600-300 B. C.* Oxford, 1971. P. 212 ff., 346 ff. К этому см.: Суриков И. Е. Фемистокл: *homo novus* в кругу старой знати // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2002. Вып. 8. С. 342 слл.; также см.: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии. .. С. 177 сл.

Клисфеном, и каждый из них стремился стать «простаком народа». Фемистокл отличался как от Клисфена, так и от политических деятелей своего времени, подобных Аристиду, и имел некоторые черты политика новой формации. Как заметил Плутарх (Plut. Them., 3, 1), он был первым из афинян, бросивших вызов знати. Фемистокл был также первым афинским лидером, который стал смотреть на политическую деятельность как на профессиональное мастерство, полагая, что его можно постигнуть с помощью специальных знаний (Plut. Them., 2). С этим связана еще одна особенность Фемистокла как политика нового типа, заключавшаяся в том, что он, руководствуясь принципами рационализма и реализма, сознательно планировал реформы, направленные на демократизацию афинского общества, и стремился освободить его от консервативных традиций и обычаев, сдерживавших его развитие.

Все это создавало благоприятную почву для роста влияния Фемистокла, с одной стороны, с другой — вызывало противодействие консервативных сил. В течение десятилетия, предшествующего вторжению персов, одним из главных его противников был Аристид. Плутарх, подчеркивая, что Аристид, подражающий лакедемонянину Ликургу, был сторонником аристократического строя, а Фемистокл был вождем демократии, по видимому, упрощает действительное состояние дел. Несомненно, и тот, и другой добивались поддержки как можно большего числа афинских граждан, только Аристид, в силу своего происхождения и положения в обществе, был приверженцем консервативных мыслей и действий, что усугублялось влиянием на него Марафонской победы и его верой в связи с этим в силу и значение гопплитского строя (Plut. Arist., 3).

Период с 493 по 480 г. до н. э. — время наивысшей политической активности Фемистокла. Росту его популярности способствовали слабость позиций знати, ее разобщенность (Plut. Arist., 2), проперсидские настроения, характерные для некоторых аристократических семей, а также поражение афинян в войне с Эгиной, которая велась с 489 по 486 г. до н. э. (Hdt., VI, 88—93).

Важнейшим мероприятием, имевшим глубокие социальные последствия, была морская программа Фемистокла. Начало ее осуществления было положено в год его архонтства строительными работами в Пирее (Thuc., I, 93, 3-4).

Будучи политиком практического толка, Фемистокл руководствовался в составлении плана застройки Пирея насущными потребностями развития города. План отражал важный этап экономического подъема Афин. Данные археологии свидетельствуют о том, что в начале V в. до н. э. афинский экспорт в Эгеиде окончательно вытеснил лаконские и коринфские ремесленные товары³⁰. Это, несомненно, привело к увеличению числа иностранных торговых судов, прибывающих в Афины, да и собственный флот афинян к началу V в. до н. э. насчитывал немногим более 50 кораблей (Hdt., VI, 89)³¹. Несмотря на это, афиняне продолжали пользоваться естественными стоянками для флота (Фалерик — Diod., XI, 41, 2; Прасии — Thuc., I, 95, 1; Paus., I, 31, 2). Но так как эти стоянки стали слишком малы, Фемистокл решил построить порт в Пирее.

Иными словами, развитие торговли и ремесла в Афинах достигло такого уровня, когда возникла необходимость усовершенствовать организацию морского дела, построить большой порт с оборудованными и укрепленными гаванями, причалами, доками, складами и верфями. Однако завершить морскую программу Фемистоклу не удалось. Сложность международного положения, обусловленная нашествием персов и войной с Эгиной, а также обострение внутривнутриполитической борьбы в Афинах

³⁰ Roebuck C. *Ionian Trade and Colonisation*. New Jersey, 1959. P. 79 ff.; French A. *The Growth of Athenian Economy*. London, 1964. P. 31 ff. Кроме того, см.: Cohen E. E. 1) *Athenian Economy and Society: A Banking Perspective*. Princeton, 1992; 2) *The Athenian Nation*. Princeton, 2000.

³¹ Amit M. *Athens and the Sea: A Study in Athenian Sea-Power*. Brussels, 1965. P. 9 ff.; Jordan D. *The Athenian in Classical Period: A Study of Athenian Naval Administration and Military Organisation in the Fifth and Fourth Cent.* B. C. Berkeley, 1975. P. 6 ff.; Haas Ch. J. *Athenian Naval Power before Themistocles // Historia*. 1985. Bd. 34. P. 29 ff.

заставили Фемистокла на время отложить осуществление намеченных целей.

В этой ситуации лидерство удалось отвоевать Аристиду и он был избран архонтом в 489/8 г. до н. э. Однако во второй половине 80-х гг. V в. до н. э. (скорее всего в результате поражения в войне с Эгиной) вновь сложились благоприятные условия для завершения морских планов Фемистокла. В это время главной задачей для него стало строительство флота. Основная информация об этой реформе происходит от Геродота и Аристотеля³². Согласно Геродоту (Hdt., VII, 144), Фемистокл предложил деньги, поступавшие с Лаврийских рудников, не распределять между гражданами, как это обычно делалось, а на них построить 200 кораблей. Аристотель же говорит (Arist. Ath. Pol., 22, 7), что рудники были открыты в Маронии (местечко на юге Аттики поблизости от Лаврийских рудников) и от их разработки у города остались сбережения в 100 талантов. Фемистокл предложил дать их заимобразно 100 богатым афинянам, каждому по таланту. Получив деньги на таких условиях, он распорядился построить 100 триер, причем каждый из этих 100 человек строил одну. Мнение Аристотеля отразилось и у поздних авторов (Plut. Them., 4, 1—3; Polyae., I, 30, 6; Nep. Them., 2). По-видимому, Аристотель, пользуясь аттидографической традицией, наиболее близок к передаче существа морского закона Фемистокла. В то время как сообщение Геродота имеет самое общее содержание, свидетельство Аристотеля конкретно. Он указывает дату события, точное название места, где были открыты рудники, сумму городского дохода и то, каким способом были построены триеры.

Морская программа Фемистокла оказала огромное влияние как на военную стратегию, так и на социально-экономическое и политическое состояние афинского общества. Создание афинского флота из кораблей нового типа — триер обеспечивало афинянам возможность совершать длительные морские экспедиции и вести

³² Обсуждение морского закона Фемистокла см.: *Labarbe J. La loi navale de Themistocle. Paris, 1957. P. 21 ss.; Amit M. Athens and the Sea... P. 19 ff.*

продолжительные сражения на море, что впоследствии и способствовало образованию афинской талассократии. Строительство триер и Пирейской гавани требовало большого числа рабочих рук. Источники сообщают, что уже при Фемистокле начался приток метеков и ремесленников (Diod., XI, 43, 3; Arist. Ath. Pol., 24, 1; Plut. Them., 4; Per., 12, 5—6), многие из которых становились афинскими гражданами. Это, несомненно, должно было привести к коренной перестройке социальной структуры афинского общества и к дальнейшей его демократизации, а вместе с тем и к обострению внутривосточной борьбы. Наивысшего апогея она достигла в период с 487 по 480 г. до н. э., когда впервые был применен остракизм и подверглась изгнанию целая группа представителей знати (Arist. Ath. Pol., 22, 2, 7; ML, № 51)³³.

Последним (среди тех, кого называет Аристотель) подвергся остракизму Аристид в 483/2 г. до н. э. О его борьбе против Фемистокла можно говорить, используя данные прежде всего Аристотеля и Плутарха (Plut. Arist., 2, 4). В процессе политической борьбы Фемистокл, пользуясь, как уже отмечалось, разобщенностью знатных родов, добился победы. Одной из причин изгнания остракизмом Аристида было его враждебное отношение к морской программе Фемистокла (Arist. Ath. Pol., 22, 7)³⁴.

Добившись победы, Фемистокл достиг апогея своей политической карьеры. Казалось, авторитет его был непоколебим. Тем не менее внутри Эллинской лиги, возникшей в 481 г. до н. э. для борьбы с персами, все более усиливалось негативное отношение к нему союзников во главе со Спартой (Hdt., VII, 62, 175; VIII, 2—5, 49, 56—62). В ходе войны укреплялись морские позиции Афин, а в действиях Фемистокла все более намечался

³³ К этому см.: *Суриков И. Е. 1) Острака как источник по истории раннеклассических Афин // Античный вестник. 1995. Вып. 3. С. 107 слл.; 2) По поводу новой публикации Острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 143 слл. См. также: Raubitschek A. E. Aristoteles über den ostrakismos // Tyche. 1986. Bd. 1. S. 169 ff.*

³⁴ Об изгнании Аристида остракизмом см.: *Суриков И. Е. 1) К интерпретации острака с северного склона Акрополя // ПИФК. 1998. Вып. 6. С. 30 слл.; 2) Институт остракизма в Афинах... С. 126 слл.; 3) Закон Клисфена... С. 19.*

разрыв с идеей общеэллинического единства и утверждалась антиспартанская направленность. Лакедемоняне, замечая эти опасные тенденции, стремились ослабить его влияние и растущее афинское могущество (Hdt., VIII, 93, 124; Strab., IX, 6, 16; Diod., IX, 27, 2-3; Plut. Them., 17, 1—2). С этой целью они пригласили Фемистокла в Лакедемон, оказав ему великолепные почести (Hdt., VIII, 124; Thuc., I, 74, 1; Plut. Them., 17, 2; Diod., XI, 27, 3), а в Афинах начали искать сторонников среди враждебной Фемистоклу аристократии (Plut. Cim., 16, 2), лидеры которой, некогда подвергшиеся остракизму, весной 480 г. до н. э. были возвращены на родину ввиду похода Ксеркса (Arist. Ath. Pol., 22, 8; Plut. Arist., 8).

В это время в Афинах возникла ситуация, способствовавшая росту консервативных настроений. Последовавшее после битвы при Саламине значительное сокращение эллинского флота (с 378 до 110 кораблей), включавшего больше всего афинских военных судов, и повышение роли сухопутных военных сил как бы воскресили на время традиции Марафона. Активизировалась гоэлитская часть гражданского населения, влиятельное положение в которой вновь стал занимать Аристид. Он заслужил авторитет своими действиями накануне и в ходе Саламинской битвы (Hdt., VIII, 95; Plut. Arist., 9). Однако сразу же после нее между Фемистоклом и Аристом вновь возродились распри. Разногласия возникли на основе расхождения мнений по поводу дальнейшей стратегии в войне с персами. В то время как Фемистокл требовал продолжить войну с персами на островах и в Геллеспонте, Аристид вместе с другими лидерами Эллинского союза считал необходимым прежде всего очистить от персов Балканскую Грецию (Hdt., VIII, 108; Plut. Them., 16; Arist., 9).

Слава победителя при Саламине, доставшаяся Фемистоклу, чрезмерное влияние не только в Афинах, но и за их пределами, с одной стороны, и отказ большинства лидеров Эллинского союза от его плана дальнейшего ведения войны с персами — с другой, способствовали непомерному росту честолюбивых амбиций Фемистокла, который и без того был щедро наделен ими природой (Plut.

Them., 3, 4, 5; 17, 4; 181; 22, 1—2). Это и послужило одной из причин возникновения недовольства им как среди союзников, так и афинских граждан (Hdt., VIII, 125). Нападки на него стали возможны еще и потому, что он после 480 г. до н. э. потерял политическую инициативу. Продолжая отстаивать свою стратегию, предусматривающую ведение войны с персами силами флота (Hdt., VIII, 108—109), Фемистокл недооценил значение смены стратегической и политической ситуации. В результате он не был избран стратегом на 479 г. до н. э. Афиняне избрали на эту должность его противников Аристида и Ксантиппа (Hdt., IX, 28, 6; Diod., XI, 34, 2). С этого времени начался закат его политической карьеры. Фемистокл не был включен и в состав посольства в Спарту, которое должно было поторопить лакедемонян с выступлением против Мардония (Hdt., IX, 6; Plut. Arist., 10, 9—10). Фактически Фемистокл был отстранен от активного участия в руководстве внутренней и внешней политикой. Но он, по-видимому, быстро осознал опасность своего положения и стал строить планы перехвата политической инициативы у своих противников.

Как только выдвинутый им после Саламинского сражения план организации морской экспедиции к Геллеспонту и Ионии не удался, он вместе с некоторыми эллинскими военачальниками, которых удалось убедить, решил подчинить отдельные острова, выступавшие на стороне персов (Hdt., VIII, 111—112, 121; Plut. Moral., p. 871 c; Them., 21). Эти действия не были санкционированы советом Эллинской лиги, поэтому Фемистокл осуществлял их тайно с помощью своих доверенных лиц. Целью их было добывание средств, необходимых ему для осуществления последующих замыслов.

Вел Фемистокл также тайные переговоры с царем, отправив к нему посольство из преданных ему людей (Hdt., VIII, 109; Thuc., I, 137, 4; Diod., XI, 19, 5; 59, 3; Plut. Them., 16, 2, 4; Arist., 9, 5; Front., II, 6, 8; Nep. Them., 5; Polyae., I, 30, 4). По-видимому, он, предвидя, что задача освобождения Эллады от персидского нашествия в ближайшее время будет решена, стремился стабилизировать отношения с персами и обратить внешнюю

политику Афин против Спарты. Не случайно тогда же Фемистокл, пользуясь своим влиянием в Дельфах, помещал спартамцам добиться господства в Дельфийской амфикионии, изгнав из нее те государства, которые поддерживали персов (Plut. Them., 20, 3). Среди них были такие крупные полисы и группы полисов, как Фивы и Фессалия, ставшие впоследствии яблоком раздора между Афинами и Спартой.

Противоположной по характеру была политика Аристиды, хотя и в его действиях, несомненно, прослеживается стремление к укреплению афинского могущества. Однако в отличие от Фемистокла он старался достигнуть этой цели, не отказываясь от идеи общеэллинского единства (Plut. Arist., 20—21). Правда, Аристид, задумываясь о путях повышения роли афинского влияния в союзе, стал по-новому смотреть на афинский флот, видя в нем важное средство укрепления афинской талассократии. Это в конечном итоге объясняет отмеченную в источниках тягу Аристиды к более радикальным действиям по сравнению с предшествующим периодом и возникновение у него некоторых общих точек соприкосновения с Фемистоклом в вопросах внутренней политики (Arist. Ath. Pol., 23, 3), например, в период строительства оборонительных стен в Афинах.

Сразу же после Платейской битвы и возвращения афинян в город Фемистокл, стараясь восстановить утраченное политическое влияние, начал бурную агитацию и лихорадочные действия в пользу строительства стен в Афинах³⁵. Несмотря на то что Фемистоклу удалось убедить большинство граждан в необходимости укрепления города, что было нетрудно после двух опустошительных вторжений персов, это не принесло ему ожидаемых результатов. В то время как граждане, отдавая предпочтение лидерам типа Аристиды и Кимона, в большинстве своем видели в оборонительных стенах только средство защиты против внешних врагов, Фемистокл рассматривал их как важное условие борьбы против

³⁵Thuc., I, 90—93; Arist. Ath. Pol., 23, 4; Diod., XI, 39-40; Plut. Them., 19, 1—3; Nep. Them., 7; Andoc., III, 38.

Спарты. Это подтверждается его дипломатическими маневрами и открыто враждебным отношением к лакедемонянам (Thuc., I, 90—91; Diod., XI, 39-40). Так, Фемистокл, будучи отправленным с посольством в Спарту, был готов даже пойти на разрыв отношений и конфронтацию с лакедемонянами. Однако в общественном мнении Афин в это время преобладали консервативно-умеренные взгляды, и действия Фемистокла не получили одобрения (Arist. Ath. Pol., 23, 3). Спарта, учитывая это, равно как и складывающуюся неблагоприятную для нее внутривнутриполитическую и внешнеполитическую ситуацию, не дала повода к удовлетворению честолюбивых амбиций Фемистокла (Thuc., I, 92; Plut. Them., 19, 2—3; Diod., XI, 40, 4).

Афинские граждане не избрали Фемистокла стратегом и на 478/7 г. до н. э. Он оказался в изоляции, и это был конец его политической карьеры. Действия Фемистокла после 478 г. до н. э. свидетельствуют о его стремлении любым способом вернуть расположение граждан. Однако это скорее напоминало агонию обреченного (Plut. Them., 22). Наиболее точно охарактеризовал отношение афинян к Фемистоклу Диодор, подчеркнув, что они одновременно и восхищались им, и боялись его (Diod., XI, 42, 4). Таким образом, пока политика Фемистокла была успешной, он имел непререкаемый авторитет, но стоило ему выпустить бразды правления из рук, как граждане тотчас отвернулись от него.

Аристид, опираясь на популярность среди афинских граждан идеи общеэллинического единства в борьбе против персов, всячески противодействовал Фемистоклу, стремившемуся разрушить эту идею и разорвать взаимоотношения между Афинами и Спартой (Plut. Arist., 22).

Внутриполитическая обстановка в Афинах обострилась в середине 70-х гг. V в. до н. э., что, по-видимому, было обусловлено вмешательством лакедемонян, нашедших после суда над Павсанием материалы, компрометирующие Фемистокла (Diod., XI, 54, 4—5), и объединением противников Фемистокла в борьбе против него, среди которых выделялись особенно Аристид, Алкмеон и Кимон (Plut. Arist., 22; 25, 10; Moral., p. 805 c).

Изгнание Фемистокла непосредственно связано с природой остракизма. Эта мера рано превратилась в орудие политической борьбы. Алкмеониды, Филаиды и Керики, возглавлявшие консервативно-умеренную часть граждан, объединив усилия, использовали остракизм как средство расправы над своим политическим противником. Вместе с тем необходимо различать остракизм как инструмент политической борьбы в представлении отдельных афинских политиков и остракизм как меру, направленную против слишком влиятельных и выдающихся личностей в представлении афинских граждан в целом. Эта последняя мысль подчеркивается всеми авторами, как ранними (Thuc., VI, 73, 3; Arist. Ath. Pol., 23, 3), так и поздними (Diod., XI, 53, 3; Plut. Them., 22, 4-5). Поэтому когда античная традиция с этих позиций объясняет остракизм Аристида и Фемистокла завистью и ненавистью граждан из-за их возвышения над ними, то в этом едва ли нужно видеть наивность античных писателей. Полис — это самоуправляющийся коллектив граждан (ή κοινωνία ή πολιτική — Arist. Pol., I, 1, 1, p. 1255 a 5), строго следящий за тем, чтобы в гражданской общине принцип равенства не нарушался. По мнению Аристотеля (Arist. Pol., III, 8, 1—2, p. 1284 a 20), «граждане, стремясь к всеобщему равенству, время от времени подвергали остракизму и изгоняли на определенный срок тех, кто отличался от остальной массы избытком добродетелей, чрезмерной политической активностью, выдавался своим могуществом, опираясь либо на богатство, либо на друзей, либо на какую-нибудь иную силу в государстве». Все это имело непосредственное отношение к Фемистоклу.

Его изгнание, по-видимому, имело место незадолго перед 473/2 г. до н. э.³⁶ Покинув Афины, Фемистокл поселился в Аргосе и способствовал активизации антиспартанского демократического движения в Пелопоннесе (Thuc., I, 135, 3). Поэтому Спарта прилагала максимум

³⁶ Lenardon R. J. 1) *The Chronology of Themistocles' Ostracism and Exile // Historia*. 1959. Bd. 8. P. 23 ff.; 2) *The Saga of Themistocles*. London, 1978; Frost F. J. *Plutarch's Themistocles: A Historical Commentary*. Princeton, 1980. P. 188 ff. См., кроме того: Raubitschek A. E. *Aristoteles...* S. 169 ff.

усилий к тому, чтобы расправиться с Фемистоклом. Его контакт с Павсанием и с персами, а также осуществляемая им антиспартанская политика в Пелопоннесе, хотя Спарта оставалась союзником Афин, давали повод к объединению его политических противников в Афинах с лакедемонянами и выдвижению против него серьезных обвинений в государственной измене. Таким образом, окончательно Фемистокл пал жертвой заговора, составленного лакедемонянами и афинскими консервативными кругами. Обвинение, выдвинутое Леоботом, сыном Алкмеона, и другими его врагами из числа граждан и поддержанное Спартой, достигло цели (Thuc., I, 135, 2—3; Diod., XI, 55, 4-8; ср.: Diod., XI, 54, 2-5; Plut. Moral, p. 605 c, 805 c, 855; Them., 21, 5-7; Arist., 25, 10; Nep. Them., 8; Crater, fr. 11). Народное собрание приняло решение вызвать Фемистокла на суд. Боясь расправы, он вынужден был покинуть Элладу и искать убежище в Персии. Вскоре после изгнания Фемистокла исчезает с политической сцены и Аристид.

Подводя итог исследованию античной традиции о Фемистокле и Аристиде, необходимо отметить, что с их именами связан важный этап афинской демократии. Фемистокл выступал как энергичный и решительный политический деятель, способный преодолеть некоторые традиционные обычаи и устои, ставшие преградой для дальнейшего развития афинского полиса. Вместе с тем, преступив границы дозволенного, он становился опасным для гражданской общины политиком. В действиях Фемистокла все более намечался разрыв с идеей общеэллинского единства и утверждалась антиспартанская направленность. В достижении своих целей он стал тяготиться принципами и нормами полисной жизни. Гениальность Фемистокла, как ее определял Фукидид, заключалась в том, что он шел впереди своего времени. Поэтому консервативные круги считали его злейшим врагом, и, как только представился случай, они с ним расправились.

Среди консервативно настроенных лидеров в 80—70-е гг. V в. до н. э. выделялся Аристид, политические позиции которого в рамках рассматриваемого времени

претерпели серьезную эволюцию от откровенно враждебного отношения к морской программе Фемистокла к признанию роли флота как важнейшего условия для укрепления афинского могущества при сохранении общеэллинского единства и союзных отношений со Спартой. Однако, как показали дальнейшие события, эта политика могла иметь лишь временный успех.

5. Борьба консервативных и радикальных тенденций в афинской демократии первой половины V в. до н. э. Кимон и Эфиальт

Победа консервативных сил в Афинах в начале 70-х гг. V в. до н. э. в значительной степени была обусловлена изменением социально-политической ситуации. Во время Греко-персидских войн окреп авторитет знатных семей, многие представители которых храбро сражались в битвах. Учтя опыт знаменитой остракофории 488—480 гг. до н. э., когда, будучи разобщенными и враждуя друг с другом, многие представители аристократических фамилий подверглись остракизму, аристократы, отчасти восстановив свое влияние, теперь стремились не потерять поддержку демоса и объединились в целях сохранения достигнутого положения (Plut. Cim., 4, 8, 10; 16, 1; Arist., 25, 6; Athen., XIII, 589; ср.: Plut. Arist., 23, 2; Nep. Cim., 1). Этому способствовало также возросшее значение Ареопага (Hdt., VIII, 41; Arist. Ath. Pol., 23, 1; ср.: Arist. Pol., V, 3, 5, р. 1304 а 20; Plut. Them., 10; ML, № 23). Как уже отмечалось, после битвы при Саламине активизировалась гоплитская часть гражданского населения, в среде которой и были распространены консервативные настроения. Этим можно объяснить наметившееся оживление идеи общеэллинского единства, которая стала было терять свое значение в период наивысшей активности Фемистокла.

В такой ситуации и появляется впервые на политической арене Кимон, сначала как член афинского посольства в Спарту 479 г. до н. э. (Hdt., IX, 6; Plut.

Arist., 10, 9—10), а с 478 г. до н. э. как стратег. С 477/6 г. до н. э. Кимон начал военные действия во Фракии. Его политическая деятельность протекала под лозунгом борьбы с персами ради спасения общего дела эллинов и умножения славы афинян (Plut. Cim., 7; Andoc., III, 183—185). Этот лозунг, подтверждая сохранение преемственности традиций Эллинской лиги и будучи направленным против Фемистокла, стремившегося эти традиции нарушить, обеспечил Кимону поддержку основной массы афинских граждан, как гоплитов, так и корабельных ὑπὸντος καὶ κυβερνήται. В противоположность Фемистоклу Кимон, демонстрируя свою приверженность традиционным консервативным нормам полисной морали, добился наивысшего авторитета у граждан.

В работах ряда западных исследователей подчеркивается, что социально-экономические факторы не играли существенной роли в общественно-политической жизни Афин и, в частности, в деятельности Кимона. Однако данные источников о его политике опровергают это утверждение. Так, его победы в начале 70-х гг. V в. до н. э. доставили немалые выгоды средним (торгово-ремесленным) и беднейшим слоям гражданского населения Афин, ибо он очистил Эгейское море от пиратов (Plut. Cim., 8, 3—5). После Писистрата Кимон возобновил основание колоний, в которых беднейшие афиняне получали земельные наделы (Thuc., I, 98, 2; Diod., XI, 60, 2; Plut. Cim., 8, 2; Schol. in. Aeschin., II, 34).

Еще более важным в этой связи можно считать единое сообщение источников о невероятной щедрости Кимона (Theop., FGH 115 с F 89, 135; Arist. Ath. Pol., 27, 3; Athen., VII, 532 f—533 c; Plut. Cim., 10, 1—5; Per., 9; Nep. Cim., 4). Источниками богатства Кимона были его родство с фракийским царем Олором, под контролем которого находились золотые прииски (Thuc., I, 101, 3; ср.: Thuc., IV, 105, 1) и военная добыча. Эти богатства служили для него важным средством в достижении политических целей. Некоторые ученые утверждают, что Кимон был ловким политиком демократического толка,

щедрость которого была своего рода социальной демагогией³⁷.

Данные источников не позволяют рассматривать Кимона как одного из ловких политиков демократического типа, которые появились в Афинах с конца V в. до н. э. Сравнение Кимона с Писистратом, распространенное в античной традиции, скорее указывает на то, что он, как в свое время и афинский тиран, искал поддержки среди всех слоев гражданского населения, и это его отличало от демократических лидеров типа Клеона, в отношении которого Фукидид впервые употребляет слово «демагог». Кроме того, Феопомп и Аристотель, проводя это сравнение, имеют в виду стремление Кимона реставрировать традиционные консервативно-аристократические отношения и связанные с этим этические представления. Не случайно Аристотель также подчеркивает, что Кимон блестящим образом исполнял общественные литургии, а поскольку литургии возникли еще в период преобладания аристократии, поэтому и характер действий Кимона можно назвать аристократическим. Но особенно ярко эта реставрационная черта деятельности Кимона отразилась у Плутарха (Plut. Cim., 10). Так что действия Кимона можно скорее всего охарактеризовать как образец социальной демагогии аристократа, который использовал для достижения своих политических целей и обычные полисные литургии, и впервые осуществленную им практику предоставления помощи гражданам за счет своих собственных средств.

Апогей могущества и влияния Кимона в Афинах приходится на начало 60-х гг. V в. до н. э. Величайшую славу принесла ему победа над персами в битве при Эвримедонте. Источники сообщают, что Кимон доставил в Афины огромную добычу (Diod., XI, 62, 1; Plut. Cim., 13). На вырученные после продажи военной добычи средства Кимон предпринял в Афинах широкое строительство³⁸.

³⁷ Connor W. R. *Theopompus and Fifth-Century Athens*. Cambridge, 1968. P. 32 ff.; Schreiner J. H. *Hellankos. Thucydides and the Era of Kimon*. Aarhus, 1997.

³⁸ См.: Plut. Cim., 4, 6-7; 13, 5-7; Paus., I, 15, 1-3; 18, 1: 28, 3; V, 11, 6; Plut. Moral, 818 d. Ср.: Колобова К. М. Древний город Афины

Начало строительным работам в Афинах было положено еще при Писистрате. Однако, характеризуя строительную деятельность Кимона, важно подчеркнуть несколько особенностей. Во-первых, если Писистрат главным образом начал застраивать Акрополь культовыми сооружениями, то во времена Кимона получило развитие светское строительство. Во-вторых, строительные работы Кимона имели не только эстетическое назначение, они стали решать и социальные задачи, давая работу и ежедневное пропитание городской бедноте, появление которой было результатом предшествующих демократических законодательств, начиная с Солона. Наконец, важно также отметить, что финансирование строительных работ осуществлялось Кимоном за счет собственных средств (Plut. Cim., 13, 7).

Современные исследователи не грешат против истины, подчеркивая значительный вклад Кимона в укрепление афинского морского господства. Хотя Плутарх отмечает (Plut. Cim., 11, 2), что он силой никого из эллинов ни к чему не принуждал, — это, несомненно, результат идеализации античным писателем своего героя. Первые восстания союзников (Наксос и Фасос) и подавление их афинянами относились как раз к периоду стратегии Кимона. С Плутархом можно согласиться в том, что Кимон не наказывал тех, кто, не желая отбывать службу, ограничивался уплатой денег или поставкой порожних судов. Располагая средствами и кораблями, Кимон сажал афинян по очереди многочисленными отрядами в триеры, тренировал и закаливал их в походах.

Однако на этом основании было бы неправильно говорить об одинаковом отношении к демократии Кимона и Фемистокла. Источники изображают Кимона как наследника Клисфеновой демократии (Plut. Cim., 15). Будучи консерватором и традиционалистом, он выступал не против демократии, а против попыток предоставления демосу широких политических прав и дальнейшего ослабления влияния знати. Но в этом как раз

и его памятники. Л., 1961. С. 84 сл. Ср. также: Stein-Hölkeskamp E. *Kimon und die athenische Demokratie* // *Hermes*. 1999. Bd. 127. S. 145 ff.

и заключалась драма Кимона. Реформы Клисфена и Фемистокла значительно укрепили позиции городского населения, не связанного с земледелием. Кроме того, и сам Кимон, усиливая афинское морское могущество, способствовал тому, что определенная часть граждан, имеющая отношение к флоту и морю, все более осознавала важность своей роли, требовала предоставления ей всей полноты власти в государстве. Это вело к росту социально-политических противоречий в Афинах, острота которых стала ощутимой в 60-е гг. V в. до н. э.

В это время начались нападки на Кимона. Выступление против него стало возможным потому, что в его позиции обнаружились слабые стороны. Он не обеспечил защиты колонистов, отравленных во Фракию, и из 10 тысяч большая часть погибла (Thuc., I, 100, 3; IV, 102, 2; Diod., XI, 70, 5; XII, 68, 1; ср.: Hdt., IX, 75; Isocr., VIII, 66; Schol. Aeschin., II, 34; Plut. Cim., 14; Polyae., VI, 53).

Распался и союз знати, созданный в начале 70-х гг. V в. до н. э., и возобновилась традиционная вражда между Филаидами и Алкмеонидами (Plut. Cim., 17; ср.: Thuc., I, 107, 4). Против Кимона были возбуждены обвинения в том, что он был подкуплен македонским царем Александром (Plut. Cim., 14, 3—4; ср.: Arist. Ath. Pol., 27, 1).

Представляет несомненный интерес фраза, произнесенная Кимоном в свое оправдание, что «он не был связан узами дружбы с ионийцами и фессалийцами, которые были людьми богатыми, и подобно другим не брал от них взятки, а связан с лакедемонянами и подражает их простоте и умеренности» (Plut. Cim., 14, 4). Хотя эти слова для Плутарха были скорее всего важны как иллюстрация противопоставления ионийской и фессалийской роскоши спартанскому ригоризму, тем не менее они, по-видимому, отражают и определенную историческую реальность. В это время уже появились новые демократические лидеры, которые стремились с помощью ионийских союзников и Фессалии (ср.: Thuc., I, 102, 4) утвердить афинское господство в материковой Греции. Кимон же своим заявлением отстаивал необходимость продолжения прежней политики, предусматривавшей сохранение дружественных отношений со Спартой и ведение войны

против варваров. Популярность Кимона была еще велика, а выгоду от войны с персами ощущали многие, поэтому афиняне оправдали его и снова избрали стратегом.

Главным противником Кимона был Эфиальт. О его происхождении ничего не известно, кроме имени его отца — Софронид. Однако тот факт, что Эфиальт был стратегом (Plut. Cim., 134), дает основание говорить о принадлежности его к высшим слоям общества. Наши источники связывают деятельность Эфиальта с периодом важнейших демократических преобразований в Афинах (Arist. Pol., II, 9, 3, p. 1274 a 7; Ath. Pol., 25, 27, 35, 2; Philoch., FGH 328 F 64 b; Plut. Cim., 10, 8; 15, 2-3; Per., 7, 8; 9, 3-5; Moral., 812 d; Diod., XI, 77, 6; Paus., I, 29, 15).

В западной историографии есть работы, где утверждается, что традиция о деятельности Эфиальта и его роли в афинской истории, сильно искаженная и преувеличенная антидографами, была некритически воспринята Аристотелем и поздними авторами. По мнению авторов данных трудов, демократизация правовых отношений в Афинах была следствием не реформ Эфиальта, а личностного фактора, характеризующегося тем, что архонты, опасаясь брать на себя ответственность при вынесении судебных приговоров, охотно старались передать эти функции народным судам³⁹. Рассматривая развитие полисных отношений, исследователи отрицают социально-политическую борьбу в греческих полисах классического периода и считают демократизацию их политической структуры результатом эволюционного процесса, обусловленного не противоречиями и конфликтами внутри гражданского коллектива, а проявлением общечеловеческих нравственно-психологических качеств людей. Под влиянием этих качеств, как считают ученые, создавалась благоприятная обстановка в обществе для возникновения новых обычаев и институтов, которые, постепенно вытесняя старые (без какой-либо революционной ломки

³⁹ Day J., Chambers M. Aristotle's History... P. 183 ff.; Sealey R. 1) Ephialtes // CPh. 1964. Vol. 59. P. 11 ff.; 2) A History of the Greek City-States ca 700-338 B. C. Berkeley, 1976. P. 154 ff.; Ruschenbusch E. Ephialtes // Historia. 1966. Bd. 15. S. 369 ff.

социально-политических отношений), утверждали новый общественный порядок.

Предлагая эту концепцию, современные историки не только пренебрегают сведениями Аристотеля и Плутарха, объявляя их модернизаторской фикцией, но и не считаются с данными Фукидида, свидетельствующими о борьбе между сторонниками и противниками демократических преобразований в Афинах в рассматриваемый период времени (Thuc., I, 107, 4). Возвышение Эфиальта происходило в обстановке внутривластной борьбы против Кимона и его сторонников. Наши источники связывают деятельность Эфиальта с принятием законов, направленных против Ареопага, сохранявшегося как центр консервативного влияния. Ареопаг, укрепивший свои позиции во время Греко-персидских войн, не мог их удерживать бесконечно. Динамика социально-экономического развития Афин и морская политика, направленная на расширение афинского могущества, усилили радикальные настроения среди афинских граждан (Thuc., I, 93, 3; Arist. Ath. Pol., 25, 1; Pol., II, 9, 3-4, p. 1274 a 12; V, 3, 5, p. 1304 a 22; Plut. Them., 19, 5; ср.: Ps.-Xen. Ath. Pol., 1, 2). Этому способствовала противоречивая ситуация в 60-е гг. V в. до н. э., когда стратеги, избираемые путем голосования из всех граждан, должны были подчиняться Ареопагу, состоявшему из людей, избранных в свое время путем жребия и потому нередко случайных среди ареопагитов. Таковы были обстоятельства, способствовавшие реформе Эфиальта, сущность которой заключалась в том, что он организовал судебный процесс над коррумпированными ареопагитами и отнял у Ареопага все приобретенные (τα ελθεται) им права, передав их частью Совету 500, частью Народному собранию и судам (Arist. Ath. Pol., 25, 2; 35, 3).

Одной из главных функций Ареопага было заслушивание его комиссией отчетов должностных лиц по истечении их полномочий. Здесь возникла почва для разного рода коррупции. Эфиальт усложнил систему сдачи отчетов, но вместе с тем сделал ее более гласной и предоставил демосу право непосредственного контроля за деятельностью должностных лиц. Возникшая

в результате реформы процедура предусматривала необходимость предоставления магистрами отчета в течение 30 дней после завершения их полномочий 10 логистам, избранным из числа членов Совета 500. Логисты обязаны были, проверив отчет, передать его в гелию для ратификации или выяснения возникающих вопросов. После поступления отчета в гелию в течение трех дней любой гражданин мог сделать запрос официальному лицу своей трибы, называемому εὐθυνός (эвтин), с жалобой против уходящего в отставку магистрата. Эвтин, рассмотрев жалобу, передавал ее судьям по демам, если она имела частный характер, или фесмофетам, если она касалась государственных дел. Фесмофеты, получив жалобу, вторично вносили отчет магистрата на рассмотрение народного суда. Его решение имело окончательную силу (Arist. Ath. Pol., 48, 3-4).

Реформы Эфиальта всколыхнули общественное мнение в Афинах и обострили до предела социально-политические противоречия внутри гражданского коллектива. Дебаты о роли Ареопага и его судьбе составляли важную часть политических споров того времени. Это нашло наиболее яркое отражение в трилогии Эсхила «Орестея»⁴⁰.

Устами Эриний и Афины автор выразил беспокойство о судьбе Ареопага — органа, который контролировал правовые, нравственные и религиозные отношения среди афинских граждан, и указал на опасность для дальнейшего развития общества сокрушения влияния этого древнего института и утверждения принципа «абсолютной свободы» (Arist. Pol., VI, 1, 7, p. 1317 b 12: ζῆν ὡς βούλεται τις). Поэт даже намекает на некоторые детали спора. Не случайно он подчеркивает, что суд Ареопага «неподкупен», «корысти чуждый», «справедливый». Ведь, как уже отмечалось, ареопагитов обвиняли, и, возможно, не без основания, в разного рода преступлениях.

⁴⁰ Aesch. Eumenid, 681. К этому см.: Dover K. J. The Political Aspects Aeschyles' «Eumenides» // JHS. 1957. Vol. 77. P. 230 ff.; Лурье С. Я. Политическая тенденция трагедии «Эвмениды» // ВДИ. 1958. № 3. С. 42 слл.; Ярхо В. Н. Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М., 1976. С. 116 сл.

Не менее интересным можно считать и другой намек, вызвавший расхождение во мнениях ученых. Эсхил устами Афины предупреждает:

Пусть не будет новшеством

Устав мой осквернен: прозрачный ключ взмутив

Притоком грязным, свежей не испить воды.

(Aesch. Eumenid., 696—698; пер. С. Анна).

Возможно, эти стихи отражают дискуссию, которая развернулась вокруг законопроекта о допуске к избранию на должность архонта и соответственно в число ареопагитов представителей третьего сословного класса зевгитов.

В результате дебатов афиняне оказались расколота на враждующие группировки, и Эсхил устами Афины призывает граждан примириться, подчеркивает опасность распрей и междоусобных войн (Aesch. Eumenid., 860—866). Финалом своей трилогии он утверждает идею единства ранее враждовавших между собой сторон. Однако реальная действительность была более суровой и жестокой. В политической борьбе были победители и побежденные. В 461 г. до н. э. был подвергнут ostracismу Кимон (Plut. Cim., 17, 3; ср.: Plut. Cim., 15, 3; Per., 9, 5; Nep. Cim., 3; Plat. Gorg., 516 d; ср.: IG, I², 911-912 = Tod², № 15, 45 = SEG, X, 390). Его обвинили во враждебном отношении к демократии, поскольку он оказывал активное сопротивление реформам Эфиальта. Вскоре после ostracismа Кимона было совершено покушение на Эфиальта (Antiph., V, 68; Arist. Ath. Pol., 25, 4; Diod., XI, 77, 6; Plut. Per., 10, 7, 8).

Результатом общественно-политического переворота, осуществленного в Афинах около 460 г. до н. э., был прежде всего значительный рост общественно-политических документов. Так, если на весь период с конца VIII в. и вплоть до 460 г. до н. э. можно назвать только около 10 декретов или посвящений, то с 460 г. до н. э. и до конца Пелопоннесской войны их насчитывается более 300. Как известно, эти документы выставлялись на агоре для всеобщего знакомства. Античная традиция считает инициатором этого обычая Эфиальта, который, как

сообщает Анаксимен, автор IV в. до н. э., переместил таблицы и скрижали с начертанными на них знаками Солона в Совет и на агору (Anaxim. Philipp., FGH 72 F 13). Это символизировало соединение законов с демократическими институтами, что укрепляло правовую основу афинской демократии. Упомянутые выше общественно-политические документы отражают главенство Народного собрания как суверенного правящего законодательного органа, важность Совета 500 как основного института, наделенного правом законодательной инициативы, члены которого избирались Народным собранием. Эти документы вскрывают сущность оформившегося в результате реформ Эфиальта механизма функционирования афинской демократии, показывая, что поправки и предложения вносились и могли быть приняты на Народном собрании. Широкое участие граждан в управлении государством достигалось путем увеличения числа коллегий, их сменяемости и подотчетности Совету и Народному собранию, а также включения в состав гелиэи представителей всех категорий афинского гражданства. Механизм функционирования афинской демократии, сложившийся в результате реформ 60-х гг. V в. до н. э., подтверждается эпиграфическими данными. Среди немногих сохранившихся документов, относящихся к рассматриваемому времени, можно привести декрет об элевсинских эпистатах, датируемый 50-ми гг. V в. до н. э. (SEG, X, 24).

Содержание этого декрета позволяет выделить несколько аспектов, иллюстрирующих революционные изменения в афинской демократии в результате реформ Эфиальта. Прежде всего можно сказать, что принцип свободы слова (*ιστηγορία*) в рассматриваемый период был признан законным и стал повседневной реальностью для любого афинского гражданина. Декрет дает основание утверждать, что право быть избранным на должности распространялось на всех афинян без ограничения. На все должности в коллегии, кроме финансовых, афиняне могли быть избраны независимо от их происхождения и богатства. Лишь избрание на последние ограничивалось имущественным цензом, так как в случае растраты

виновные должны были уплатить высокий штраф из своих собственных средств.

Наконец, избрание афинян на различные официальные должности тесно связано с оплатой должностных лиц. Как вытекает из упомянутого декрета, избираемая ежегодно в Элевсине коллегия из 5 человек получала ежедневную оплату из общественных средств. Революционизирующее значение этой меры заключалось в том, что она позволяла даже беднейшим гражданам участвовать в управлении государством.

Итак, процесс демократизации афинского общества пробивал себе дорогу, несмотря на временное преобладание консервативных тенденций в Афинах в период стратегии Кимона. Реформа Ареопага, осуществленная Эфиальтом, была составной частью демократических преобразований, начавшихся в 60-е гг. V в. до н. э. и обусловленных существенными сдвигами в социально-экономической и политической жизни афинского общества, и являлась продолжением политики Фемистокла. Она способствовала повышению политической активности важнейших демократических институтов афинского полиса (Народное собрание, Совет 500 и гелиэя) и обеспечению афинских граждан правом не только участвовать в управлении государством, но и контролировать афинскую конституцию.

Все это свидетельствует о всемирно-историческом значении афинской демократии и побуждает ученых и политиков разных времен извлекать как позитивные, так и негативные уроки из ее истории.

В связи с демократизацией Афин прекращалась политика афинско-спартанского дуализма, которой придерживались консервативно-умеренные слои афинских граждан, предусматривавшая продолжение войны с персами и сохранение дружественных отношений со Спартой. Радикально-демократические афинские лидеры стремились к разрыву отношений со Спартой и расширению афинской гегемонии в Элладе. Своеобразное положение в этом противостоянии консервативно-умеренных и радикально-демократических сил занимал Перикл.

6. Афинская демократия при Перикле и олигархическая оппозиция Фукидида, сына Мелесия, во второй половине V в. до н. э.

Наиболее ценной является характеристика, данная Периклу Фукидидом (Thuc., II, 65, 5—11). Однако, вчитываясь в нее, историк неизбежно задается целым рядом вопросов: всегда ли Перикл был таким, как его оценивает Фукидид, и какому периоду его политической карьеры более всего соответствует эта характеристика? В чем смысл противопоставления Фукидидом периода правления Перикла времени его преемников и каково значение замечания автора о том, что при Перикле правление называлось демократией, на деле же власть принадлежала первому гражданину?

Внимательное рассмотрение источников позволяет признать, что первая половина жизни и деятельности Перикла, по крайней мере до начала 40-х гг. V в. до н. э., является загадкой, ибо сведения источников фрагментарны, противоречивы и не вполне надежны. Этим и объясняется отсутствие единства взглядов ученых о внутривнутриполитическом положении Афин в 60—40-е гг. V в. до н. э. и причинах возвышения Перикла. Период идеализации Перикла характерный для второй половины XIX в.⁴¹ сменился критическим отношением к античной традиции о нем. В конце XIX — начале XX в. сложилось и стало господствующим мнение, по которому возвышение Перикла объяснялось социальными и политическими причинами 42.

⁴¹ Schmidt A. Das perikleische Zeitalter. Bd. I—II. Jena, 1877—1879; Abbot E. Perikles and the Golden Age of Athens. New Jersey, 1891.

⁴² Miltner Fr. Perikles // RE. Hbd. XXXVII. 1937. Sp. 748-791; Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C. Oxford, 1962. P. 253 ff.; Ehrenberg V. From Solon to Socrates. London, 1967. P. 226 ff.; Bloedow E. F. The Implications of a Maior Contradiction in Pericles Career // Hermes. 2000. Bd. 128. P. 295 ff. В отечественной историографии оценка деятельности Перикла нашла свое отражение в работах Бузескула, Лурье, Колобовой, Глускиной, Фролова и Зайцева. См. также: Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии. .. С. 188 слл.; Фролов 9. Д. Сообщества друзей // Альтернативные социальные сообщества

Однако вскоре после Второй мировой войны в западной историографии наметились тенденции к пересмотру сложившейся концепции о Перикле. Прежде всего исследователи признали ошибочным использование термина «партия» для истории Афин V в. до н. э.⁴³ Затем, как уже отмечалось, они стали утверждать, что в Афинах до конца V в. до н. э. не существовало демократии и демократической политики. Закономерным следствием этих взглядов явилось распространение с конца 50-х гг. XX в. мнения о том, что общественные отношения в Афинах невозможно трактовать с точки зрения социально-политических факторов. Поэтому ученые, объясняя возвышение Перикла, придают первостепенное значение его личным и семейно-клановым связям⁴⁴.

Итак, чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо начать с анализа существующей традиции. О начальном периоде карьеры Перикла сообщает только Плутарх. Биограф отмечает, что сначала Перикл совершенно не занимался государственными делами, но только участвовал в военных походах (по-видимому, под руководством Кимона). Неучастие Перикла в политической жизни Плутарх объясняет тем, что он боялся народных масс (Plut. Per., 7, 1). Имея большое сходство с Писистратом и будучи богатым человеком, принадлежавшим к выдающемуся роду⁴⁵, он опасался быть подвергнутым остракизму.

Ион, на которого ссылается Плутарх, утверждал, что обхождение Перикла с людьми было дерзким и высокомерным.

Вероятно, все эти качества составляют субъективно-тенденциозную основу враждебной Периклу характеристики, сохранившейся у Иона, который противопоставлял

в античном мире. СПб., 2002. С. 24 слл.; *Туманс Х. Рождение Афины*. .. С. 394 слл.

⁴³ Reverdin O. *Remarques sur la vie politique d'Athenes au V siecle* // *Museum Helveticum*. 1945. Т. 2. P. 201 ss.

⁴⁴ Sealey R. *The Entry of Perikles into History* // *Hermes*. 1956. Bd. 84. P. 234 ff.; Connor W. R. *The New Politicians of Fifth Century Athens*. Princeton, 1971. P. 5 ff.

⁴⁵ По матери он принадлежал к роду Алкмеонидов, а по отцу — к роду Вузигов (Hdt., VI, 131; Plut. Per., 3; Thuc., I, 127; Aristoph. Equit., 1037).

его Кимону. Ион, очевидно, в гипертрофированном виде представил такие черты характера Перикла, как замкнутость, некоммуникабельность, т. е. именно то, на что указывает Плутарх, говоря, что он по своей природе был не прост в обхождении (Plut. Per., 7, 2). Эти черты могли быть преодолены по мере расширения его общественной активности.

Что касается замечания Плутарха о сходстве Перикла с Писистратом, то это, вероятно, литературный штамп, найденный биографом в одном из источников. По-видимому, это был Феопомп, который с Писистратом сравнивал и Кимона.

Нуждается в объяснении и мысль Плутарха о том, что Перикл угождал массам, боясь, как бы его не стали подозревать в стремлении к тирании. В данном случае Плутарх, возможно, объединяет два обвинения, выдвинутые против Перикла его врагами, сохранившиеся в традиции, которой пользовался биограф.

Обвинение в стремлении Перикла к тирании скорее всего получило распространение с того времени, когда он стал ежегодно избираться на должность стратега. Это обвинение опровергается относительно просто. В отличие от Писистрата, который, как известно, хотя и не отменил конституцию Солона, но фактически с ней не считался, Перикл не только придавал афинской конституции огромное значение (Thuc., II, 37 sqq.), но и своими реформами совершенствовал ее.

С обвинением в демагогии дело обстоит сложнее. Термин *δηξαγωγός* («предводитель народа») с отрицательным смыслом получил широкое распространение в IV в. до н. э. Под предводителями такого рода имели в виду политиков, которые угождали, потворствовали народу, шли на поводу у демоса. Этот термин, вероятно, имел в виду Фукидид, характеризуя преемников Перикла (Thuc., II, 65, 10; ср.: III, 36, 6; IV, 21, 3). Аристотель уже широко его использовал (Arist. Ath. Pol., 27—28; Pol., II, 9, 3, 1274 а 3-10). Историки IV в. до н. э. (Феопомп, Стесимброт и Ион), как мы уже отмечали, особенно часто прибегали к нему, отрицательно характеризуя современную им демократию. Между тем, проследивая

историю развития афинской демократической конституции и ее отражение у античных авторов (Геродот, Фукидид, Аристотель), можно прийти к заключению, что термин *δημαγωγός* является синонимом, только с оттенком отрицательного содержания, более благопристойного понятия *προστάτης*. Уже Геродот, характеризуя Клисфена и называя его простатом народа, считал его не только защитником, но и предводителем демоса (ср.: Arist. Ath. Pol., 20, 4).

Тем не менее эволюция социальных отношений в Афинах, естественно, должна была наложить отпечаток и на изменение содержания понятия *προστάτης* — *δημαγωγός*. Вплоть до времени Перикла лидерами афинской демократии были выходцы из аристократии. Однако, в отличие от современных западных исследователей, рассматривающих Клисфена, Фемистокла, Аристида, Кимона, Эфиальта и Перикла как представителей аристократии, которые, стремясь достигнуть влиятельного положения в городе, вступали в соперничество с себе подобными, мы обнаруживаем между ними существенное различие и считаем, что их деятельность имела различную социальную направленность. По-видимому, Аристид, Кимон, Ксантпп, Каллий и др., являясь представителями консервативно-умеренной части афинской аристократии, пытались в условиях развивающейся афинской демократии сохранить традиционные основы господства и влияния афинской знати. Поэтому Кимон, стремясь привлечь на свою сторону демос, пользуется средствами, которые были искони присущи аристократии еще со времен Писистрата и которые можно охарактеризовать как пример аристократической демагогии.

Совсем другие цели и стремления обнаруживаются в деятельности Клисфена, Фемистокла, Эфиальта и др. Во-первых, очевидно, что отношение этих политических деятелей к демосу было совершенно другим, чем у представителей консервативно-умеренной аристократии. Они опирались на демос не только с целью достижения и укрепления своей власти, применяя для этого демагогические приемы, но и сознавая историческую неизбежность укрепления его роли в афинских условиях.

Во-вторых, они являют собой пример привнесения рационализма в политику⁴⁶, и в этом смысле реформаторскую деятельность уже отчасти Клисфена и прежде всего Фемистокла и Эфиальта можно рассматривать как заранее сознательно спланированную систему мер, направленных на дальнейшее совершенствование афинской демократической конституции и преодоление консервативных черт, сдерживающих развитие афинского полиса.

Особое положение занимал во всей этой плеяде афинских политических деятелей Перикл. С его именем связан важный этап в развитии политической жизни афинского общества. По мере роста политической активности и влияния радикальных слоев афинского демоса и в связи с расширением их реального участия в управлении полисом возникла необходимость не только в проведении реформ, направленных на преодоление консервативных традиций и институтов, сковывавших дальнейшее развитие афинской демократии, но и в разработке новых принципов управления обществом. Иными словами, возникла потребность в создании «новой социальной философии», которая должна была преодолеть узкие рамки традиционной консервативно-аристократической идеологии. Именно к этим процессам Перикл имел самое непосредственное отношение. Он осознал, что объективный ход развития политических событий требует научного подхода к управлению государством.

В противоположность Кимону, который в целях укрепления позиций знати создал союз из представителей аристократии, скрепив его династическими браками, Перикл впервые создает союз единомышленников, объединяющий профессиональных политиков, а также людей образованных и философски мыслящих (так называемый кружок Перикла), с помощью и при поддержке

⁴⁶ Об этом подробнее: Фролов Э. Д. 1) Рационализм и политика в архаической Греции // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 17 сл.; 2) Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 6 сл.; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии. .. С. 203.

которых он осуществлял все внешнеполитические и внутривнутриполитические мероприятия⁴⁷.

Возвращаясь же теперь к понятию *προσάτια* — *δημαγωγός* мы вполне можем заключить, что *προσάτια* была составной частью афинской политической системы (особенно это подтверждает Аристотель: *Arist. Ath. Pol.*, 20, 4; 23, 3; 25, 1; 28), поэтому она изменялась и эволюционировала вместе с ней. По мере же развития кризиса афинской демократии, начавшегося, как удачно подмечает Фукидид (*Thuc.*, II, 65, 10—11), в 20-е гг. V в. до н. э., *προσάτια* теряла свои позитивные качества, превращаясь в демагогию (*δημαγωγία*).

Итак, главной особенностью общественной жизни Афин времени Перикла, как мы уже отметили, был профессионализм в политике. Уже сам Перикл, в отличие от предшествующих политических деятелей афинской демократии, получил прекрасную специальную подготовку. Он обучался под руководством Дамона, ученика софиста Продика (*Plat. Laches*, 197 d) и вместе с тем известного теоретика музыкального искусства. Он обучал Перикла главным образом искусству политического красноречия и вопросам практической политики (*Plut. Per.*, 4; *Isocr.*, XV, 235). Перикл слушал также лекции Зенона Элейского, ученика Парменида, известного своим учением о познании, и постиг искусство диалектики. Оба эти вида искусства становились крайне необходимыми для политического лидера в условиях демократического правления, когда решения принимались в результате свободного обсуждения мнений.

Большое влияние на Перикла оказал также философ-материалист Анаксагор, рационалистические идеи которого подрывали традиционные суеверия и консерватизм и утверждали принцип причинной связи как в естественных, так и в общественных явлениях⁴⁸. Не меньшее влияние на Перикла оказал и выдающийся скульптор Фидий,

⁴⁷ См.: *Podlecki A. J. Pericles and his Circle. London, 1998; Сурков И. Е. Из истории греческой аристократии... С. 198.*

⁴⁸ Об этом см. подробно: *Рожанский Я. Д. Анаксагор. М., 1972. С. 217 сл.; Зайцев А. И. Перикл и его преемники (к вопросам о приемах политического руководства в древности) // Политические*

своей деятельностью в значительной степени способствовавший превращению Афин в культурный центр Эллады.

Окружавшие Перикла люди отличались не столько своей знатностью, сколько рационалистическими знаниями и философским умом. Другой отличительной чертой кружка Перикла было то, что он включал не только афинян, но и иностранцев. Многие проблемы, обсуждавшиеся его членами, становились впоследствии основой постановлений Народных собраний и отдельных реформ. Таким образом, если союз знати, возникший во время Кимона, был социальной аристократической элитой, то кружок Перикла — это скорее элита политическая и интеллектуальная.

Выступление Перикла на стороне демократов не было вынужденной мерой, обусловленной интересами личной безопасности. Это было сознательно принятое решение, но пришел он к нему, по-видимому, не сразу. Вероятно, прав Плутарх, отмечающий, что Перикл был вовлечен в государственные дела всем ходом исторических событий в то время, когда Аристид уже умер, Фемистокл был в изгнании, а Кимон, участвуя в постоянных походах, находился по большей части вне пределов Афин. Первое выступление Перикла на политической сцене, засвидетельствованное в источниках, относится ко времени обострения политического кризиса в Афинах в 463 г. до н. э. Он выступал как обвинитель по делу Кимона. Сведения об этом сообщают Аристотель и Плутарх. Первый (*Arist. Ath. Pol.*, 27, 1), будучи очень краток, указывает, что Перикл выступил в качестве демагога (*δημαγωγόν*) и впервые получил известность еще молодым. Первое утверждение Аристотеля свидетельствует о том, что Перикл к этому времени избрал для себя путь демократического лидера (ср. также: *Plut. Per.*, 10, 6). Второе его замечание не совсем точное. Во-первых, ранняя известность пришла к Периклу, когда он одержал победу в качестве хорега при постановке трагедии Эсхила «Персы» (IG², № 2318).

деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 24 сл.

Во-вторых, первый процесс против Кимона не достиг успеха, поэтому едва ли можно говорить и об известности Перикла, тем более что его выступление было не очень смелым и решительным. Рассказ Плутарха (Plut. Cim., 14, 5; Per., 10, 6) более пространный, но он содержит детали анекдотического характера (Plut. Cim., 14, 5; Per., 10, 6). Исследователи по-разному пытаются разрешить загадку недостаточно решительного выступления Перикла как обвинителя Кимона. Нам представляется, что разгадка кроется в молодости Перикла, на что указывает Аристотель, и в тех чертах характера, которые отметил у него Плутарх.

Далее мы встречаем Перикла в связи с деятельностью Эфиальта. Плутарх характеризует его как примкнувшего к демократам (Plut. Cim., 15, 2). Это дает основание с уверенностью считать, что Перикл в это время еще не занимал первенствующего места среди демократов (ср.: Arist. Pol., II, 9, 3, p. 1274 a 8). Какое конкретно участие принимал Перикл в проведении реформ Ареопага, остается загадкой (ср.: Arist. Ath. Pol., 21, 7). Также трудно сказать, имел ли Перикл прямое отношение и к другим реформам, проведенным вскоре после гибели Эфиальта. Согласно Аристотелю (Arist. Ath. Pol., 26, 2—3), в 457/6 г. до н. э. право избирать в коллегию архонтов было предоставлено также зевгитам, а в 453/2 г. до н. э. были снова учреждены тридцать судей, так называемых судей «по демам». Два других законодательства: о гражданских правах и об оплате должностных лиц Аристотель связывает непосредственно с именем Перикла (Arist. Ath. Pol., 26, 3; 27, 4; ср.: Arist. Pol., II, 9, 3, p. 1274 a 8; Plat. Gorg., 515 c; Plut. Per., 9, 1—3). Сообщения об этих законодательствах требуют более обстоятельного комментария. Мы уже отмечали, что многие вопросы, обсуждавшиеся членами «кружка Перикла», становились впоследствии основой постановлений Народных собраний или отдельных реформ. Отмеченные выше законодательства не были исключением. Первым по времени был закон об оплате должностных лиц. Аристотель (Arist. Ath. Pol., 27, 4) и Плутарх (Plut. Per., 9, 2) сообщают, что этому законодательству предшествовал совет, который дал Периклу

Дамонид из Эи, являвшийся его помощником во многих делах.

В соответствии с этим законодательством прежде всего вводится плата судьям. Это было неслучайно. В Афинах важнейшим институтом, составлявшим основу демократической системы, являлся народный суд — гелиэя (ἡλιαία), учрежденный еще при Солоне. По мере трансформации Делосской симмахии в Афинский морской союз, а последнего — в Афинскую империю и с ростом той части афинского демоса, которая была связана с ремеслом, торговлей и морским делом, гелиэя приобрела в государстве главенствующее положение. Она разрешала тяжбы как афинских граждан, так и союзников. Причем ко времени Перикла суды превратились в важнейший инструмент контроля над союзниками (Thuc., I, 77, 1; Ps.-Xen. Ath. Pol., 1, 16—18). К середине V в. до н. э. гелиэя охватывала большое число афинских граждан (6 тыс. человек; см.: Arist. Ath. Pol., 24, 3), которые, отрываясь от своих повседневных дел, должны были заседать в различных судебных комиссиях. Поэтому введение этого законодательства было естественным результатом развития тех общественно-политических процессов, которые протекали в Афинах и в Афинском морском союзе⁴⁹.

С законом об оплате должностных лиц тесно связана и гражданская реформа Перикла (Arist. Ath. Pol., 26, 3; Plut. Per., 37, 3; Ael., VI, 10; Suid., s. v. Δημοδοίητος). Согласно этой реформе, гражданином Афин мог считаться лишь тот, у которого отец и мать были афинянами. Современные исследователи по-разному оценивают цель и значение этой реформы. По Аристотелю, эта реформа была следствием слишком большого числа граждан (Arist. Ath. Pol., 26, 3; ср.: Arist. Pol., III, 4-5, p. 1276 a 20—35). Численность граждан древние всегда рассматривали как важнейшее условие успешного функционирования государственного организма (Plat. Leg., 737 c; 742 d;

⁴⁹ О связи афинской демократии и ее составного элемента судебной системы с Афинским морским союзом см.: Schüller W. Die Herrschaft der Athener im ersten Attischen Seebund. Berlin, 1974; Шуллер В. Афинская демократия и Афинский морской союз // ВДИ. 1984. № 3. С. 49 слл.

745 с; Arist. Pol., VII, 4, 2, p. 1327 а 1-3). Несомненно, эта проблема обсуждалась и в «кружке Перикла», в состав которого входил известный архитектор Гипподам из Милета. Он давно уже жил в Афинах, возможно, еще со времени Фемистокла. Ему принадлежит планировка Пирея. Аристотель подробно разбирает его проект идеального государства (Arist. Pol., II, 5, 1 sqq., p. 1267 b 22 sqq.). Два положения в его проекте заслуживают особого внимания. Большое значение Гипподам придавал проблеме граждан и их численности в идеальном государстве. Оптимальным он считал город с населением в 10 тысяч граждан (Arist. Pol., II, 5, 2, p. 1267 b 30). Не исключено, что идеи Гипподама легли в основу и гражданской реформы Перикла. В пользу правомерности этой гипотезы говорит следующий факт. Гипподам считал, что дети павших на войне граждан должны воспитываться на казенный счет (Arist. Pol., II, 5, 4, p. 1268 а 9—10). Эта идея была воплощена в жизнь в Афинах при Перикле. Заканчивая свою речь в честь павших воинов, он заявил: «... с этого дня государство будет содержать их детей (детей павших воинов. — В. С.) до их возмужания на государственный счет» (Thuc., II, 46, 1).

Итак, гражданская реформа Перикла предусматривала создание оптимального по численности гражданского коллектива, в чем в это время был особенно заинтересован афинский демос. Вместе с тем проведение этой реформы было связано и с законом об оплате должностных лиц. Осуществление этой меры требовало больших денежных затрат (Arist. Ath. Pol., 24, 3; ср.: Plut. Per., 37, 4). Естественно, нужно было позаботиться о количественном составе гражданского коллектива (ср.: Arist. Ath. Pol., 63, 3).

Конец 50-х — начало 40-х гг. V в. до н. э. в политической карьере Перикла являются важной вехой. Тогда он достигает первенствующего положения в государстве. В среде демократических лидеров он уже более не имел соперников после гибели Толмида (ср.: Plut. Per., 18, 2—3). Со смертью Кимона консервативно-аристократические круги на некоторое время ослабили сопротивление Периклу. С этого момента мы можем

уверенно говорить о внутренней и внешней политике Афин, которая всецело осуществлялась под его руководством. По своему характеру это была имперская политика, но лишенная авантюристических замыслов. Перикл, продолжая традицию Фемистокла и Эфиальта, считал Спарту главным противником. Однако, в отличие от других демократических лидеров, он полагал, что войне со Спартой должна предшествовать серьезная подготовка, предусматривавшая возвышение авторитета Афин в эллинском мире и пропаганду афинского превосходства⁵⁰, укрепление афинского господства в морском союзе и превращение его в афинскую империю, осуществление активной внешней политики, направленной на утверждение афинского влияния в стратегически важных районах.

Углубление демократических тенденций во внутренней и внешней политике Афин, обусловленное реформами Эфиальта и Перикла, было уже необратимым, поэтому знать предпринимала безуспешные попытки, используя временные внешнеполитические неудачи демократов и Перикла, возвратиться к лаконофильской консервативной политике. Такие попытки были предприняты вскоре после битвы у Танагры (457 г. до н. э.), где афиняне потерпели поражение, и после гибели афинского флота в Египте (454 г. до н. э.). Опасная внутривосточная ситуация заставила Перикла вернуть из изгнания Кимона и пойти на заключение мира со Спартой (Theop, FGH 11 b 115 F 88; Plut. Cim., 17, 8-18, 1; Per., 10, 4; Diod., XI, 80, 3—6; Andoc., III; Aeschin., II, 172). Однако со смертью Кимона после 451 г. до н. э. канули в лету и надежды аристократической оппозиции Периклу.

Новое осложнение внутривосточной борьбы в Афинах наблюдалось вскоре после заключения Тридцатилетнего мира со Спартой (446/5 г. до н. э.). Лидером аристократической оппозиции становится Фукидид, сын

⁵⁰ Достижение этих целей особенно предусматривала знаменитая строительная программа Перикла (Plut. Per., 13, 1—14; Strab., IX, 1, 12; 16; Diod., XII, 39, 1; 40, 3; Paus., VIII, 41, 9). К этому см.: Колобова К. М. Древний город Афины... С. 112 сл.; Строецкий В. М. Строительная политика Перикла и «культурная» экспансия // Акта. Сборник науч. трудов. Н. Новгород, 2002. С. 142 слл.

Мелесия, свойственник Кимона. К сожалению, сведения о нем противоречивы и фрагментарны (Theop., FGH 115 F 91; Vita Anon. Thuc., 6; Plut. Per., 6, 2; 8-5; 11-13; 12, 1; 16, 3; Nic., 2, 3). Поэтому и в современной историографии оценка роли Фукидида и дата его изгнания из Афин являются дискуссионными проблемами⁵¹.

Насколько позволяют судить источники, Фукидид принадлежал к консервативным кругам афинской аристократии. Отец Фукидида был знаменитым тренером (Pind. Olymp., VIII, 54; Nem., IV, 93; VI, 65), и сам Фукидид был связан со спортивной борьбой (Plut. Moral., 802 с; Per., 85; Plat. Meno, 94 с). Он был женат на сестре Кимона (Arist. Ath. Pol., 28, 2; Plut. Per., 11, 1). Пиндару известны связи семьи Фукидида со знатными семьями Эгины.

О политической карьере Фукидида можно говорить на основании тех сведений, которые сообщают Аристотель и анонимный автор жизнеописания Фукидида (Arist. Ath. Pol., 28, 2, 5; Vita Anon. Thuc; ср.: Plat. Meno, 94; Plut. Per., 85). Некоторые исследователи считают, что конфликт между Фукидидом и Периклом не имел принципиального значения. Борьба носила личный характер⁵². Данные источников не позволяют согласиться с этим мнением.

Как аристократ и как человек, связанный со спортивной борьбой, Фукидид имел многих друзей и в Афинах, и в союзных городах (Plat. Meno, 94 d). Вследствие этого он легко мог найти единомышленников. Традиция изображает Фукидида талантливым оратором, обладавшим большой силой ума (Vita Anon. Thuc., 6). Не случайно с именем Фукидида связывается изменение стратегии и тактики аристократии. Она из простого

⁵¹ Meyer H. D. *Thukydides Melesion und die oligarchische Opposition gegen Perikles* // *Historia*. 1967. Bd. 16. S. 141 ff.; Корзун М. С. Социально-политическая борьба в Афинах в 445—425 гг. до н. э. Минск, 1975. С. 123 слл.; Andrewes A. *Opposition to Pericles* // *JHS*. 1978. Vol. 99. P. 1 ff.; Krentz P. *The Ostracism of Thukydides Son of Melesias* // *Historia*. 1984. Bd. 33. P. 499 ff.

⁵² Frost F. J. *Pericles, Thucydides Son of Melesias and Athenian Politics before the War* // *Historia*. 1964. Bd. 13. P. 385 ff.; Meyer H. D. *Thukydides Melesion...* S. 141 ff.

консервативного противодействия демократической конституции перерастает в организованное олигархическое движение (Plut. Per., 11), целью которого стало впоследствии свержение демократии.

Главными вопросами, которые дебатировались в Народном собрании между сторонниками и противниками Перикла, как уже отмечалось, были налоговая политика, отношение к союзникам, строительная программа, оплата должностных лиц, а также юрисдикция. Оппоненты Перикла возражали против перенесения казны с Делоса в Афины и использования денег союзников для строительной деятельности и оплаты должностей в Афинах. Они обвиняли демократов и Перикла в том, что их власть над союзниками подобна тирании, и считали несправедливым сбор форося в условиях мира с персами.

Следы этих дебатов отразились у Плутарха (Plut. Per., 12) и в речах, приведенных Фукидидом-историком. Требования, выдвигаемые оппозицией, отчасти отразились и в «Афинской политике» Псевдо-Ксенофонта (Ps.-Xen., 1, 16—18). Главная черта этих дебатов заключалась в том, что Перикл и его сторонники, приняв вызов, брошенный оппонентами, отнюдь не оправдывались, а избрали наступательную тактику. Возможно, это обстоятельство не учел Фукидид, что и было его роковой ошибкой.

Некоторые контраргументы, выдвигаемые Периклом и его сторонниками, заслуживают специального рассмотрения, ибо они важны для понимания сущности внутренней и внешней политики Афин.

Отметая обвинение противников в том, что афиняне не по назначению используют деньги, которые союзники вносят в казну в виде форося, Перикл выдвинул три важных положения, свидетельствующих об имперском характере политики афинской демократии.

Во-первых, Перикл с позиции великодержавного гегемонизма отверг какую-либо возможность отчета перед союзниками о том, как и на что расходуются деньги, внесенные ими в общесоюзную казну в виде налога.

Во-вторых, вся предшествующая внутрисоюзная политика Афин была направлена на то, чтобы сократить до минимума число союзников, поставлявших конницу,

гоплитов и корабли, и заменить эти поставки денежными взносами, что фактически разоружало союзников (ср.: Thuc., I, 99, 3). Теперь, опираясь на это обстоятельство, Перикл доказывал правомерность использования их денег для укрепления афинского могущества и превращения Афин в центр морской державы.

Наконец, Перикл оправдывал эксплуатацию союзников необходимостью решения и социальных задач, предусматривающих обеспечение афинян средствами к существованию, и создание условий, при которых государство могло бы само себя содержать на жаловании. Учитывая, что только гелиастов, получавших оплату, насчитывалось в Афинах 6 тыс. человек, можно уверенно считать, что подобные речи Перикла более импонировали афинскому демосу, чем морализирование Фукидида.

В ответ на обвинение в том, что господство афинян над союзными полисами подобно тирании (Plut. Per., 12, 1), Перикл также занимал наступательную позицию. Соглашаясь с тем, что власть афинян над союзниками приобрела вид тирании, он, напротив, доказывал правомерность, законность и неизбежность такого господства, подчеркивая вместе с тем, что отказываться от него тем более опасно (Thuc., II, 62, 1-3; ср.: Thuc., I, 75, 4; III, 37).

Выдвигалось также обвинение в том, что афиняне имеют страсть к сутяжничеству, заставляя союзников ездить для судебных дел в Афины (Thuc., I, 77, 1; Ps.-Xen. Ath. Pol., 1, 16). Псевдо-Ксенофонт приводит целый ряд аргументов, которые выдвигали демократы в целях оправдания системы юрисдикции, сложившейся в Афинской морской державе. Все эти аргументы вполне могли быть высказаны и Периклом. Суть их заключалась в том, что, во-первых, афинские граждане и государство в целом получали от этого материальные выгоды; во-вторых, благодаря тому, что судебные дела союзников разрешались в Афинах, афинский народ в лице судей, должностных лиц и Народного собрания ощущал свое превосходство; и, наконец, судьи являлись важнейшим средством удержания союзников в повиновении. Если соотнести все сказанное с расстановкой политических сил в Афинах в 40-е гг. V в. до н. э., то становится вполне понятным

поражение Фукидида, сына Мелесия, и изгнание его остракизмом в 443 г. до н. э.

В источниках этот год считается переломным в правлении Перикла. С этого времени в течение не менее 15 лет он правил единолично (Plut. Per., 16, 3; ср.: Thuc., II, 65, 8-9). Ежегодная стратегия Перикла выдвигает ряд проблем. Первые из них — это процедура избрания стратегов и время ее введения. Согласно Аристотелю (Arist. Ath. Pol., 61), «стратегов избирали поднятием рук — прежде по одному от каждой филы, а теперь из всего состава граждан». В этом случае возникла возможность появления в коллегии стратегов нескольких человек, выходцев из одной филы.

Поскольку граждане выбирали тех, кому они больше доверяли (например, Формион избирался стратегом 45 раз), то пропорция могла отчасти нарушаться, хотя в списке стратегов больше двух человек от одной филы, по-видимому, не могло быть, так как принцип представительства от фил сохранялся, а число стратегов должно быть не более 10 человек. Долгое время господствующим считалось мнение, что эта процедура введена при Перикле не ранее 440/39 г. до н. э. Сегодня списки стратегов позволяют считать, что упомянутая выше процедура избрания стратегов утвердилась не позднее 460/59 г. до н. э.⁵³

Другой дискуссионной проблемой является вопрос о характере власти Перикла в период несменяемой стратегии. Исследователи пытались определить ее как тиранию, монархию, диктатуру или принципат⁵⁴. Едва ли оправданы попытки исследователей использовать известное замечание Фукидида о власти Перикла (о том, что она по форме была демократией, а по существу — правлением одного человека) как доказательство в пользу

⁵³ Fornara C. W. *The Athenian Board of Generals from 501 to 404 B. C.* Wiesbaden, 1971. P. 26 ff.

⁵⁴ Flaschar H. *Der Epitaphias des Pericles. Seine Funktion im Geschichtswerk des Thukydides* Heidelberg, 1969. S. 8 ff.; Knight D. W. *Thucydides and War the Strategy on Pericles* // Mnemosyne. 1970. Vol. 232. P. 150 ff.; Schachermeyer F. *Das Perikles Bild bei Thukydides* // Antike und Universalgeschichte. Münster, 1972. S. 171 ff.

какой-либо конкретной политической формы, в которой она могла воплотиться. Мысли Фукидида следует интерпретировать с этико-политической точки зрения. Во-первых, историк подчеркивает нравственные качества Перикла, благодаря которым он заслужил признание и авторитет у большинства афинских граждан, и противопоставляет ему его преемников, не обладавших высокими нравственными качествами и являвшихся всего лишь демагогами. Во-вторых, Фукидид, несомненно, не был сторонником демократии, однако, осознавая ее историческую обусловленность, видел в Перикле последнего политического деятеля, способного противостоять крайнему радикализму афинского демоса.

Итак, подводя итог исследованию внутривосполненных отношений в Спарте и в Афинах, следует подчеркнуть, что в силу своеобразного развития полисной структуры сложившиеся в Спарте олигархическая, а в Афинах демократическая формы правления способствовали росту афинско-спартанского соперничества, которое в период Пятидесятилетия характеризовались трансформацией афинско-спартанского дуализма в конфронтацию. В то время как спартанская олигархия вследствие особенностей социально-экономической и политической структуры спартанского полиса имела тенденцию к консервации, афинская демократия со времени реформ Клисфена получила широкий простор для развития и совершенствования.

Олигархия и демократия с середины 70-х гг. V в. до н. э. в греческих государствах становились не только формами полисного строя, но и двумя противоположными по своему содержанию общественно-политическими течениями в Элладе, идеями которых руководствовались в своей внутренней и внешней политике Спарта и Афины. Радикальная разность этих течений и составляющих их основу политических форм, опирающихся на материальную силу Пелопоннеского и Афинского морского союзов, порождали соперничество и конфронтацию между лакедемонянами и афинянами за первенство, за гегемонию в Греции.

Глава II

Возникновение политических союзов под руководством Спарты и Афин и истоки афинско-спартанского соперничества

1. Пелопоннесский союз как инструмент спартанской внешней политики

Неравномерность экономического и политического развития греческих городов вела к обострению как внутривосполненных, так межполисных противоречий, а также к борьбе отдельных полисов за лидерство. Это, как и растущее осознание греками этносоциального и культурного единства по отношению варварам, стимулировало развитие федеративных отношений в Элладе. Однако высшим идеалом полиса, как известно, была автаркия и в экономическом, и в политическом смысле. Поэтому складывание политических союзов эллинских полисов и их эволюция происходили в обстановке борьбы между принципами партикуляризма и федерации.

Наибольший след в истории оставили Пелопоннесский и I Афинский морской союзы. Их формирование и развитие отразило тенденцию могущественных греческих государств Спарты и Афин в V в. до н. э. к расширению

и укреплению своего господства не только в пределах их географических регионов, но и во всей Элладе. Пелопоннесский и I Афинский морской союзы имели немало общих черт. Их возникновение было обусловлено не религиозно-культурными связями, а вполне рационалистическими причинами политического и экономического характера. Эти союзы не были ограничены ни временем, ни узколокальными целями. Черты сходства обнаруживаются и в структуре обоих союзов. Поэтому вполне закономерно, что античные авторы и современные ученые придают им первостепенное значение.

Тем не менее различия между Пелопоннесским и I Афинским морским союзами более существенны, так что исследование проблем возникновения и устройства каждого из них является непременным условием для выяснения не только истоков афинско-спартанского соперничества, но и причин формирования к середине V в. до н. э. двух военно-политических блоков, возглавляемых Спартой и Афинами, фактически разделивших Элладу на сферы влияния и оспаривавших между собой право неограниченной гегемонии.

Пелопоннесский союз занимает особое место в греческой истории, ибо он, являясь одним из первых политических объединений эллинских полисов, послужил образцом для других подобного рода союзов. История его возникновения и устройство неоднократно становились предметом внимательного разбора в трудах западноевропейских исследователей, начиная с XIX в.¹ Однако гиперкритическое отношение к источникам приводит некоторых исследователей либо к отрицанию вообще Пелопоннесского союза в V в. до н. э.², либо к тому, что они, признавая его как союз в самом широком смысле слова (Verband), совершенно отрицают в нем какую бы то ни

¹ Обзор литературы см.: *Строгоцкий В. М. Возникновение и структура Пелопоннесского союза // Из истории античного общества. Горький, 1975. С. 3 сл. См. также: Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 121 слл.; Cartledge P. The Origins and Organisation of the Peloponnesian League // Sparta / Ed. by M. Whitby. Edinburgh, 2002. P. 223 ff.*

² *Schoeffler H. Staatsform und Politik. Untersuchungen zur griechischen Geschichte des VI—V Jahr. Leipzig, 1931. S. 63 ff., 176 ff.*

было организацию, полагая, что некоторые ее признаки появились лишь после 404 г. до н. э.³ В других случаях предпринимаются необоснованные попытки преувеличить роль конституционного оформления Пелопоннесского союза уже на ранних этапах его существования⁴.

Все это убеждает в необходимости заново рассмотреть некоторые сложные вопросы этой темы.

Прежде всего попытаемся установить время возникновения Пелопоннесского союза и его состав. К сожалению, мы не располагаем документальными данными, которые зафиксировали бы год возникновения Пелопоннесского союза, и не знаем, когда было создано первое собрание его членов. Однако, учитывая исторические условия возникновения этого союза и его структуру, позволительно думать, что таких документов вообще не существовало.

По-видимому, для установления возможной даты его возникновения следует исходить из того положения, что спартанцы создавали эту организацию для утверждения своего господства в Пелопоннесе. Но, как известно, это господство не возникло внезапно. Лакедемоняне постепенно расширяли свое влияние на полуострове. Поэтому этапы распространения спартанского влияния можно рассматривать как пути становления Пелопоннесской лиги. Окончательное же ее оформление, вероятно, совпало с тем временем, когда Спарта утвердила свое господство в большей части Пелопоннеса. Это подтверждают и Геродот, и Фукидид. Так, например, Фукидид, неоднократно указывает на стремление Спарты к гегемонии, имея в виду время до Пелопоннесской войны (Thuc., I, 10, 2; 19, 1).

Участие Спарты в освобождении некоторых эллинских государств от тирании тесно связано с образованием

³ *Triepel H. Die Hegemonie. Ein Buch von Führenden Staaten. Stuttgart, 1943. S. 331 ff.; Kagan D. The Outbreak of the Peloponnesian War. London, 1969. P. 9 ff. (новое издание этого труда: 2-nd ed. New Jersey, 2003).*

⁴ *Larsen J. A. O. The Constitution of the Peloponnesian League // CPh. 1933. Vol. 28. P. 256 ff.; 1934. Vol. 29. P. 1 ff.; Ste Croix G. E. M. de. The Origins of the Peloponnesian War. Ithaca; London, 1972. P. 96 ff.; cp.: Hammond N. G. L. The Peloponnese // САН². Vol. III. 1982. P. 321 ff.*

Пелопоннесского союза. Активное выступление Спарты против тиранических режимов совпало по времени с ее борьбой за утверждение господства в Пелопоннесе и связано с именем эфора Хилона, пребывание в должности которого имело место около 556/5 г. до н. э. (Diog. Laert., I, 68). Об антитиранической направленности спартанской внешней политики существует довольно обширная историческая традиция (Hdt., I, 59; Thuc., I, 18; 122, 3; V, 59, 5; Plut. Moral, p. 21 c—d; Schol. Aeschin., II, 80), к которой в 1911 г. прибавился еще фрагмент папируса, представляющий собой отрывок из сочинения неизвестного автора II в. до н. э. (Catalogue of the Greek Papyri in the J. Rylands' Library / Ed. by A. Hunt. Vol. I. Manchester, 1911. № 18; FGH II A F 105, 1). Несмотря на фрагментарность и испорченность некоторых мест, этот документ заслуживает особого внимания. Во-первых, он поддерживает высказанный Геродотом намек на враждебность эфора Хилона к тирании (Hdt., I, 59) и изображает его в качестве руководителя антитиранического движения. Во-вторых, благодаря этому фрагменту папируса стало бесспорным фактом то, что список изгнанных Спартой тиранов, известный нам до этого в передаче Плутарха и автора схолий к речи Эсхина «О преступном посольстве», уже существовал в более ранний период.

Учитывая все сказанное, не является случайным тот факт, что освободившиеся от тирании или угрозы ее установления государства, такие как Элида, Коринф, Сикион и Мегары, составили ядро Пелопоннесского союза.

Согласно Геродоту (Hdt., I, 69—70), к моменту заключения союза с лидийским царем Крезом в начале 40-х гг. VI в. до н. э. Спарта подчинила своему влиянию большую часть Пелопоннеса (Hdt., I, 68). Установление спартанского господства в Пелопоннесе Геродот связывает с победой Спарты над Тегеей. Общепринятой датой этого события является 550 г. до н. э.

Таким образом, расширение спартанского влияния на значительную часть Пелопоннеса в середине VI в. до н. э. служит важным аргументом в пользу возникновения Пелопоннесского союза в это время.

О составе Пелопоннесской лиги мы имеем возможность судить на основе свидетельств как ранних источников (Геродот и Фукидид), так и поздних (Диодор, Страбон, Павсаний, Плутарх). По Фукидиду (Thuc., II, 9, 2—3; ср.: Hdt., V, 74, 1), в союзе с лакедемонянами состояли все пелопоннесцы, живущие по ту сторону Истма, за исключением аргивян и ахеян, находившихся в дружественных отношениях с обеими сторонами. Из ахеян одни пелленяне воевали вместе с лакедемонянами с самого начала, а остальные ахеяне только впоследствии. За пределами Пелопоннеса в союзе с ними были мегаряне, беотийцы, локры, фокидяне, амбракиоты, левкадяне и анакторийцы. Из них доставляли флот коринфяне, мегаряне, сикионяне, пелленяне, элейцы, амбракиоты и левкадяне; конницу — беотийцы, фокидяне и локры; пехоту — остальные государства (ср. также: Thuc., V, 57, 2; 58, 1—5; 59, 3)⁵.

I. Аркадяне

Города Аркадии уже издавна представляли для Спарты особую опасность, потому что после Мессенских войн жители Мессении там находили убежище (Paus., IV, 14, 1; Polyb., IV, 33, 1—6)⁶, а следовательно, постоянно существовала угроза нового мессенского восстания в союзе с Аркадией. В силу этих причин сразу же после окончания Мессенских войн лакедемоняне предприняли наступление на Аркадию. Первыми, кому пришлось встретить натиск Спарты, были Тегея и юго-западные районы Аркадии (Hdt., I, 66—68; IX, 26; Paus., III, 3, 5—6; 7, 3; II, 10; IV, 1, 6; 39, 3—5; 47, 4). Длительная борьба с Тегеей закончилась победой Спарты около 550 г. до н. э., которая заставила ее заключить союзный договор и признать спартанское господство (Aristot., fr. 592 = Plut. Aet. Graec., 5; Aet. Rom., 52)⁷.

⁵ Schwahn W. *Symmachia* // RE. Hbd. VII. 1931. Sp. 1110; Gomme A. W. *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. II. Oxford, 1969 (ad Thuc., II, 9, 2 sq.). К дискуссии о составе Пелопоннесского союза см.: Печатнова Л. Г. *История Спарты*. .. С. 137 слл.

⁶ Calmer Ch. *Studien zur Geschichte Arkadiens*. Land, 1943. S. 63.

⁷ Hiller von Gaertringen F. *Tegea* // RE. Hbd. IX. 1934. Sp. 109; Calmer Ch. *Studien*... S. 76; Wickert K. *Der peloponessische Bund von*

Сведения о заключении союзов с другими аркадскими городами отсутствуют. Косвенные данные позволяют предполагать, что Орхомен и Фигалия были вынуждены заключить соглашения со Спартой в результате окончательного покорения Мессении⁸.

2. Элида

В элейцах Спарта видела союзников против аркадян и Аргоса. Кроме того, союз с Элидой создавал преграду для возможных восстаний мессенян и илотов. Утверждение же спартанского влияния в Олимпии, общегреческом религиозном и агональном центре, способствовало росту авторитета Спарты не только среди пелопоннесских государств, но и всей Эллады. Элида была ценным для Спарты союзником еще и по той причине, что она имела плодородную почву, а также потому, что благодаря контролю над храмом Зевса Олимпийского и руководству Олимпийскими играми могла сосредоточить у себя значительные денежные суммы. Поэтому элейцы доставляли Пелопоннесскому союзу для ведения военных действий большие средства в виде продовольствия и денег, а также корабли (Thuc., I, 121, 3; 143, 15; II, 9, 3). Элейцы, со своей стороны, также были заинтересованы в заключении союза со Спартой. В ней они видели возможного союзника в борьбе с Пизой, Аргосом и аркадцами и надеялись с ее помощью удержать свое господство в Олимпии. Как свидетельствуют источники, длительная война между Элидой и Пизой закончилась тем, что элейцы с помощью лакедемонян около 570 г. до н. э. подчинили территорию Пизы. По-видимому, с этого времени у них и закрепился союз со Спартой. (Strab., VII, 3, 30; 33 = Ephor., FGH 72 F 115; Diod., VIII, 1; Paus., VI, 22, 2-4)⁹.

seiner Entstehung bis zum Ende der archidamischen Krieger. Erlangen, 1961. S. 8 ff.

⁸ Meyer E. 1) Orchomenos // RE. Hbd. XXXVII. 1939. Sp. 896; 2) Phigaleia // RE. Hbd. XXXVIII. 1940. Sp. 2081.

⁹ Swoboda H. Elis // RE. Bd. V. 1905. Sp. 2391; Wickert K. Der peloponnesische Bund... S. 13 ff.

3. Коринф

Заключение союза между Спартой и Коринфом обычно связывают с падением тирании Кипселидов в 582 г. до н. э. Большинство источников (Hdt., V, 91 sqq.; Nie Dam., fr. 58-60, Arist. Pol., V, 3, 6, 1304 a 40), за исключением Плутарха (Plut. Moral., p. 21 c—d), свидетельствуют о том, что падение тирании произошло без внешнего вмешательства. По мнению Плутарха, тирания в Коринфе была свергнута не без помощи лакедемонян. Во всяком случае, угроза со стороны Аргоса должна была заставить коринфян пойти на заключение союза со Спартой сразу же после падения тирании Кипселидов. Как видно из сообщения Геродота (Hdt., III, 48 sqq.), этот союз уже существовал до похода, организованного Спартой и Коринфом против тирана Поликрата на Самосе около 525 г. до н. э.¹⁰

Коринф, как крупный сельскохозяйственный, торговый и ремесленный центр, занимал привилегированное положение в Пелопоннесском союзе. Поэтому Спарта терпимо относилась к тому, что в составе Пелопоннесской лиги коринфяне возглавляли объединение своих колоний, тем более что некоторые из них (амбракиоты, анакторийцы и левкадяне) были в союзе с лакедемонянами.

4. Сикион

Вступление Сикиона в союзные отношения со Спартой было обусловлено свержением с помощью лакедемонян тирании Эсхина в 50-е гг. VI в. до н. э. (FGH II A F 105, 1; Plut. Moral., p. 21 c—d)¹¹. После освобождения

Supplbd. IV. 1924. Sp. 1021; Will Ed. Korinthiaka. Paris, 1955. P. 632 ss.; Wickert K. Der peloponnesische Bund... S. 15 ff.; Salmon J. B. Wealthy Corinth. A History of the City to 338 B. C. Oxford, 1984. P. 229 ff.; Жестоков С. М. Политическое устройство коринфского полиса после свержения Кипселидов // Проблемы античной истории. Сб. науч. статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2003. С. 66 слл.

¹¹ Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. München. 1968. Bd. I. S. 27 ff.; Bd. II. S. 531 ff.; Leahy D. M. The Dating of the Orthagorid Dynasty // Historia. 1968. Bd. 17. P. 8 ff.

Сикиона от тирании в городе постепенно (Hdt., V, 68) был восстановлен, по-видимому, не без давления Спарты, старый порядок (Pind. Istm., III, 44), и Сикион надолго стал «вассалом» лакедемонян¹².

5. Города Арголиды

На змеевидной колонне, установленной в Дельфах в честь победы над персами (Ditt. Syll³, № 31 = Tod², № 19 = StV, II, № 130 = ML, № 27), были перечислены следующие города Арголиды: Трезен, Тиринф, Эпидавр, Гермiona, Флиунт, Микены. Они были членами Эллинского союза против персов, возникшего в 481 г. до н. э., несмотря на то, что Аргос отказался принимать участие в войне против персов на стороне эллинов. Выступление этих городов под руководством Спарты в борьбе против персов могло быть обусловлено их членством в Пелопоннесском союзе. О том, что они были членами Пелопоннесской лиги, по крайней мере накануне Пелопоннесской войны, сообщает Фукидид, рассказывая о подготовке коринфянами экспедиции против Коркиры (Thuc., I, 27, 2). О времени вступления этих городов в Пелопоннесскую лигу можно только предполагать. Наиболее подходящим моментом для этого был период ослабления Аргоса вскоре после разгрома его в 520 г. до н. э. спартанским царем Клеоменом¹³. Возможно, только Фирейя и Флиунт установили контакты со Спартой в более ранний период. Война между Спартой и Аргосом из-за Фирейи имела место во второй половине VI в. до н. э. (Hdt., I, 82 sq.). В результате этой войны Фирейя оказалась под контролем Спарты. Во Флиунте, как в Коринфе и Сикионе, существовала тирания Ибда.

¹² Wickert K. *Der peloponnesische Bund...* S. 18.

¹³ Meyer E. Pellene // RE. Bd. XIX. 1938. Sp. 36; Wickert K. *Der peloponnesische Bund...* S. 22.

6. Города Ахайи

Из 12 городов Ахайи наиболее крупным была Пеллена, являвшаяся сильной крепостью. Членом Пелопоннесского союза Пеллена стала вскоре после заключения Тридцатилетнего мира между Спартой и Афинами (Thuc., I, 115, 1) в 446/5 г. до н. э.¹⁴

7. Мегары

Немного известно о взаимоотношениях Мегар с лакедемонянами до Греко-персидских войн. Во время войны между мегарянами и афинянами из-за Саламина Спарта выступала в качестве третейского судьи (Plut. Sol., 10). Это имело место перед 510 г. до н. э. По-видимому, с этого времени можно говорить о существовании союза между Спартой и Мегарами. Во всяком случае, когда спартанский царь Клеомен между 510 и 505 г. до н. э. дважды вторгался в Аттику через Истм, мегаряне не оказывали ему никакого сопротивления¹⁵.

В 462 г. до н. э. из-за ссоры с Коринфом Мегары вышли из состава Пелопоннесского союза (Thuc., I, 103, 4; ср.: Diod., XI, 79, 2)¹⁶. С 448/7 г. до н. э. город вновь вошел в союз. Помощь мегарянам при отпадении от Афин была оказана Коринфом, Эпидавром и Сикионом (Thuc., I, 114, 1; Diod., XII, 5, 2; Plut., Sol., 10).

Итак, Пелопоннесский союз, вероятно, сложился в основном к середине VI в. до н. э. Он состоял из государств, расположенных на территории Пелопоннеса, признавших господство Спарты и заключивших с ней соглашения; далее, членами Пелопоннесского союза были также некоторые колонии Коринфа; наконец, из государств,

XXIV.

1931. Sp. 186; Wickert K. *Der peloponnesische Bund...* S. 19; Bengtson H. *Griechische Geschichte. München, 1969. S. 132.*

¹⁴ Wickert K. *Der peloponnesische Bund...* S. 59 ff.

¹⁵ Glotz G., Cohen R. *Histoire grecque. T. II. Paris, 1931. P. 163; Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 340; Kagan D. The Outbreak... P. 224; Sealey R. A. A History of the Greek City-States ca 700-338 B. C. Berkeley, 1976. P. 291.*

¹⁶ Об этом более подробно см.: Строгоцкий В. М. О датировке битвы у Сепеи // ВДИ. 1979. № 4. С. 108 слл.

расположенных за пределами Пелопоннеса, в состав Пелопоннесского союза входили Мегары. Что касается других городов, то одни из них помогали пелопоннесцам, будучи колониями Коринфа (Сиракузы), другие хотя и не являлись членами Пелопоннесского союза, тем не менее имели союзные отношения с лакедемонянами (беотийцы, локры опунтские и фокидяне).

Как видно, первоначальную основу Пелопоннесской лиги составляли договоры, которые Спарта заключала с соседними государствами. В одних случаях лакедемоняне силой навязывали союзные соглашения (Тегея, Сикион). В других — они использовали сложившиеся для некоторых государств неблагоприятные условия (Коринф, Элида). К сожалению, сохранился лишь краткий текст договора между Спартой и Тегеей (Arist., fr. 592 = Plut. Aet. Graec., 5; Aet. Rom., 52). Его содержание заключается в следующем: «Лакедемоняне, примирившись с тегеатами, заключили союз и установили общую стелу на берегу Алфея, на которой среди прочего было записано: Μεσσηνίους ἐκβαλλεῖν ἐκ τῆς χώρας καὶ μὴ ἐξεῖναι χρηστοῦς ποιεῖν («Мессенцев изгонять из страны и не предоставлять гражданские права»).

Большинство исследователей датирует этот договор серединой VI в. до н. э. Правильность даты подтверждается как сообщением Геродота (Hdt., I, 67), так и употреблением в тексте соглашения архаического выражения «χρηστοῦς ποιεῖν». В данном контексте это выражение употребляется в политическом смысле (делать кого-либо добрым, хорошим, т. е. предоставлять гражданские права)¹⁸. Таким образом, текст договора предписывал тегеатам изгонять мессенцев из страны и не предоставлять им права граждан. Это условие лакедемоняне, по-видимому, специально оговаривали со своими пелопоннесскими союзниками (Thuc., V, 23). Вероятно, в подобного рода соглашениях оговаривались также условия «иметь одних и тех же друзей и врагов» (Thuc., I, 44). Преданность союзников Спарте скреплялась и древними клятвами.

¹⁸ К этому см.: Jacoby F. «Χρηστοῦς ποιεῖν» (Ag i st. Fr. 592 R) // CQ. 1944. Vol. 38. S. 15; StV, II, № 112. S. 11. Ср.: Печатнова Л. Г. История Спарты... С. 124 сл.

Союзники, каждый в отдельности, клялись спартанцам, что будут следовать за ними, куда бы они их ни повели, и оказывать им помощь в случае необходимости. Спарта, в свою очередь, давала клятву защищать союзников и не нарушать их суверенитет¹⁹.

Лакедемоняне, боясь потерять гегемонию, были настроены против прочного единства среди союзников и стремились заручиться поддержкой каждого из них в отдельности. В этой связи особый интерес вызывает рассказ Геродота о попытке Клеомена с помощью аркадского восстания вернуть себе власть в Спарте (Hdt., VI, 74). Отношения Клеомена с аркадскими городами отчасти напоминают в миниатюре взаимоотношения Спарты со своими союзниками. Спартанский царь заставил каждый город в отдельности поклясться ему в своей верности и следовать за ним, куда бы он их ни повел. Однако в действиях Клеомена прослеживалось и нечто новое, противоречащее структуре Пелопоннесского союза. Спартанский царь потребовал, чтобы не только каждый город в отдельности дал ему клятву верности, но также скрепил клятвой всех начальников аркадян. Эти действия Клеомена особенно напугали лакедемонян (Hdt., V, 75). На то, что спартанские союзники не были связаны между собой ни единым договором, ни клятвами, указывает и замечание Фукидида: при заключении Никиева мира афиняне должны были принести клятвы лакедемонянам и их союзникам в каждом городе отдельно (Thuc., V, 18, 9).

Другим важнейшим элементом устройства Пелопоннесского союза были, несомненно, собрания союзников²⁰. До начала Пелопоннесской войны зафиксировано три союзных собрания (I — Hdt., V, 74 sqq.; 90 sqq.; II — Thuc., I, 115, 4 sq, ср.: Thuc., I, 40, 5 sq.; 41, 1—3; III — Thuc., I, 67; 119). Анализ этих сообщений позволяет прийти к следующим выводам. Собрания

¹⁹ К дискуссии о системе двусторонних договоров в Пелопоннесском союзе см.: Печатнова Л. Г. История Спарты... С. 141 сл.

²⁰ К дискуссии о собраниях пелопоннесских союзников: Baltrusch E. Sparta. Geschichte, Gesellschaft, Kultur. München, 1998. S. 98 f.; Печатнова Л. Г. История Спарты... С. 146 сл.

пелопоннесцев созывались нерегулярно, по усмотрению лакедемонян и только в тех случаях, когда этого требовали обстоятельства (Thuc., I, 141, 6 sq.), например, когда (как в первом случае) внешнеполитические цели Спарты не совпадали с интересами союзников или даже противоречили им, либо когда для осуществления внешнеполитических мероприятий Спарте необходим был флот (второй случай), либо, наконец, когда сами союзники настаивали на созыве Пелопоннесского конгресса (третий случай). Чаще всего спартанцы решали все вопросы, касавшиеся союза в целом, на своем ординарном Народном собрании. Войска союзников обычно собирали спартанские цари или командующие, как правило, не прибегая к созыву конгресса Пелопоннесской лиги и не объявляя цели сборов (Hdt., V, 75; Thuc., III, 16, 3; IV, 70; V, 54, 1; V, 64; VIII, 6—10). Это объяснялось, во-первых, тем, что спартанские цари были наделены правом объявлять войну и созывать войска (Hdt., VI, 56; Xen. Lac. Pol., 13, 11), и, во-вторых, тем, что, согласно действовавшему в Пелопоннесском союзе закону (Thuc., V, 60, 2) и клятвам, союзники должны были следовать за спартанским царем или начальником, куда бы он их ни повел (ср.: Thuc., V, 66, 3).

Наиболее ценным источником информации о процедуре проведения собраний союзников до Пелопоннесской войны и о роли Спарты в деле их организации и руководства ими дает сообщение Фукидида о Пелопоннесском конгрессе 432 г. до н. э. Главный вывод, вытекающий из анализа этого сообщения, заключается в том, что организацией и проведением собраний пелопоннесских союзников руководили спартанцы. Они официально приглашали членов Пелопоннесского союза на конгресс и осуществляли голосование с целью принятия решений, причем сами в голосовании не участвовали, но свято соблюдали принцип, чтобы каждый союзник обладал правом одного голоса. Нередко, прежде чем созывать конгресс Пелопоннесской лиги, лакедемоняне решали важные вопросы на своем собрании, приглашая на него представителей союзных полисов (Thuc., I, 67, 1; 3; Diod., XII, 41, 1, ср.: Thuc., I, 87, 4; 119).

Характеризуя процесс голосования в Пелопоннесском конгрессе, Фукидид подчеркивает, что он проходил под контролем лакедемонян, которые не делали различия между большими и меньшими государствами. Иными словами, каждый член союза имел один голос (ср.: Thuc., I, 141, 6). Это было выгодно с каждым союзником в отдельности. Решение большинства союзников имело силу для всех членов союза (Hdt., V, 91-93; Thuc., I, 40, 5; 125; VI, 7, 2; 20, 1; 30, 1). При этом выражение: Κοινὸν τε λόγῳ καὶ κοινὸν σφόλο (Hdt., V, 91), вероятно, представляло собой формулу постановления союзного собрания.

Теперь обратимся к проблеме соотношения спартанской гегемонии и автономии союзников²¹. Тема эта выходит далеко за пределы только внутрисоюзного значения, она является крайне важной при рассмотрении межполисных отношений в целом. Наибольшую актуальность вопрос о соотношении гегемонии и автономии приобрел в V в. до н. э., во время особенно обострившихся противоречий между Спартой и Афинами в борьбе за гегемонию в Греции. Поэтому тем более важно исследовать значение этих понятий и то конкретное содержание, которое они имели в Пелопоннесском и Афинском морском союзах.

Некоторые современные исследователи рассматривают спартанскую гегемонию как военную исполнительную власть. Однако поскольку в Пелопоннесском союзе отсутствовал официально учрежденный законодательный орган, то едва ли правильно гегемонию Спарты считать исполнительной властью, тем более что понятие *ἡγεμονία* обозначает не только военное, но и политическое господство. Имеющиеся источники вполне определенно указывают на то, что спартанская гегемония предусматривала не только военное, но и политическое руководство союзом. Данные источников свидетельствуют о том, что военное руководство лакедемонян в союзе было

²¹ По поводу дискуссии об автономии союзных полисов см.: Печатнова Л. Г. История Спарты... С. 152 сл.; Hansen M. H. 95 Theses about the Greek Polis in the Archaic and Classical Periods // *Historia*. 2003. Bd. 52. P. 269 ff. (thes. 45-47).

неограниченным. Спартиаты осуществляли командование войсками союзников, а со второй половины V в. до н. э. они стали посылать в союзные города должностных лиц *ξενικοί* для осуществления контроля за военной подготовкой и использовали их в качестве начальников союзных отрядов от каждого города (Thuc., II, 75, 3; Xen. Hell., III, 5, 7; V, 1, 33; 2, 7; VII, 2, 3). При разборе тяжб между союзниками верховное право суда принадлежало Спарте (Thuc., V, 2 sq.). За лакедемонянами оставалось решающее право объявления войны и заключения мира (наиболее ярко это обнаруживается в событиях 432 г. до н. э.; см. также: Thuc., IV, 117 sqq.; V, 17, 2; 19, 2; 22 sq.; 24, 1; 29, 2; 77 sqq.).

Вместе с тем далеко не все вопросы, касающиеся политического характера спартанской гегемонии, можно разрешить. В частности, не совсем понятна связь между спартанским Народным собранием, на котором лакедемоняне самостоятельно принимали решения по всем проблемам, имеющим отношение к Пелопоннесскому союзу в целом, и совещанием союзников. Точно так же нет полной ясности и в вопросе об отношении Спарты к восставшим союзникам. Нельзя сказать ничего определенного о том, какие были общие правила, регулирующие принятие новых членов в Пелопоннесскую лигу. Фактически нам ничего не известно ни о правовом статусе Спарты как гегемона, ни о юридических градациях входивших в Пелопоннесскую лигу полисов.

Причина такого положения заключается не только в нашей плохой осведомленности о внутреннем устройстве Пелопоннесского союза. Скорее всего это объясняется тем, что в Пелопоннесском союзе, по крайней мере в рассматриваемое время, не сложилась стройная политическая организация и система правовых норм. Этим, возможно, отчасти и было обусловлено то, что Спарте на протяжении длительного периода удавалось сохранять достаточно внушительное господство над союзниками. Не случайно Геродот, создавая свой труд в середине V в. до н. э., подчеркивает, что Спарта установила гегемонию в большей части Пелопоннеса, и употребляет для этого глагол *καταστρέφω* («покорять», «подчинять»).

Между тем спартанская гегемония не была безграничной, потому что ей противостояла автономия союзников. В литературе V в. до н. э., в частности у Фукидида, термин *αυτονομία* широко употребляется вместе с понятием *ελευθερία*. Исследователи на основе изучения данных Фукидида устанавливают, что *ελευθερία* можно определить как «суверенность государства, соответствующую природе»; *αυτονομία* же определяют как «суверенность государства, гарантированную другими полисами»²². Автономия означает свободу государства вести свои собственные внутренние дела, т. е. избирать и контролировать своих собственных магистратов, изменять и вводить свои собственные законы, а также устанавливать государственный строй, который не навязан извне.

Не отрицая того, что лозунг автономии союзников нередко использовался Спартой для пропагандистских целей в борьбе с Афинами, следует признать, что в Пелопоннесском союзе понятие автономии отчасти имело и реальный смысл. Принцип автономии был необходим Спарте для поддержания своего влияния и господства в Пелопоннесской лиге. Некоторые члены Пелопоннесского союза (Элида, Мантиния и др.), подчиняя соседние города, усиливались настолько, что становились опасными для лакедемонян. Поэтому последние предпочитали чаще всего иметь дело с разобщенными автономными государствами, ибо таким образом спартанцам гораздо легче было влиять на маленькие разобщенные города, которые в решающие моменты могли поддержать Спарту и обеспечить ей желаемое большинство при голосовании (Thuc., V, 24, 1; 32, 2-4).

По Фукидиду, в Афинском морском союзе те государства, которые не платили форос, но поставляли корабли, считались автономными (VI, 85, 2; VII, 57, 4). Главным принципом автономии Фукидид считал внутреннее самоуправление союзного полиса (Thuc., I, 97, 1; ср.: Thuc., 99, 1-3; III, 10, 4; VIII, 21, 1). Употребляемое в этом смысле Фукидидом понятие автономии вполне

²² *Bikerman E. Autonomia. Sur un passage de Thucydide (I, 144, 2) // RIDA. 1958. T. 5. P. 332 ss.; Ste Croix G. E. M. de. The Origins... P. 99 ff.*

применимо и к пелопоннесцам. Важнейшей особенностью Пелопоннесского союза, как отмечают исследователи, было то, что спартанцы не взымали дани с союзников, а заботились только о том, чтобы в союзных городах, подобно Спарте, была олигархическая форма правления (Thuc., I, 19, 1). Однако этот принцип не всегда последовательно выдерживался Лакедемоном. Так, после того как в Элиде, вероятно, около 70-х гг. V в. до н. э. установилось демократическое правительство, она еще в течение 50 лет продолжала быть активным членом Пелопоннесского союза, причем Спарта не вмешивалась в ее внутренние дела. Только в конце Архидамовой войны наступили события, приведшие к отчуждению между Элидой и Спартой. Точно так же и Мантинейя, несмотря на победу здесь демократического режима в начале V в. до н. э., оставалась членом Пелопоннесского союза, а Спарта не пыталась применить в отношении ее силу для восстановления олигархического порядка. Члены Пелопоннесского союза, как показывают факты (Hdt., V, 75; VI, 89; Thuc., I, 31, 1 sq.; 40, 5; 46 sq.; 59, 2; 105, 1; 103, 4; 141, 6; III, 15, 2; 16, 2; IV, 134, 1; V, 17, 2; 29, 1, 4; 31, 1, 2-6; 33; 36, 1-3, 6; 32, 2; Xen. Hell., V, 4, 36), могли нередко осуществлять и внешнеполитические мероприятия независимо от Спарты, причем это подкреплялось специальным постановлением Пелопоннесского союза о том, что «решения большинства союзников имеют обязательную силу для всех, если нет какого-либо препятствия к тому со стороны богов и героев» (Thuc., V, 30, 1).

Признавая, что понятие *αὐτονομία* в Пелопоннесском союзе имело отчасти реальный смысл, мы ни в коей мере не отрицаем того, что Спарта нарушала автономию своих союзников: по крайней мере, она, как и афинское государство, жестоким образом подавляла их восстания (например, тегеатов). И вместе с тем следует отметить, что в сравнении с Афинами Спарта вплоть до конца V в. до н. э. не покушалась на свободу (*ἐλευθερία*) своих союзников. Во всяком случае, в рассматриваемое время не известны факты установления Спартой в союзных городах военных гарнизонов, отправления специальных должностных лиц — гармостов, которые должны

были следить за сохранением в городах внутренних порядков, угодных лакедемонянам; не известны и факты передачи части земли союзников спартанским гражданам. Причину этого нужно видеть в недостаточном развитии товарно-денежных отношений в Спарте, что в рассматриваемый период, бесспорно, замедляло расслоение спартанской «общины равных». Консерватизм и традиционализм в социально-экономических отношениях не способствовали развитию в Пелопоннесском союзе стройной политической структуры с достаточно разработанной системой правовых норм.

Исследуя взаимоотношения между Спартой и ее союзниками, ученые обычно рассматривают членов Пелопоннесской лиги как однородную массу, выделяя из нее лишь Коринф²³. Тем не менее свидетельства источников дают основание считать, что союзники Спарты не были однородны по своему составу (Hdt., V, 75 sq.; 92 sq.; Thuc., I, 27; 28, 1; V, 22; 25; 31, 6; 34). Среди них были маленькие и большие государства, подчинившие своему господству некоторые соседние общины. Поэтому во взаимоотношениях со Спартой города, входившие в Пелопоннесский союз, не были в равном положении. По-видимому, Коринф, Элида и, вероятно, Мегары и Мантинейя находились в меньшей зависимости от Спарты по сравнению с Сикионом, Тегеей и остальными членами лиги. Подтверждением этому может служить сообщение Фукиды (Thuc., II, 9, 3) о том, что в Пелопоннесском союзе было четкое разграничение между теми союзниками, которые поставляли флот, конницу и пехоту. Несомненно, союзники, доставлявшие флот (Коринф, Мегары, Элида), находились в более привилегированном положении, чем остальные.

Обладая относительной самостоятельностью, Коринф, Мегары и Элида нередко оказывали давление на Спарту, побуждая ее принимать решения, удовлетворяющие их внешнеполитические цели. Наиболее могущественным среди пелопоннесских союзников был,

²³ Де Сент-Круа проводит различие между пелопоннесскими союзниками Спарты и теми союзниками, которые были за пределами Пелопоннеса (Ste Croix G. E. M. de. *The Origins...* P. 104).

несомненно, Коринф. Обладая большим флотом, будучи крупным торгово-ремесленным центром материковой Греции и сохраняя контроль над большей частью своих колоний, коринфяне удерживали господство на морских торговых путях, ведущих через Коринфский залив в западное Средиземноморье. Кроме того, они имели интересы и в Эгеиде, владея колонией Потидеей на полуострове Халкидика и поддерживая с ней тесный контакт (Thuc., I, 56-59).

Так что в условиях растущего морского могущества Афин внешняя политика Коринфа и его отношения с соседями всегда имели широкий резонанс и касались общеэллинских интересов. В этой ситуации, естественно, коринфяне были не в состоянии решать многие возникшие перед ними проблемы собственными силами. Поэтому Коринф был заинтересован в существовании достаточно сильного Пелопоннесского союза под главенством Спарты: во-первых, это всегда обеспечивало ему защиту от посягательств аргивян, а во-вторых, нуждаясь в помощи союзников, коринфяне, занимавшие относительно самостоятельное положение в Пелопоннесской лиге, могли оказывать давление на Спарту, требуя от нее и членов Пелопоннесского союза более энергичных действий (Thuc., I, 69—72). Вместе с тем Коринф был заинтересован в том, чтобы эллины не позволили спартанской внешней политике, боясь потерять свою самостоятельность и привилегированное положение в союзе в случае чрезмерно сильного укрепления Спартой своего господства к северу от Истма, в средней и центральной Греции.

Таким образом, бесспорно, Пелопоннесский союз являлся инструментом спартанской внешней политики, взаимоотношение же лакедемонян с союзниками было важным фактором, оказывавшим существенное влияние на ее характер.

2. Обострение афинско-спартанских противоречий и образование Делосской симмахии

Образование Делосской симмахии тесно связано с Эллинским союзом против персов²⁴. Возникшая в 481 г. до н. э. Эллинская лига к концу 479 г. до н. э. превратилась в представительную организацию, объединявшую в себе большое число греческих государств. Значительно усилился авторитет Афин, которые имели надежную опору в лице ионийских и эолийских полисов, ставших членами Эллинского союза в течение 481—479 гг. до н. э. (Hdt., VIII, 46; 48; 132; IX, 90-92; 103 sq.; 106; Diod., XI, 37). Это создавало предпосылки для изменения соотношения политических сил в союзе не в пользу лакедемонян, что особенно обнаружилось во время совещания союзников на Самосе в 479 г. до н. э. (Hdt., IX, 106; Diod., XI, 37)²⁵.

Данное совещание явилось важной вехой в истории Эллинского союза и афинско-спартанских отношений. Оно показало, что Спарта более не имела абсолютного большинства в союзе и не могла проводить нужные для себя решения без какого-либо противодействия. Попытка Пелопоннесского союза и лакедемонянами решить проблему защиты ионийских полисов путем переселения их граждан на земли тех эллинов, которые выступали на стороне персов, не достигла успеха. Что касается Афин, то они, опираясь на свое морское могущество, впервые со времени образования Эллинского союза выразили категорическое несогласие со Спартой и пелопоннессцами и, подстрекая против них ионийцев, положили начало расколу в антиперсидской коалиции.

В соответствии с решением совещания эллинов на Самосе союзный флот во главе со спартанцем Леотихидом (афинский отряд кораблей возглавлял Ксантипп) в 479 г.

²⁴ Об этом союзе см.: Строгоцкий В. М. Панэллинская лига 481 г. до н. э. (возникновение и структура) // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 45 сл.

²⁵ К этому см.: Строгоцкий В. М. Истоки афино-спартанского соперничества в V в. до н. э.: совещание Эллинского союза против персов на Самосе в 479/8 г. // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985. С. 28 сл.

до н. э. отправился к Геллеспонту (Hdt., IX, 106; 114, ср.: Diod., XI, 37, 4). Целью этой экспедиции было освобождение эллинских городов Геллеспонта от персидского господства и разрушение мостов. Когда же стало известно, что мосты уже разрушены, Леотихид и пелопоннесцы решили возвратиться в Элладу (Hdt., IX, 114), считая своей главной задачей укрепление гегемонии в материковой Греции и наказание тех эллинских государств, которые выступали на стороне персов.

Что же касается афинян, то, поскольку контроль над Геллеспонтом был для них жизненно необходим, они решили остаться и начали осаду Сеста в Херсонесе (Hdt., IX, 114-121; Thuc., I, 89, 2; Diod., XI, 36, 4 sq.). Согласно Фукидиду, успешная осада Сеста была осуществлена афинянами и союзниками из Ионии и Геллеспонта. Внимательно вчитываясь в текст Фукидида и сравнивая его с соответствующими данными Геродота и Диодора, можно увидеть, что употребляемое Фукидидом слово *ὄψιμαχοι* указывает на членов Эллинской лиги, среди которых он выделял пелопоннесских союзников и союзников из Ионии и Геллеспонта.

Главное значение экспедиции в Геллеспонт и взятия Сеста заключается в том, что эти события, по выражению Фукидида (Thuc., I, 18, 2; ср.: Thuc., I, 89, 2), положили начало распределению между афинянами и лакедемонянами как тех эллинов, которые недавно восстали против царя, так и тех, которые воевали вместе с ними. И хотя те и другие все еще оставались членами общегреческого союза, почва для образования новой симмахии была подготовлена, нужен был лишь повод. Он был найден во время событий следующего 478/7 г. до н. э. В этом году спартанский регент Павсаний в звании стратега эллинов был послан из Лакедемона с 20 пелопоннесскими кораблями. Вместе с ними отплыли на 30 кораблях и афиняне, которыми командовали Аристид и, возможно, Кимон, а также другие союзники (Thuc., I, 94, 1; Diod., XI, 44, 1-3; Plut. Arist., 23, 1; Cim., 6; Just., II, 15, 13 sq.; Nep. Paus., 2; Paus., III, 4).

Прежде всего возникает необходимость объяснить резкий поворот в спартанской внешней политике

по сравнению с предшествующим 479 г. до н. э. В рассматриваемое время внешняя политика Спарты была подчинена решению трех основных задач. Все они вытекали из договора, утвердившего в 481 г. до н. э. существование Эллинской лиги против персов. Во-первых, оставалась в силе необходимость продолжения войны с персами за свободу эллинских городов. Во-вторых, спартанцы стремились в соответствии с условием договора наказать эллинов, добровольно выступивших на стороне персов. (Среди них были такие сильные государства, как Аргос, Фивы, Фессалия, которые представляли угрозу для спартанского господства.) В зависимости от конкретных условий спартанцы выдвигали на первое место то одну, то другую из этих задач. Наконец, третья внешнеполитическая цель, которую лакедемоняне считали важнейшей, — сохранение единства в общегреческом союзе, поскольку это обеспечивало стабильность спартанской гегемонии в Элладе. Вместе с тем необходимо также отметить, что действия Леотихида и Павсания, спартанских военачальников, не были результатом ни узкопартийной политики, ни сугубо личных устремлений и целей. Тот и другой были прежде всего исполнителями воли спартанского государства, хотя, несомненно, и Леотихид, и Павсаний при осуществлении утвержденной спартанскими властями внешнеполитической линии руководствовались также своими собственными интересами, которые в конечном итоге привели их к конфликту с консервативно-олигархической правящей политической группой эфоров и геронтов.

Не учитывая всего этого, трудно понять некоторые резкие перемены во внешнеполитическом курсе Спарты. Отказ Леотихида и пелопоннесцев в 479 г. до н. э. продолжать военные действия против персов в районе Геллеспонта объяснялся тем, что Спарта в данное время считала главной задачей наказание эллинских государств, выступавших на стороне царя Персии. Не добившись осуществления этой задачи совместными усилиями всех союзников, они обратились в Совет Дельфийской амфикионии и потребовали исключения из нее государств, не

принимавших участия в войне с персами (Plut. Them., 20)²⁶. Решительное сопротивление лакедемонянам оказали опять афиняне. Фемистокл, опасаясь, что спартанцы добьются господствующего положения в амфикионии, убедил пилаторов проголосовать против предложения Спарты.

После того как потерпело неудачу и это мероприятие лакедемонян, они организовали военную экспедицию в Фессалию во главе с Леотихидом (Hdt., VI, 72; Plut. Moral, p. 859 d; Paus., III, 7, 9). Спартанцы добились успеха и свергли фессалийских правителей Аристомеда и Ангела. Однако полной победы они не достигли, потому что Леотихид (по сообщению Геродота) был подкуплен правящим фессалийским кланом Алевадов. Будучи привлеченным к суду, он бежал в Тегею и там умер. Также не удалось лакедемонянам и их союзникам (особенно Мегарам, Коринфу и Эгине) помешать афинянам в строительстве стен (Thuc., I, 89, 3—93; Diod., XI, 39 sq.; Nep. Them., 6 sq.; Plut. Them., 19). В это время стены как бы символизировали независимость полиса. Поэтому не случайно то, что требование срыть оборонительные сооружения включалось в качестве условия во многие дипломатические договоры V в. до н. э. Спарта предпочитала, чтобы города материковой Греции оставались неукрепленными, так как это обеспечивало ей беспрепятственное сохранение гегемонии.

Но система коллективной безопасности, которую проповедовали спартанцы, себя не оправдала. Союзники во главе с лакедемонянами не смогли обеспечить защиту Афин и других городов центральной Греции от разорения и опустошения персидскими войсками. Афиняне благодаря деятельности Фемистокла игнорировали требование лакедемонян, и только когда стены были уже

²⁶ В этой связи см.: Bengtson H. Themistokles und die delphische Amphiktyonie // Eranos. 1951. Bd. 49. S. 85 ff.; Lotze D. Selbstbewußtsein und Macht Politik. Bemerkungen zur machtpolitischen Interpretation spartanischen Vorhaltens in den Jahr. 479 - 477 v. Chr. // Klio. 1970. Bd. 52. S. 265 f. Об особенностях спартанской и афинской политики в отношении Дельф см.: Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII — V вв. до н. э.). СПб, 2001. С. 291 сл.

возведены, Фемистокл открыто заявил об этом спартанцам. Краткое изложение речи Фемистокла, приведенное Фукидидом, заслуживает внимания. Две мысли, подчеркнутые здесь автором, особенно важны. Фемистокл заявляет, что с помощью сооруженных стен афиняне в состоянии сами защищать своих обитателей, и на будущее время они сумеют различать свои собственные и общеэллинские интересы (Thuc., I, 91, 4). В заключительной части речи Фемистокл говорит, что «тот, кто не имеет равносильных приспособлений для обороны, не может участвовать в общих решениях с мало-мальски одинаковым и равным правом голоса» (Thuc., I, 91, 7). Оба эти замечания, несомненно, указывают на желание афинян осуществлять независимую от Спарты политику и на их гегемонистские устремления.

Таким образом, Спарта не сумела в это время добиться для себя каких-либо важных результатов и укрепить свое господство в Балканской Греции. Инициатором афинского сопротивления лакедемонянам во всех их начинаниях выступал Фемистокл. Правда, к 478 г. до н. э. усилиями Спарты и консервативных афинских кругов он был лишен власти и политического влияния. Это, конечно, вселяло надежду в лакедемонян на сохранение единства в Эллинской лиге.

Вместе с тем Спарта стремилась укрепить в общеэллинском союзе авторитет и гегемонию. Поэтому она вновь обратилась к политике продолжения войны с персами за освобождение эллинских городов. Целью экспедиции, отправленной во главе с Павсанием, было изгнание персов с Кипра и из Византия. Контроль над Кипром закрывал путь в Эгеиду финикийскому флоту, на который главным образом и опирались персы. Предпринятое затем завоевание Византия можно рассматривать как развитие успеха, достигнутого афинянами и другими союзниками в 479/8 г. до н. э. Взятие Сеста обеспечивало афинянам возможность добиваться контроля над Геллеспонтом, Византий же был ключевым центром в Боспорском проливе. Объясняя тиранические действия Павсания по отношению к членам Эллинской лиги, необходимо иметь в виду как личные качества и политические цели самого

Павсания, так и задачи, возложенные на него спартанскими властями. События 479/8 г. до н. э. показали, что авторитет Спарты и ее господство в Эллинской лиге были поколеблены. Как свидетельствует весь ход исторических событий, в гегемониальных симмахиях (Эллинская лига также относилась к этому типу союзных объединений) по мере того как союзники все менее считались с лидером, он ужесточал свое руководство, используя насильственные меры. Именно таковыми и были действия Спарты, надеявшейся с помощью Павсания усилить свое господство над союзниками (ср.: *Plut. Arist.*, 23). Другая причина жестокого обращения Павсания с представителями союзных полисов заключалась в его личных качествах, а также в стремлении установить свое господство в Элладе, опираясь на персидскую помощь. Большинство союзников, среди которых особенно выделялись те, кто со времени самосского совещания установили тесные контакты с Афинами, заставили лакедемонян отозвать Павсания.

Немалая заслуга в деле консолидации вокруг Афин недовольных Павсанием членов Эллинской лиги принадлежала Аристиду. Источники сообщают о его обходительности и мягкости, а также о том, что он обладал качествами организатора и талантливого политического деятеля. Согласно Диодору (*Diod.*, XI, 44, 6), Аристид, умело используя возникшие в Эллинском союзе противоречия, устраивал в городах совещания и благодаря личным связям склонял союзников на сторону афинян (ср.: *Plut. Arist.*, 23, 3). Плутарх утверждает, что Аристид во время бесед с навархами и стратегами греков, недовольных Павсанием, убеждал их организовать против него заговор. После этого самосец Улиад и хиосец Антагор совершили нападение на Павсания, когда он на своем корабле вышел в открытое море²⁷.

²⁷ Несмотря на то что это сообщение Плутарха не встречается в других источниках, оно, несомненно, заслуживает доверия (к этому см.: *Лурье С. Я.* Плутарх. Избранные биографии. М.; Л., 1941. С. 381; *Hammond N. G. L.* *Origins and Nature of the Athenian Alliance of 478/7 B. C.* // *JHS.* 1967. Vol. 87. P. 48). Плутарх нередко дает ценные сведения благодаря использованию материалов местных хроник.

По-видимому, сказанное Плутархом относится к тому времени, когда Павсаний должен был быть отозван в Спарту. По крайней мере, Фукидид замечает (*Thuc.*, I, 95, 4), что «предъявленное к Павсанию требование явиться на суд состоялось в то же время, когда союзники, за исключением воинов из Пелопоннеса, перешли на сторону афинян». Попытки Спарты восстановить единство в Эллинском союзе, послав на место Павсания Доркиса вместе с другими спартиатами и небольшим войском, не достигли успеха. Они столкнулись с единодушным отказом эллинов, вступивших в соглашение с Афинами, признать спартанскую гегемонию. Спартяне приняли это как *fait accompli*. Интересным в этой связи является замечание Фукидида (*Thuc.*, I, 95, 7), что «они возвратили военачальников на родину и уже больше не посылали других командующих из опасения, как бы они не возвратились за пределами Спарты и поэтому приняли решение уступить гегемонию на море афинянам, так как желали избавиться от тягот войны с персами и считали афинян, с которыми находились в то время в дружественных отношениях, способными к главнокомандованию»²⁸. Это замечание свидетельствует об укреплении позиции

²⁸ К дискуссии об отношениях к этому сюжету Фукидида и в целом к его очерку о Пентеконтаэтии см.: *Wickert K.* *Der peloponnesische Bund...* S. 46 ff; *Hammond N. G. L.* *Origins...* P. 49; *Badian E.* *From Plataea to Potidaea. Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia.* Baltimore; London, 1993; *Pritchett W. K.* *Thucydides Pentecontaetia and Other Essays.* Amsterdam, 1995. Возражая против критического отношения к этому сообщению Фукидида, необходимо отметить, что не в его правилах было пользоваться единственной версией при изложении событий (ср.: *Thuc.*, I, 22, 2 sq.). При внимательном рассмотрении сведений Геродота (*Hdt.*, VIII, 3) и Аристотеля (*Arist. Ath. Pol.*, 23, 2 sq.), на которые обычно ссылаются исследователи, критикуя Фукидида, мы не обнаруживаем следов явного противоречия между сообщениями этих древних авторов. Фукидид не отрицает того, что господство на море перешло к афинянам в результате вынужденной уступки лакедемонян, хотя и без какого-либо сопротивления. Рассказ же Диодора (*Diod.*, XI, 50) о дебатах в Спарте в связи с переходом командования к Афинам, который используется исследователями в качестве аргумента против свидетельства Фукидида, является не более чем риторической обработкой сообщения последнего.

спартанских эфоров и геронтов, имевших тесные связи с набиравшей силу афинской аристократией во главе с Кимоном, а также показывает, что с этого времени можно говорить о возникновении идеи афинско-спартанского дуализма, которой стали руководствоваться во внешней политике консервативные круги Спарты и Афин.

3. Соотношение Эллинского союза и Делосской симмахии и особенности ее устройства

Итак, данные источников позволяют сделать вывод о том, что между отозванием Павсания и прибытием Доркиса афиняне во главе с Аристидом и Кимоном объединились с теми союзниками, с которыми они установили тесный контакт еще со времен совещания на Самосе, и образовали новую симмахию. В связи с этим наиболее важными, требующими специального рассмотрения, являются вопросы, касающиеся соотношения Эллинского союза и Делосской симмахии, а также особенностей устройства последней.

Достаточно распространенной в современной историографии является концепция Ларсена²⁹, по которой Эллинский союз продолжал функционировать вплоть до 462 г. до н. э., а Делосская симмахия являлась инструментом Эллинской лиги для ведения морской войны против персов под руководством Афин. Одним из главных аргументов автора является сообщение Фукидида о разрыве с афинянами в 462 г. до н. э. союза, заключенного с лакедемонянами (Thuc., I, 102, 4; ср.: Thuc., I, 102, 3). Однако в этом сообщении речь идет не о союзном соглашении, учредившем в 481 г. до н. э. антиперсидскую коалицию (ср.: Hdt., VII, 132; 145), а об афинско-спартанском договоре против персов, заключенном еще накануне

²⁹ Larsen J. A. O. *The Constitution and Original Purpose of the Delian League* // HSCPh. 1940. Vol. 50. P. 180 ff.; Gomme A. W. *A Historical Commentary*. .. Vol. I. P. 300. Также см.: Brant P. A. *The Hellenic League against Persia* // Historia. 1953. Bd. 11. P. 149 ff.; Kagan D. *The Outbreak*. .. P. 40 ff.; Шувалов В. В. *Проблемы организации I Афинского морского союза* // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 1. СПб, 2002. С. 61 слл, где дан анализ новейшей литературы.

Марафонской битвы, возможно, в 492 г. до н. э. (ср.: Hdt., VI, 49; 105 sq.).

В качестве аргумента в пользу существования Эллинского союза и в 60-е гг. V в. до н. э. используется сообщение Фукидида, в котором историк подчеркивает, что лакедемоняне во время восстания илотов призвали на помощь, кроме других союзников, и афинян (Thuc., I, 102, 1). Но если бы Фукидид имел в виду членов Эллинской лиги, то он не стал бы противопоставлять или, по крайней мере, отделять афинян от других союзников. Говоря о других союзниках, Фукидид имел в виду прежде всего пелопоннесских союзников Спарты. Из античной традиции известно также, что такие члены Пелопоннесского союза, как Мантинейя (Xen. Hell., V, 2, 3) и Эгина (Thuc., II, 26, 2; IV, 56, 2), действительно помогали Спарте во время восстания илотов. Помощь лакедемонянам оказали и платейцы (Thuc., III, 54, 5). Обращение к ним спартанцев было обусловлено скорее не членством их в Эллинской лиге, а договором, который был заключен с ними Павсанием (Thuc., II, 71; 72, 1; ср.: Thuc., III, 68, 1). По-видимому, лакедемоняне вплоть до 60-х гг. V в. до н. э. считали этот договор основанием для дружественных отношений с платейцами (Thuc., III, 68, 1) и потому обратились к ним за помощью. Сами же платейцы откликнулись на призыв спартанцев, ибо так же поступили и афиняне (ср.: Thuc., III, 62, 2).

Афинян Фукидид отделяет от прочих союзников прежде всего потому, что они давно уже стояли во главе Делосско-аттического морского союза, но вместе с тем оставались еще в союзных отношениях со Спартой, так как упомянутый выше договор, заключенный между афинянами и лакедемонянами накануне Греко-персидских войн, не был расторгнут. По мнению самого Фукидида (Thuc., I, 102, 2), лакедемоняне пригласили афинян главным образом ввиду того, что считали их искусными в осаде укреплений.

Обстоятельства, при которых в Афинах было принято решение оказать помощь Спарте (Plut. Cim., 16, 9), также не свидетельствуют в пользу того, что Эллинский союз продолжал существовать. На это указывают

и действия самой Спарты, которая накануне восстания илотов обещала оказать помощь отпавшим от афиняев фасосцам (Thuc., I, 101, 2), что, однако, было бы нарушением одного из важнейших, положений договора 481 г. до н. э., запрещавшего враждебные действия между членами лиги.

Другим доказательством в пользу существования Эллинской лиги после 487 г. до н. э., которое используют исследователи, является сообщение Диодора. Он говорит о том, что лакедемоняне обращались в Афины с требованием привлечь Фемистокла к суду по обвинению в предательстве, но не в Афинах, а на общем собрании эллинов (Diod., XI, 55, 4, ср.: Plut. Them., 23). Однако, как видно из слов Фукидида (Thuc., I, 135, 3), Фемистокла должны были доставить на суд в Афины. Вероятно, у Диодора и Плутарха произошло наложение данных традиции IV в. до н. э. на сведения Фукидида. Так что аргументы в пользу функционирования Эллинского союза после 478 г. до н. э. являются очень зыбкими.

Факт прекращения существования Эллинской лиги после 478/7 г. до н. э. можно установить на основе непосредственных указаний Фукидида³⁰. Два его свидетельства (Thuc., I, 95, 4; 95, 6) недвусмысленно говорят о заговоре внутри Эллинской лиги, подготовленном и осуществленном Афинами и союзниками из Эгеиды, Малой Азии и Геллеспонта, в результате которого командование флотом перешло к афинянам. Если бы дело ограничилось только этим, можно было бы согласиться с мнением, что Эллинская лига продолжала свое существование только под афинской гегемонией. Между тем в результате заговора союзников фактически была ликвидирована политическая основа общеэллинского союза. Ведь политическое руководство Эллинской лигой осуществлял союзный совет, состоявший из представителей всех союзников. Сначала это был совет пробулов, а впоследствии

³⁰ К этому см.: Sealey R. *The Origin of the Delian League // Ancient Society and Institutions. Studies Presented to V. Ehrenberg on his 75th Birthday.* Oxford, 1966. P. 233 ff.; Meyer H. D. *Vorgeschichte und Gründung des delisch-attischen Seebundes // Historia.* 1969. Bd. 13. S. 405 ff.

их заменили командующие союзными контингентами. Положение коренным образом изменилось после 478 г. до н. э. Был учрежден новый союзный совет, в который не вошли представители пелопоннесцев и лакедемонян, и союзные собрания решено было устраивать на острове Делос, в святилище Аполлона (Thuc., I, 96, 2; ср.: Diod., XI, 47). Другие источники (Plut. Arist., 25; Arist. Ath. Pol., 23, 5) сообщают, что Аристид привел союзников к присяге и сам поклялся от имени Афин «иметь одних и тех же друзей и врагов».

Несомненно, все эти факты могут говорить только о том, что на Делосе в 478/7 г. до н. э. конституционно оформилась новая симмахия во главе с Афинами. Отсюда ясно, что прежняя конституция Эллинского союза теряла свою силу, а сам он если формально и не был распущен, то фактически прекращал свое существование.

Признавая Делосскую лигу новым и отличным от Эллинского союза объединением, мы тем не менее должны помнить, что генетически она была тесно связана с последним. Это особенно ярко обнаруживается при рассмотрении целей и особенностей устройства Делосской лиги. Сравнительный анализ данных Геродота (Hdt., VIII, 121; IX, 86 sq.; VII, 106; 132, 1; IX, 90, 1 sq.) и Фукидида (Thuc., I, 96, 1; III, 10, 3; VI, 76, 3 sq.) показывает, что такая связь была самой непосредственной. По Геродоту и другим источникам (Diod., XI, 70), цели антиперсидской коалиции предусматривали отражение персидского нашествия; наказание эллинов, добровольно выступивших на стороне персидского царя; сохранение и поддержание мира между членами Эллинского союза³¹. Нельзя сказать, что все перечисленные цели Эллинская лига осуществляла. Ко времени образования Делосской симмахии война с персидским царем за его собственные территории только началась, и далеко не все греческие полисы были

³¹ Фукидид подчеркивает, что новая симмахия имела намерение подвергнуть опустошению владения персидского царя в отмщение за те бедствия, какие претерпели эллины (Thuc., I, 96, 1). Интерпретируя это сообщение, большинство исследователей рассматривают отмеченное намерение союзников как конечную цель Делосской лиги.

освобождены от персидских гарнизонов³². Таким образом, в деле продолжения осуществления этих задач Делосская лига выступала как непосредственная наследница Эллинского союза, причем ею были унаследованы не только некоторые цели, но и способы их осуществления.

В этом случае небезинтересно сопоставить данные литературной традиции. Фукидид, говоря, что у союзников было намерение опустошить землю царя, употребляет глагол $\delta\eta\omicron\upsilon\nu$ в значении «опустошать», «уничтожать», «разрушать». В качестве синонима Фукидид употребляет глагол $\tau\acute{\epsilon}\mu\nu\epsilon\iota\nu$ в том же значении. Очевидно, первоначально афиняне и их союзники таким образом и мыслили способ осуществления целей войны с персидским царем за его собственные владения. Ведение этой войны предусматривалось и Эллинской лигой, причем данные Геродота показывают, что и способ воплощения данного намерения не отличался от описанного Фукидидом. Геродот употребляет для этого те же глаголы $\delta\eta\omicron\upsilon\nu$ (ср.: Hdt., VIII, 121) и $\tau\acute{\epsilon}\mu\nu\epsilon\iota\nu$ (ср.: Hdt., IX, 86 sq.).

Естественно, такой способ не обеспечивал постоянного контроля эллинов на землях, ранее принадлежавших персам. Наиболее ярким доказательством может

³² Оценка свидетельств Фукидида вызвала в науке острую дискуссию, не закончившуюся и в настоящее время; начало ее было положено статьей Сили. См.: *Jackson H. The Original Purpose of the Delian League // Historia. 1969. Bd. 18. P. 12 ff; Balcer J. M. Separatism and Antiseparatism in the Athenian Empire 478 — 433. В. С. // Historia. 1974. Bd. 23. P. 21 ff; Rowlings H. R. Thucydides on the Purpose of the Delian League // Phoenix. 1977. Vol. 31. P. 1 ff; French A. Athenian Ambitions and the Delian Alliance // Phoenix. 1979. Vol. 33. P. 134 ff. В отечественной исторической науке с критикой концепции Сили выступил Шувалов (*Шувалов В. В. Проблемы... С. 61 сл.*). Исследователи, возражая Сили (Джексон и Роулинг) или развивая его идею (Бэлцер и Френч), рассматривали цели Делосской симмахии в отрыве от Эллинской лиги. Роулинг, например, считал, что в представлении Фукидида Делосская лига была лишь прикрытием для осуществления реальной афинской политики, предусматривающей укрепление власти и применение ее для достижения имперских целей. Подобные суждения неоправданны, потому что в истории возникновения и развития Делосского союза нужно видеть определенную эволюцию. Именно это подчеркивает Фукидид, показывая постепенное превращение симмахии, основанной на свободе и автономии союзников, в Афинскую империю.*

служить положение, сложившееся на Кипре и в Геллеспонте. Несмотря на успешные действия эллинов в этих районах, после ухода их войска и флота они затем вновь оказались во власти персов. Афиняне, осознав несовершенство такого способа осуществления намеченных целей, уже через некоторое время после возникновения Делосской симмахии стали практиковать использование военных гарнизонов для установления постоянного контроля в отвоеванных у варваров местностях и для защиты греческих городов. Однако это привело к потере союзниками их автономии и свободы и превращению Делосского морского союза в афинскую империю.

В заключение рассмотрим важнейшие черты конституции Делосской симмахии в сравнении с предшествующими союзными объединениями³³. В отличие от Пелопоннесского союза возникновение Делосской лиги было обусловлено принятием общего соглашения между афинянами и союзниками (Thuc., I, 69, 1; Arist. Ath. Pol., 23, 5; Plut. Arist., 25, 1; Diod., XI, 47), хотя система индивидуальных договоров каждого союзного полиса с Афинами тоже имела место в новой симмахии (договор Афин с Лесбосом — Thuc., III, 10, 3; с ионийцами — Arist. Ath. Pol., 23, 5). Важным шагом вперед по сравнению с предшествующими объединениями полисов было создание общесоюзной казны (Thuc., I, 96, 2). По словам Фукидида (Thuc., I, 96, 1), афиняне определили сумму взносов как тем городам, которые для борьбы с варварами обязаны были доставлять деньги, так и тем, от которых требовалось обеспечивать союзный флот кораблями. Кроме того, афиняне впервые учредили должность эллинотамиев, которые и принимали форос — денежные взносы союзников. Первоначальный форос в соответствии с раскладкой, произведенной Аристидом, составил сумму в 460 талан-

³³ К дискуссии о конституционном устройстве Делосской симмахии см.: *Larsen J. A. O. The Constitution... P. 180 ff; Hammond N. G. L. Origins... P. 41 ff; Паршиков А. Е. 1) Эллинский союз 481 г. до н. э. и организация Афинского морского союза. Автореф. канд. дисс. Одесса, 1970. С. 11 сл.; 2) Аристотель (Ath. Pol. 23. 5) и организация Первого Афинского морского союза // ВДИ. 1971. № 1. С. 76 сл.; Шувалов В. В. Проблемы... С. 63 сл.*

тов (Thuc., I, 96, 2; Plut. Arist., 24, 4; Nep. Arist., 3; но см.: Diod., XI, 47, 1, где указана сумма в 560 талантов)³⁴.

В отличие от Пелопоннесского и Эллинского союзов Делосская симмахия располагала и постоянным флотом. При этом как сбор денежных взносов с союзников, так и обеспечение флота кораблями с самого начала находились под контролем Афин. По-видимому, постоянно союз имел в готовности до 300 триер, из которых доля Афин, вероятно, составляла не менее 150 кораблей. Афинская гавань являлась постоянным местопребыванием союзного флота (Thuc., III, 3, 4; Andoc., III, 38). Афинам было дано право обеспечивать союзный флот триерами вместо государств, не имевших кораблей такого рода (Andoc., III, 38). В обязанность союзников также входило поставлять войска (Thuc., I, 99, 1; VI, 76, 3).

Одним из главных отличий Делосской симмахии от Пелопоннесского союза было, как это указывает и Фукидид (Thuc., I, 96, 2; 99; 141, 6), регулярное проведение союзных собраний на Делосе. По крайней мере, до конца 70-х гг. V в. до н. э. большинство решений в Делосской лиге принималось на совещаниях союзников.

Дискуссионной является проблема участия в них афинян. Хэммонд выдвинул гипотезу «двухпалатной» организации Делосского союза, согласно которой голос Афин был равен совокупному голосу союзного конгресса³⁵. Одним из аргументов автора является сообщение Плутарха о заключении договора между афинянами и эллинами, т. е. корпоративной группой союзников (Plut. Arist., 25, 1). Но из этого вовсе не следует, что в политической структуре Делосской симмахии афиняне и союзники были представлены двумя «палатами» — афинским Народным собранием и конгрессом союзников на Делосе — и что

³⁴ К дискуссии о флоте в Делосской симмахии см.: ATL. Vol. III. P. 194 ff.; Chambers M. Four Hundred Sixty Talents // CIPH. 1958. Vol. 53. P. 26 ff.; Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 273 ff.; Hammond N. G. L. Origins... P. 52 ff.; Blackmann D. The Athenian Navy and Allied Naval Contributions // GRBS. 1969. Vol. 10. P. 179 ff.; Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972. P. 58 ff.; Шувалов В. В. Проблемы... С. 65 сл.

³⁵ Hammond N. G. L. Origins... P. 51 f, 56 ff.; ср.: Walker E. M. The Confederacy of Delos 478-463 B. C. // CAH¹. Vol. V. 1927. P. 41.

Афины, подобно Спарте, не принимали участие в заседаниях этого конгресса. Также и сообщение Диодора (Diod., XI, 47, 1), на которое ссылается Хэммонд, не может рассматриваться как убедительное доказательство в пользу его точки зрения. У Диодора речь идет о том, что представители союзников, в том числе и Афин, собрались на совещание, и Аристид предложил установить на Делосе общую казну. Поскольку Аристид представлял в конгрессе государство, которому союзники вручили гегемонию, то он и привел их к присяге и сам поклялся от имени афинян.

Главным аргументом Хэммонда является интерпретация им термина *ἰσότης*, употребляемого Фукидидом в выражении: *αἶμα μὲν γὰρ μαρτυρίῳ ἐχρόντο μὴ ἄν τοὺς γέ ἰσότη οὖς ἀκόντας, εἰ μὴ τι ἠδίκοιεν οἱς ἐπῆσαν, ξυστρατεύειν* (Thuc., III, 11, 3). Речь тут идет о митиленских посланцах, которые выступали в 428 г. до н. э. в Олимпии перед пелопоннесцами с жалобой на афинян за то, что они, оставляя некоторым союзникам автономию и право пользоваться равным с ними голосом, стремились с их помощью подчинить своему государству остальных. Хэммонд считает, что в данном случае *τοὺς ἰσότητους* можно интерпретировать либо так, что группа союзников автономных государств «was equal in voting power to Athens», либо так, что автономные государства «were equal in voting power among themselves»³⁶.

Это выражение Фукидид употребляет и для характеристики Пелопоннесского союза, отмечая, что все пелопоннесцы имеют равный голос (Thuc., I, 141, 6: *πάντες τε ἰσότητοι ὄντες*), поэтому каждый преследует лишь свои собственные цели. Эта фраза обозначает только то, что каждый член Пелопоннесской лиги обладал одним голосом, независимо от того, принадлежал ли он большому или малому государству (ср.: Thuc., I, 12, 5). Спарта, как мы уже отмечали, в голосовании своих союзников не участвовала, она лишь руководила им (ср.: Thuc., I, 79; 87; 119; 125).

³⁶ Hammond N. G. L. Origins... P. 59.

В отличие от Пелопоннесского союза вся практика функционирования Делосской лиги, особенно то, что связано с финансовым обеспечением строительства флота, комплектования его экипажем, финансирования военных мероприятий и т. д., показывает, что афиняне вместе с другими союзниками принимали участие в общесоюзных совещаниях на Делосе, обладая наравне с другими равным правом голоса³⁷. Поэтому нет оснований один и тот же термин *ισόψηφος*, употребляемый Фукидидом с одинаковой целью в контекстах со сходным содержанием (ср.: Thuc., I, 141, 6; III, 11, 3), интерпретировать по-разному. Это подтверждает и более внимательный анализ содержания речи митиленинских послов (Thuc., III, 11, 1 sq.). Наконец, толкование *ισόψηφος* в смысле «имеющий равный голос» подкрепляется замечанием Фукидида о том, что в Делосской симмахии было множество голосов (Thuc., III, 10, 5: *πολυψηφία*), и свидетельствует о существовании принципа равенства голосов.

Таким образом, решающая роль союзного собрания в Делосской симмахии, наличие общесоюзной казны и афинских должностных лиц — эллиноتامиев (сборщиков форося) говорят о ее более высокой степени организации, нежели степень организации Пелопоннесского союза. Вместе с тем принцип равного права голоса, действовавший в обоих союзах, позволял как Спарте, так и Афинам использовать их в качестве инструмента при осуществлении внешней политики. Будучи, подобно Спарте, гегемоном в союзе и оказывая давление на малые и средние полисы, которых в Делосской симмахии было большинство, афиняне всегда могли нейтрализовать или оставить в меньшинстве таких сильных членов лиги, как Хиос, Лесбос, Самос и др. Не случайно митилениане говорили, что из-за множества голосов в союзном собрании Делосской лиги трудно прийти к единогласному

³⁷ Возражая Хэммонду, мы считаем, что Афины при организации Делосской симмахии унаследовали принцип Эллинского союза, согласно которому каждый его член имел равный голос в общесоюзном собрании.

решению, чтобы оказать сопротивление афинянам (Thuc., III, 10, 5).

Поскольку гегемониальные симмахии возникали в Элладе, как было отмечено выше, в обстановке борьбы между принципами партикуляризма и федерации, то требование союзников о сохранении их свободы и автономии было непреложным фактом. Это подтверждается и выступлением союзников, недовольных растущим афинским господством, и тем, что история афинско-спартанских отношений, начиная со второй половины V в. до н. э., изобилует острыми дискуссиями об автономии и свободе союзных полисов (Thuc., I, 139, 3; 144, 2). Если это так, то, по-видимому, при возникновении симмахии и в первоначальный период их существования эти принципы должны были не только декларироваться, но и осуществляться на практике. Некоторые заявления Фукидида (Thuc., II, 97, 1; III, 10, 3 sq.; II, 1, 3) подтверждают, что афинские союзники в первое время после образования Делосской симмахии пользовались свободой и автономией.

Вместе с тем необходимо признать, что содержание понятия *αυτονομία* изменялось по мере эволюции межполисных отношений и совершенствования внутренней структуры и организации эллинских симмахии. Поэтому, несомненно, автономия пелопоннесских и афинских союзников была различной. Так, если в Пелопоннесском союзе, как мы видели, союзные полисы могли осуществлять внешнеполитические мероприятия независимо от Спарты, результатом чего были даже военные конфликты между ними, то это исключалось в Делосской симмахии, где распри между ее членами были запрещены (Thuc., VI, 76, 3), а решения внешнеполитического характера принимались на союзных совещаниях. Однако едва ли было бы правильно рассматривать это как ущемление автономии союзников. Данные положения декларировались договором, учредившим Делосскую лигу, и они были приняты ее членами с общего их согласия.

Равно нельзя считать нарушением автономии афинских союзников, в сравнении с пелопоннесскими, обложение их налогом. Это также было принято союзными

полисами как условие договора, причем, как сообщают источники, раскладка фороса, осуществленная Аристидом, вызвала их всеобщее одобрение.

Однако следует отметить, что в условиях более совершенной конституции Делосской симмахии Афины оказывались гораздо чаще перед необходимостью нарушения автономии союзников, чем Спарта в условиях традиционной структуры Пелопоннесского союза. Это вытекает непосредственно из замечаний Фукидида (Thuc., I, 99; VI, 76, 3) и Диодора (Диодор Сицилийский, VII, 70, 3) и события Пентеконтаэтии показывают, что уже к концу 70-х гг. V в. до н. э. Афины стали оказывать все большее давление на союзников. Главная причина различного отношения Спарты и Афин к своим союзникам, вероятно, заключалась в своеобразии социальной структуры самих этих полисов. Тогда как в Спарте в условиях замедленной дифференциации общества и отсутствия демоса не было граждан, заинтересованных экономически в эксплуатации союзников, в Афинах великодержавная политика демоса в отношении союзных государств была обусловлена тем, что большая часть граждан видела в этом экономическую и политическую выгоду.

От нарушения автономии союзных полисов недалеко было и до потери ими их свободы. С одной стороны, это было обусловлено поисками более надежных мер для установления контроля на отвоеванных у персов территориях и для защиты греческих городов. Так, например, афиняне уже вскоре после образования Делосского союза стали широко практиковать такие меры, как обращение местных жителей в рабство, заселение их территории своими клерухами-колонистами, использование военных гарнизонов. Другая причина, способствовавшая сравнительно быстрой потере большинством афинских союзников автономии и свободы, заключалась в росте имперского характера афинской внутренней и внешней политики. Именно это пытался показать Фукидид в своем очерке, посвященном истории Пентеконтаэтии. Но особенно ярко подобная мысль обнаруживается в приведенной им речи афинских послов в Спарте накануне Пелопоннесской войны, которые утверждали, что афиняне «вынуждены

были довести свою власть над союзниками до теперешнего состояния прежде всего самим течением обстоятельств, больше всего из страха перед персами, потом из чувства чести, наконец, ради собственных интересов» (Thuc., I, 75, 3).

Итак, подводя итоги всему сказанному, можно отметить, что складывание гегемониальных симмахий — закономерное явление межполисных отношений, характерное для VII—V вв. до н. э. Оно обусловлено закономерностью развития греческих государств, обострением внутривосполсных и межвосполсных противоречий, борьбой отдельных полисов за преобладание и вместе с тем развивающимся осознанием эллинами их этносоциального, политического и культурного единства.

Рассмотренные нами симмахии — Пелопоннесский союз и Делосская лига — имеют немало общих черт. Их возникновение было обусловлено не религиозными связями, а рационалистическими причинами политического и экономического плана. Эти объединения эллинских полисов не были ограничены ни временем, ни узколокальными утилитарными целями. Характеризуя собой форму межвосполсных отношений, оба этих союза являлись также инструментом внешней политики полисов-гегемонов — Спарты и Афин.

Вместе с тем имели место и существенные различия между данными союзами. Они складывались в разных социально-политических условиях. Пелопоннесский союз формировался в процессе борьбы против тиранических режимов и объединял в большинстве своем олигархические полисы, консерватизм и традиционализм социальной структуры которых не способствовал развитию в нем стройной политической организации с достаточно разработанной системой правовых норм.

Делосская симмахия возникла в обстановке патриотического подъема среди эллинов, вызванного борьбой против персов, и включала в свой состав главным образом полисы демократические, имевшие динамичный характер общественных отношений, а также более дифференцированную и менее консервативную социально-политическую структуру. Это в значительной степени

и обусловило возникновение в Делосской симмахии союзной конституции, основные положения которой отразились в общем договоре между афинянами и их союзниками.

Проанализированные нами различия между союзами важны для понимания раскола эллинов на два военно-политических блока, противостоящих друг другу, и роста афинско-спартанских противоречий, которые неизбежно вели к войне между ними за господство в Элладе.

Глава III

Рост афинской гегемонии и особенности внешней политики Спарты (478—462 г. до н. э.)

1. Усиление внешнеполитической активности Афин и расширение Делосско-аттического морского союза

Рассмотрение особенностей внутривнутриполитических отношений в Спарте и Афинах и изучение процесса становления Делосской симмахии показывают, что все перипетии внутривнутриполитической борьбы в ведущих греческих полисах в той или иной степени влияли на их внешнюю политику. Источники позволяют выявить важнейшие черты афинской внешней политики 478—462 г. до н. э. и трансформации Делосской симмахии в Афинский морской союз, особенности позиции Спарты в Пелопоннесе и ее действия, направленные на укрепление своего господства в Пелопоннесском союзе.

Исследуя цели Делосского морского союза, мы отметили, что он был создан не только как союзное объединение полисов во главе с Афинами для продолжения войны с персами, но и как инструмент афинской внешней

политики. Этот вывод подтверждается анализом внешнеполитических мероприятий Афин и расширением Делосско-аттического морского союза в указанный период. Выдвигая данную проблему, необходимо установить, насколько это позволяют наши источники, первоначальный состав Делосской симмахии¹.

Ядром Делосской симмахии, несомненно, были ионийские полисы. Однако далеко не все они входили в союз с самого начала. Первыми членами его стали, вероятно, большинство островитян (Hdt., IX, 106). Организуемая союз, афиняне особенно заботились об обеспечении своего господства на севере, в районе Гелеспонта, где Афины еще со времени Писистрата имели экономические и политические интересы, и на юго-востоке, в районе Родоса, где афиняне стремились обеспечить свое превосходство для того, чтобы не допустить проникновения в Эгеиду персидских и финикийских кораблей.

Из Кикладских островов два наиболее крупных, Мелос и Фера, расположенные на южной окраине Киклад и населенные дорийцами, тяготели к пелопоннесцам (Thuc., V, 84, 2; ср.: Thuc., II, 9, 4). Что касается других островов, то, возможно, те из них, которые откупались деньгами от посягательств на них Фемистокла (Андрос и Парос) (Hdt., VIII, 112), продолжали в течение некоторого времени оставаться нейтральными после образования Делосской симмахии.

Спорным является вопрос о времени вступления в союз Эгины. Сравнительно недавно высказано предположение, что Эгина оставалась нейтральной вплоть до завоевания ее Афинами в начале 50-х гг. V в. до н. э.

¹ К дискуссии по этой теме см.: Walker E. M. *The Confederacy of Delos 478-463* // CAH¹. Vol. V. 1927. P. 42 ff.; Highby L. I. *The Erythrae Decree: Contributions to the Early History of the Delian League and the Peloponnesian Confederacy* // Klio. 1936. Bd. 36. P. 39 ff.; Gomme A. W. *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. I. Oxford, 1966. P. 289 ff.; ATL. Vol. III. P. 94 ff.; Sealey R. *The Origin of the Delian League* // *Ancient Society and Institutions. Studies Presented to V. Ehrenberg on his 75th Birthday*. Oxford, 1966. P. 244 ff.; Meiggs R. *The Athenian Empire*. Oxford. 1972. P. 50 ff.

и включения в Делосскую симмахию². Однако данные Фукидида и Диодора (Thuc., I, 105, 2; 108, 5; Diod., XI, 70, 2 sq.; 78, 3 sq.; ср.: IG², I, № 18 = StV, II, № 141) свидетельствуют о том, что это было уже вторичное включение Эгины в Афинский морской союз. Эгина, экономические интересы которой были связаны с Эгеидой и восточным Средиземноморьем, вероятно, вступила в Делосскую симмахию в начале 70-х гг., когда стало окончательно ясно, что Пелопоннесский союз во главе со Спартой отказывался участвовать в продолжении войны с персами на море и в Малой Азии.

Из городов малоазийского побережья даже далеко не все ионийские полисы вступили в лигу с момента ее образования. Геродот сообщает о том, что в течение битвы у Микале ионийцы второй раз восстали против персов (Hdt., IX, 104). На этом основании исследователи считают, что все или почти все города материковой Ионии добровольно присоединились к Делосской симмахии с момента ее возникновения. Однако из слов Геродота ясно вытекает, что восстали не все ионийцы, а только находившиеся в войске царя. Из сообщения Фукидида (Thuc., I, 138, 5) видно, что персы уже в начале 60-х гг. V в. до н. э. такие города, как Магнесия на Меандре, Лампсак и Миунт, а также, возможно, города Трояды — Перкоту и Палескепис. Именно эти города были подарены царем Фемистоклу. Ксенофонт называет еще четыре города, которыми владели персы в 70-е гг. V в. до н. э. (Xen. Hell., III, 1, 6). Данные города — Гамбрий, Палегамбрий, Мирина и Гриней — были подарены ими сподвижнику Павсания Гонгилу. Геродот также сообщает, что персы контролировали некоторые города в Малой Азии и взыскивали с них налог вплоть до его времени (Hdt., V, 42).

Вероятно, не входил в число первоначальных членов Делосской симмахии и такой крупный город малоазийского побережья, как Эфес, где нашел убежище

² Figueira T. J. *Aeginetian Membership in the Peloponnesian League* // CPh. 1981. Vol. 76. P. 1 ff.; ср.: McDowell D. *Aigina and Delian League* // JHS. 1960. Vol. 80. P. 118 ff.

Фемистокл, прежде чем отправился к персидскому царю (Thuc., I, 137, 2; Nep. Them., 8).

Спорным является и вопрос о том, были ли в Делосской лиге сразу после ее основания города Халкидики — Потидея, Аргил, Стагира, Эант, Стол, Олинф и Спартол. Геродот достаточно подробно рассказывает об успешном восстании против персов в 480 г. до н. э. Потидеи и других халкидских городов (Hdt., VIII, 126—129). Этот аргумент обычно и используется теми исследователями, которые признают, что данные города Халкидики были готовы присоединиться к Делосскому союзу с самого начала. Однако некоторые факты заставляют в этом усомниться. Во-первых, как вытекает из сообщения Геродота, во время восстания сложился довольно мощный союз некоторых халкидских городов во главе с Потидеей, успешно выдержавшей натиск персидских войск. Во-вторых, на основании свидетельства Фукидида можно заключить, что города Аргил, Стагира, Аканф, Стол, Олинф и Спартол были включены в состав Делосско-аттического союза силой оружия (Thuc., V, 18, 5).

Таким образом, по-видимому, состав Делосской симмахии сразу же после ее образования был довольно немногочисленным. Афинам вместе с союзниками пришлось приложить немало усилий для укрепления и расширения союза.

Основным источником, повествующим о важнейших операциях афинян и их союзников в ранний период существования Делосской симмахии, является краткий рассказ Фукидида. Прежде чем анализировать его информацию, необходимо отметить, что Фукидид, стремясь показать, каким образом организовалась афинская держава (Thuc., I, 97, 2), вовсе не собирался освещать все свершившиеся в это время события. Для осуществления своей задачи он отобрал лишь те из них, которые ему казались наиболее важными.

Первые общесоюзные мероприятия, засвидетельствованные источниками, имели место в районе фракийского побережья. Выбор этого района в качестве объекта внешней политики афинян и их союзников неслучаен. Здесь имелся в изобилии корабельный лес, дерево для

весел, серебряные и золотые рудники (Hdt., V, 23; Thuc., I, 100, 2; 101, 3). В этой области были также находимы железные рудники. В этой области находились также рудники, которые могли послужить плацдармом для нового сухопутного вторжения персов в Элладу. Эти базы располагались вдоль всего фракийского побережья (Hdt., VII, 25).

Другая причина, побудившая афинян активизировать внешнеполитические действия во Фракии, заключалась в том, что в ходе Греко-персидских войн усиливались города Халкидики. Это вызывало опасения афинян, стремившихся утвердить в данном районе свое господство; поэтому они считали необходимым включить эти города в состав Делосской симмахии.

Борьба за фракийское побережье не могла ограничиваться только захватом Эйона, одной из персидских баз и портового города на берегу Стримона. Но Фукидид для своей цели выбрал лишь это событие. По-видимому, осада Эйона следует рассматривать как одну из тех операций Делосского союза, которые были предназначены сокрушить персидские силы, сосредоточенные во Фракии. Эйон был хорошо укреплен, имел достаточно продовольствия, и его осада была делом нелегким. Она длилась в течение 477-476 гг. до н. э. (Hdt., VII, 107; Thuc., I, 98, 1; Ephor., FGH 70 F 191, 43-45); Aeschin., II, 183-185; Dem., XXIII, 199; Diod., XI, 60, 2; Plut. Cim., 78; Nep. Cim., 2; Polyae., VII, 24; Paus., VIII, 8 sq.)³.

В осуществлении внешнеполитических целей Афины опирались не только на созданный ими союз, но и старались установить дружественные отношения с некоторыми материковыми государствами центральной Греции. Среди них важное место занимала Фессалия (Dem., XXIII, 199), с которой афиняне впоследствии, в конце 60-х гг. V в. до н. э., заключили союзное соглашение.

³ К дискуссии о покорении Эйона см.: Hoefler O. Eion // RE. Bd. V. 1905. Sp. 2116; Swoboda H. Kimon // RE. Hbd. XXIX. 1921. Sp. 442; Smart J. Kimon's Capture of Eion // JHS. 1967. Vol. 88. P. 136 ff.; Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1969. S. 194; Will Ed., Mosse Cl, Goukowsky P. Le monde grec et l'Orient. T. I. Paris, 1972. P. 134 s.; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 68.

Для закрепления господства на отвоеванных у персов территориях афиняне стали создавать поселения своих колонистов, поработав местное население. Так, после взятия Эйна они обратили его жителей в рабство (Thuc., I, 98, 1), а местность отдали под посевы афинянам. Однако после захвата Эйна им не удалось окончательно закрепиться на фракийском побережье. Персы продолжали удерживать Дориск и вместе с фракийскими племенами представляли значительную опасность для греков. Очевидно, в это время сохраняли свою независимость и города Халкидики.

Следующая атака была предпринята против острова Скирос. Его населяли долопы, занимавшиеся пиратством. Поработив жителей Скироса, афиняне отправили сюда колонистов-клерухов, разделив между ними землю по жребию. (Thuc. I, 98, 2; Ephor., FGH 70 F 191, 46; Diod., IV, 62, 4; XI, 60, 2; Plut. Cim., 8, 3-7; Thes., 36, 1-4; Nep. Cim., 2; Paus., I, 17, 6)⁴. Остров был завоеван афинянами в архонтство Федона в 476/5 г. до н. э. (Plut. Thes., 36, 1). Нападение на Скирос, вероятно, было одной из тех операций Делосского союза, которые должны были очистить Эгейское море от пиратов и создать благоприятные условия для свободной торговли и мореплавания: надо учесть, что остров расположен на пути к Геллеспонту.

Вскоре после 475 г. до н. э. афиняне вместе с союзниками предприняли войну против Кариста. Этот город выступал на стороне персов (Hdt., VI, 99; VIII, 66; 112; 121), впоследствии же держался в стороне от Делосского союза. Между тем он был стратегически важным портовым центром в южной части Эвбеи. Поэтому целью экспедиции против Кариста было заставить его силой присоединиться к Делосской лиге (Hdt., IX, 105; Thuc., I, 98, 3). Фукидид подчеркивает, что афиняне вели войну против каристян без участия остальных эвбеян. Возможно,

⁴ По данному поводу см.: Kagan D. The Outbreak of the Peloponnesian War. London, 1969. P. 45; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 69; Касаткина Н. А. Афинские военно-земледельческие поселения VI—V вв. до н. э. Канд. дисс. Рукопись. Л., 1983. С. 85 слл.

к этому времени эвбейские города еще не входили в состав Делосской лиги и покорение Кариста заставило их подчиниться. Это произошло около 475 г. до н. э.⁵ Фукидид обратил внимание на этот сюжет скорее всего потому, что капитуляция каристян, видимо, положила начало включению эвбейских городов в Делосскую симмахию и была первым случаем, когда афиняне, опираясь на помощь союзников, силой стали заставлять государства вступать в союз.

Около 470 г. до н. э. восстал Наксос (Thuc., I, 98, 4; 137, 2; Aristoph. Vesp., 354 sq.; Nep. Them., 86; Polyae., I, 30, 8)⁶. Наксосцы были членами Делосской лиги со времени ее основания и первыми же попытались избавиться от бремени союзнических обязательств. Фукидид не говорит о причинах восстания. Но он делает ценное замечание (Thuc., I, 98, 4; 99, 1-3), свидетельствующее о все более ошутимом давлении афинян на союзников. Они добивались, чтобы союзные полисы не строили и не снаряжали военные корабли для союзного флота, а регулярно вносили в казну определенную сумму фороса. Это удовлетворяло союзников, которые после того, как персы стали для них менее опасны, стремились скорее перейти к мирным занятиям земледелием, ремеслом и торговлей. Однако афиняне строго следили за тем, чтобы союзные города не уклонялись от налагаемых на них обязанностей (Thuc., I, 99, 1). Такой контроль со стороны Афин становился для них непосильным бременем. Флот же афинян благодаря этим мерам увеличивался, а их воины и моряки закалялись в постоянных тренировках и военных сражениях.

⁵ К дискуссии о покорении каристян см.: Swoboda H. Kimon. Sp. 442 f; Glotz G., Cohen R. Histoire grecque. T. II. Paris, 1931. P. 128; Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 381; Hammond N. G. L. Studies in Greek Chronology of the Sixth and Fifth Cent. B. C. // Historia. 1955. Bd. 4. P. 371 ff; ATL. Vol. III. P. 198; Kagan D. The Outbreak. .. P. 451; Bengtson H. Griechische Geschichte. S. 194; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 69.

⁶ В связи с этим см.: Herbat R. Naxos // RE. Hbd. XXXII. 1935. Sp. 2089 f; Kagan D. The Outbreak. .. P. 46; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 69 ff.

Таким образом, можно сказать, что, подобно тому, как Писистрат в свое время разоружил афинян и тем самым обеспечил безопасность для своей власти, так теперь и афиняне «разоружили» большинство своих союзников в целях укрепления своего господства и могущества в Делосской симмахии. Именно таким образом можно интерпретировать замечание Фукидида (Thuc., I, 98, 3) о том, что союзники, позволившие из-за нерасположения к военной службе и нежелания удалиться от родины обложить себя денежной данью вместо доставки кораблей, в случае восстания шли на войну неподготовленными и без необходимого военного опыта. Афиняне же, увеличивая на средства, доставляемые союзными полисами, флот, с большой легкостью приводили восставших в повиновение (Thuc., I, 99, 2). К этому стоит добавить, что еще во время возникновения Делосской симмахии Аристид позаботился о том, чтобы члены союза не могли выйти из лиги, и заставил произнести заклятия против клятвоступников. Поэтому афиняне, требуя от союзников наказать наксосцев, могли сослаться на эти меры (Plut. Arist., 25, Aristot. Ath. Pol., 23, 5; Plut. Arist., 23).

Итак, Наксос после длительной осады был вновь возвращен в союз. Наксосцам было запрещено иметь свой флот, было приказано срыть стены и регулярно платить установленную сумму фороса.

При определении точной даты подавления восстания Наксоса возникают трудности, обусловленные противоречивым характером сведений источников (ср.: Thuc., I, 137, 2; Plut. Them., 25, 2)⁷. Тем не менее мы

⁷ Согласно Фукидиду, Фемистокл, преследуемый врагами, стремясь найти убежище у персидского царя, во время плавания бурей был отнесен к Наксосу, который осаждало афинское войско. Отсюда тайно перебравшись в Эфес, он отправился в Сузы, где тогда воцарился Артаксеркс. Плутарх, воспроизводя в целом рассказ Фукидида, меняет в нем лишь названия местностей. Вместо Наксоса он называет Фасос, а вместо Эфеса — Киму. Возможно, исправления внесены в текст Фукидида Эфором, источником Плутарха, и обусловлены его желанием прославить свой родной город, а также согласовать и уточнить хронологию, поскольку восстание Фасоса случилось позднее, чем восстание Наксоса, и осада острова афинянами относилась к 466/5 г. до н. э., т. е. ко времени начала царствования в Персии Артаксеркса.

в соответствии с традиционной датировкой событий — отдаем предпочтение Фукидиду и полагаем, что осада Наксоса закончилась в начале 60-х гг. V в. до н. э. (возможно, в 469 г.) и предшествовала битве у Эвримедонта⁸. Наказание наксосцев Фукидид рассматривал как первый случай, когда афиняне с согласия членов Делосской лиги насильно заставили одного из союзников вернуться в союз (ср.: Thuc., III, 11, 1—6). Не исключено, что под впечатлением поражения Наксоса к Делосской симмахии присоединились и те немногие острова, которые еще оставались нейтральными.

Несмотря на то что после битвы у Микале персы потерпели от эллинов еще целый ряд поражений, их могущество далеко не было сломлено. Они не желали так легко расставаться с господством в стратегически важных районах Малой Азии. Большую опасность для эллинов по-прежнему представлял финикийский флот. После подавления восстания наксосцев Кимон с флотом находился в южной части Малой Азии, в районе Книда и мыса Триопий (Diod., XI, 60, 3; Plut. Cim., 12). Он стремился обезопасить юго-западную Эгеиду от возможного вторжения финикийского флота. В это время ему стало известно, что персидские военачальники расположились в Памфилии с большим войском. Желая закрепить господство афинян на море, Кимон стремился очистить от персов территорию Карию и Ликию и закрыть доступ персидскому и финикийскому флоту в ту часть моря, которая простиралась к западу от Хелидонских островов. С этой целью Кимон, усилив флот (Plut. Cim., 12 — 200 кораблей; Diod., XI, 60, 3 — 300 кораблей) значительным числом гоплитов (Plut. Cim., 12), подстрекал к отпадению от персов те города в Карию и Ликию, которые были

⁸ Современные исследователи, отказываясь от традиционной хронологии, предлагают другую датировку восстания Наксоса и его подавления. Так, например, Милтон (Milton M. P. The Date of Thucydides Synchronism of the Siege of Naxos with Themistokles' Flight // Historia. 1979. Bd. 28. P. 257) предлагает датировать восстание Наксоса 466 г. до н. э., а Унц (Unz R. K. The Chronology of the Pentekontaetia // CQ. 1968. Vol. 36. P. 69 ff.) считает, что восстание Наксоса было после битвы у Эвримедонта и датирует его 465 г. до н. э.

основаны эллинами, другие, бывшие двуязычными и имевшие персидские гарнизоны, он, применяя силу, подверг осаде. Склонив на свою сторону города в Кари и Ликии (Ерфор., г. 191, 56-61; Diod., XI, 60, 1.4; ср.: Plut. Cim., 12; Front., III, 2, 5). Собрав корабли у присоединенных союзников, Кимон еще больше усилил эллинский флот.

Направляясь вдоль восточного побережья Ликии в Памфилию, Кимон встретил задержку у эллинского города Фаселида. Этот значительный торговый центр с тремя гаванями занимал важное стратегическое положение. Жители Фаселиды, хотя они и были греками по происхождению (город основан колонистами из Родоса), не приняли флот Кимона и на его требование отпасть от персов ответили отказом. Кимон подверг опустошению хору Фаселиды и приказал штурмовать городские стены. Однако находившиеся в войске Кимона хиосцы, с давних пор имевшие дружественные связи с Фаселидой, в конце концов примирили Кимона с жителями города. Но условия примирения были фактически равносильны капитуляции. Фаселиты должны были уплатить 10 талантов; город становился членом Делосской лиги и обязан был принять участие в походе против варваров⁹.

Закрепив афинское господство в Кари и Ликии, Кимон нанес сокрушительное поражение персам на море и на суше около 468—467 гг. до н. э. (Thuc., I, 100, 1; Ephor., FGH 70 F 191, 62-118; Diod., XI, 60, 3-62; Plut. Cim., 12 sq.; Nep. Cim., 2; Just., II, 15, 20; Polyae., I, 34, 1; Paus., I, 29, 14)¹⁰. Анализ всего имеющегося

⁹См.: Plut. Cim., 12; ср.: Steph. Byz., s. v. Δόρος (Crater, fr. 1). Вскоре после вступления города в Делосскую симмахию между афинянами и фас элитами был заключен договор о порядке разбора частных дел: IG², I, № 16 = Tod², N° 32 = StV, II, № 149 = ML, N° 31.

¹⁰К дискуссии о датировке битвы у Эвримедонта, а также о ее целях и задачах см.: Walker E. M. The Confederacy... P. 54 ff.; Kolbe W. Diodors Wert für die Geschichte der Pentekontaetie // Hermes. 1937. Bd. 72. S. 233 ff.; Peek W. Die Kämpfe aus Eurymedon // Athenian Studies to W. S. Ferguson. Cambridge, 1940. S. 97 ff.; Лурье С. Я. Плутарх. Избранные биографии. М.; Л., 1941. С. 288, прим. 52; Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 286 ff.; Hammond N. G. L. Studies in Greek Chronology... P. 371 ff.; ATL. Vol. III. P. 175; Bengtson H. Griechische Geschichte. S. 194, Anm. 3;

материала убеждает нас в том, что, хотя эллины и одержали важную победу над персами, последствия ее были не настолько велики, как об этом сообщают Плутарх и Диодор. Так, например, Памфилия оставалась у персов. Под их господством по-прежнему находились Троада, Сигей. Персы восстановили контроль над Херсонесом, Геллеспонтом и Кипром. Поэтому цели Делосской симмахии, в осуществлении которых были особенно заинтересованы афиняне, были далеко еще не достигнуты.

Вскоре после битвы у Эвримедонта Кимон выступил из Афин с небольшим числом кораблей с целью восстановить господство афинян на Херсонесе (Plut. Cim., 14; ср.: Hdt., VII, 106). Персы здесь заручились поддержкой фракийцев, недовольных тем, что афиняне отчасти закрепились на фракийском побережье, поселив в Эйоне своих колонистов. Кимон нанес персам поражение сначала в морском сражении, а затем, изгнав их и победив фракийцев, подчинил весь Херсонес власти афинского государства.

О действиях Кимона на Херсонесе сообщает только Плутарх, тем не менее его рассказ основан на хорошем источнике и вполне заслуживает доверия. В пользу историчности этого события свидетельствует также фрагментарно сохранившийся список погибших в сражениях афинян, который эпиграфисты датируют временем около 465 г. до н. э. (IG², 1, № 928 = SEG, X, № 405; ср.: Paus., I, 29, 4 sq.)¹¹.

Среди названий мест, возле которых происходили сражения, мы встречаем Кардию (город на севере Херсонеса), Пэй (также на Херсонесе) и Сигей (в Троаде, у входа в Геллеспонт). В списке погибших, кроме афинян, отмечены граждане Мадития (город на Херсонесе), Византия и Кебрены (город в Троаде). Так что во время этой экспедиции эллины восстановили господство на Херсонесе и в Геллеспонте. Участие жителей Византия в качестве

Kagan D. The Outbreak... P. 47; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 73 ff.

¹¹К этому см.: Kolbe W. Diodors Wert... S. 248 ff.; Hammond N. G. L. Studies in Greek Chronology... P. 371 ff.; Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 297.

союзников в походе Кимона свидетельствует о том, что афиняне со времени изгнания Павсания удерживали этот стратегически важный город в своих руках. Таким образом, в результате похода Кимона афиняне вновь восстановили контроль над проливами. Упоминание среди афинских союзников граждан Кебрены свидетельствует о том, что к этому времени, вероятно, часть Трояды уже находилась под контролем Делосской симмахии.

Вместе с тем следует отметить, что после победы над персами обострились взаимоотношения афинян с некоторыми из их союзников. Входившие в Делосскую симмахию островные полисы и города западной части Малой Азии склонялись к мысли о нецелесообразности дальнейшего сохранения Делосского морского союза, так как для них персидская угроза уже миновала. Афиняне же, опираясь на вновь приобретенных союзников, живших по соседству с персами и опасавшихся их, и полагая, не без оснований, что персы не отказались от Эгеиды окончательно, были настроены продолжать политику расширения Делосского союза и укрепления в нем своего господства. Эта политика встречала сопротивление со стороны некоторых членов лиги, перераставшее в восстания.

Одним из таких случаев, на который особое внимание обратил Фукидид, было восстание Фасоса (Thuc., I, 100, 2-101; Diod., XI, 70, 1; Plut. Cim., 2, 5; Nep. Cim., 2; Polyen., II, 33; VIII, 67; StV, II, № 135)¹². Фасосцы одними из первых вступили в Делосскую симмахию. Они относились к числу тех союзников (Хиос, Лесбос, Самос и др.), которые занимали привилегированное положение, в частности, не платили форос, а поставляли в общесоюзный флот укомплектованные экипажем корабли. Однако фасосцы все более опасались растущего могущества Афин и тяготились их гегемонией. Поводом к восстанию послужила их ссора с афинянами из-за мест торговли и приисков, которыми они владели на побережье Фракии (Thuc., I, 102, 2). Фасосцы были обеспокоены

¹² См.: Hiller von Gaertringen F. *Thasos* // RE. Hbd. X. 1934. Sp. 1315; Piekot H. W. *Thasos and the Popularity of the Athenian Empire* // *Historia*. 1963. Bd. 12. P. 70 ff.; Kagan D. *The Outbreak...* P. 47 ff.; Meiggs R. *The Athenian Empire*. P. 80 ff.

стремлением афинян установить свое господство во Фракии. Восставшие выставили против афинян свой флот, но потерпели поражение. Афиняне высадились на берег и осадили город. Осада длилась три года, с 466/5 по 464/3 г. до н. э.

В это же время, вероятно, в 465/4 г. до н. э., афиняне послали из числа своих граждан и союзников 10 тыс человек к реке Стримону для заселения местности, которая называлась Девятью путями, а позже стала именоваться Амфиполем. Им удалось закрепиться в этой местности. Однако, стремясь не допустить, чтобы фракийцы оказали помощь восставшим фасосцам, они совершили поход в глубь Фракии, но потерпели поражение и были истреблены около Драбеска, в земле эдонов (Hdt., IX, 75; Thuc., I, 100, 3; IV, 102, 2; Diod., XI, 7; Aeschin., II, 31; Isocr., VIII, 86; Paus., I, 29, 4 sq.; Nep. Cim., 2)¹³. Несмотря на поражение афинян, оказать помощь осажденным фасосцам фракийцы уже не успели. Восставшие надеялись на поддержку лакедемонян, с которыми вели тайные переговоры, но спартанцы, пострадавшие от землетрясения, вынуждены были вести войну против илотов и некоторых периэксских городов. Поэтому фасосцы на третьем году осады (в 463 г. до н. э.) капитулировали. Они должны были скрыть укрепления, выдать флот афинянам, уплатить немедленно ту сумму фороса, которой их обложили, и в будущем регулярно платить установленный налог. Кроме того, они должны были отказаться от владений на материке и от приисков. По-видимому, в это же время в результате подавления восстания фасосцев и укрепления афинян на фракийском побережье были вынуждены вступить в Делосский союз и города Халкидики.

Итак, внешняя политика Афин, осуществляемая консервативно-аристократическими силами во главе с Кимоном, основывалась на признании афинско-спартанского дуализма, который предусматривал, с одной стороны, сохранение дружественных отношений со

¹³ Касаткина Н. А. *Афинские военно-земледельческие поселения...* С. 96 сл.

Спартой и невмешательство в дела Пелопоннеса и центральной Греции (сфера господства и влияния лакедемонян), с другой — продолжение войны против персов, расширение границ Делосского союза и укрепление в нем афинской гегемонии.

Фактически Делосский союз к концу рассматриваемого периода достиг тех границ, в которых оказалось большинство союзных городов, впоследствии включенных афинянами в пять податных округов. По мере расширения Делосского союза и укрепления в нем афинской гегемонии, он превратился в Афинский морской союз, в котором отношение афинян к союзникам становилось все более твердым и жестоким, т. е. таким, как его описывают Фукидид (Thuc., I, 99) и Диодор (Diod., XI, 70, 3 sq.). Афиняне все чаще применяли насилие к отказывающимся повиноваться членам союза. В пределах рассматриваемого периода источники сохранили сведения о подавлении восстаний наксосцев и фасосцев. Однако, судя по краткому замечанию Фукидида (Thuc., I, 98, 4), можно думать, что имели место и другие выступления союзников. В случае их подавления полисы попадали в зависимость от Афин. На остальных союзников они все более начали оказывать финансовое, юридическое и политическое давление.

В этой связи интерес представляет уже упоминаемый договор между афинянами и фаселитами о порядке разбора частных дел (Tod², № 32). Он открывает серию договоров, в которых отражены юридические отношения афинян с союзниками, возникающие в связи с заключением различного рода сделок (συμβολαί). Современные эпиграфисты датируют договор 60-ми гг. V в. до н. э. Главное содержание декрета нашло отражение в стк. 6—21. Интересы торговли требовали быстрого принятия решений, поэтому декрет предусматривал осуществление судебных разбирательств по месту заключения контракта. В частности, в нем говорится, что если сделка была заключена в Афинах, то возникающие тяжбы необходимо рассматривать в Афинах, в суде полемарха. Как вытекает из сообщения Аристотеля (Arist. Ath. Pol., 58), предоставленные права иностранцам вести свои дела в суде полемарха

являлось привилегией. В данном случае это подтверждается ссылкой на хиосцев, привилегированных союзников афинян. Некоторые современные исследователи трактуют этот декрет как документ о даровании привилегий отдельным гражданам Фаселиды в связи с судебным разбирательством, касающимся конкретных тяжб.

Что же до самого города Фаселиды, то едва ли его положение в Делосском союзе можно назвать привилегированным. Во-первых, Фаселида не добровольно вступила в Делосский союз, но фактически была завоевана Кимоном. Во-вторых с самого начала своего вхождения в Делосскую симмахию фаселиты обязаны были платить форос в казну, в то время как привилегированные союзники Афин поставляли в союзный флот корабли. И в последующие времена Фаселида оставалась в числе тех союзников, которые платили налог.

Итак, рассмотренный нами договор между Афинами и Фаселидой, несомненно, являлся важной вехой в трансформации симмахии в Афинский морской союз. Он показывает, что политика Афин в отношении союзников не была прямолинейной. Укрепляя свое господство в союзе, афиняне обязаны были позаботиться о мерах, в том числе и юридических, которые бы способствовали извлечению союзниками выгоды экономического и политического характера от членства в союзе и побуждали их сохранять верность. Вместе с тем договор свидетельствует о стремлении афинян к урегулированию межполисных судебных дел не только между Афинами и городами союза, но и между самими союзниками.

Сравнивая текст договора с тем, что нам известно из античной традиции о значении суда в Афинской державе, можно обнаружить тенденцию, которую претерпели судебные отношения афинян с союзниками по мере трансформации Делосской симмахии в Афинский морской союз и его дальнейшей эволюции в Афинскую империю. Если вначале афиняне, регулируя межполисные отношения и судебные дела, не вмешивались в юрисдикцию союзных полисов, то впоследствии, как вытекает из

сообщения Фукидида (Thuc., I, 77) и «Афинской политики» Псевдо-Ксенофонта (Ps.-Xen. Ath. Pol., I, 16—18), они все более старались использовать суды как важный инструмент контроля над союзными полисами. Гезихий, комментируя выражение ἀπό συμβολῶν δικάζειν, говорит: «Афиняне судили подвластных союзников (τοὺς ὑπὸ τοῖς ἀπό συμβολῶν). И это было тяжело».

Таким образом, важные победы над персами, укрепление афинской гегемонии в Эгеиде и Малой Азии, трансформация Делосской симмахии в Афинский морской союз и обусловленный этим рост самосознания, политической активности афинского полиса подрывали основу господствовавшей в рассматриваемый период идеи афинско-спартанского дуализма, способствовали росту противоречий между Спартой и Афинами и нагнетанию враждебных отношений между ними.

2. Позиция Спарты в Греции в 70—60 гг. V в. до н. э.

Позиция Спарты в 70—60-е гг. V в. до н. э. отличалась нестабильностью. Во-первых, в 479—478 гг. до н. э. лакедемонянам не удалось добиться осуществления наказания тех эллинов, которые выступали на стороне персов, и упрочения своего господства в Элладе из-за решительного сопротивления Афин и, возможно, неблагоприятных поступков царя Леотихида. Во-вторых, действия Павсания и образование Делосской симмахии во главе с Афинами привели к обострению внутривнутриполитических противоречий в Спарте, а также к потере ею руководства эллинским флотом и реальной гегемонии в Элладе. В-третьих, с изгнанием Леотихида и наказанием Павсания в Спарте окрепли позиции консервативных сил во главе с эфоратом и герусией. В это время правящие круги Спарты, сохраняя дружбу с Афинами и поддерживая тесные отношения с афинской аристократией во главе с Кимонам, отказываются от осуществления активной общегреческой политики. Спарта не принимала участия в продолжении военных действий против персов, оставила планы расширения своего влияния в центральной и северной Греции.

В-четвертых, полоса внешнеполитических неудач негативно сказалась и на спартанском лидерстве в Пелопоннесском союзе, где, как показывают данные источников, активизировались сепаратистские настроения.

Политические процессы, совершившиеся в Аргосе, Элиде, аркадских городах, подрывали стабильность и традиционализм спартанского господства в Пелопоннесе. Усилению нестабильности и сепаратизма, бесспорно, способствовала и целенаправленная деятельность Фемистокла, изгнанного в конце 70-х гг. V в. до н. э. из Афин с помощью остракизма и поселившегося в Аргосе, который был старым соперником Спарты в Пелопоннесе. Живя в Аргосе, Фемистокл, как сообщает Фукидид, посещал и другие места Пелопоннеса (Thuc., I, 135, 3).

Поэтому, используя все имеющиеся источники, рассмотрим особенности антиспартанского движения и проанализируем действия лакедемонян, направленные на укрепление своего господства в Пелопоннесском союзе.

Обычно антиспартанское движение связывают с именем Фемистокла, считая его главным виновником¹⁴. Едва ли это правильно. Фемистокл появился на Пелопоннесе, когда гегемония Спарты здесь уже начала колебаться и ситуация дестабилизировалась. Это подтверждают, по крайней мере, события в Аргосе и Аркадии.

После сокрушительного поражения¹⁵, которое нанес Аргосу спартанский царь Клеомен¹⁵, город постепенно оправился и перед началом Греко-персидских войн вновь стал проявлять активность (Hdt., VI, 84; 92). Спартанцы, боясь возможного сближения Аргоса с персами, безуспешно пытались привлечь его к Эллинскому союзу (Hdt., VII, 148—150). Рост агрессивной политики аргивян, претендовавших на господство в Пелопоннесе, приходится как раз на период после 479 г. до н. э. Это связывают с установлением тут демократического

¹⁴ Andrewes A. Sparta and Arcadia in the Early Fifth Cent. // Phoenix. 1952. Vol. 6. P. 2 f; Forrest W. G. Themistocles and Argos // CQ. 1960. Vol. 10. P. 221 ff; Kagan D. The Outbreak. .. P. 50 ff.

¹⁵ Об этом более подробно см.: Строгоцкий В. М. О датировке битвы у Сепеи // ВДИ. 1979. № 4. С. 108 слл.

правления¹⁶. Для достижения своих целей аргивяне стремились объединить Арголиду и внести раскол в Пелопоннесский союз.

Наиболее слабыми звеньями в Пелопоннесском союзе были города Аркадии и Элида. В Аркадии с начала V в. до н. э. стали все более усиливаться тенденции к объединению и созданию Аркадского союза, что доставляло больше всего хлопот Спарте, старавшейся не допустить в рамках Пелопоннесской лиги создания какого-либо объединения союзных городов между собой. В середине 70-х гг. V в. до н. э. наметился новый подъем антиспартанских настроений, приведший к восстанию Тегеи и выходу ее из Пелопоннесского союза. Это восстание было связано с синойкизмом Тегеи и победой в ней демократического правления (Strab., VIII, 3, 2; Polyae., II, 10, 3)¹⁷. Аргос, возможно, не без участия Фемистокла, заключил союз с Тегеей (Hdt., IX, 35, 2; Paus., III, 11, 7; Strab., VIII, 6, 19). В это же время с помощью аргивян были осуществлены синойкизм и случилась победа демократии в Мантинее (Strab., VIII, 3, 2; ср.: Xen. Hell., V, 2, 7; Diod., XV, 5, 4; для конституции Мантинее см.: Thuc., V, 29, 1; Arist. Pol., VI, 2, 2, p. 1318 v 21)¹⁸. Антиспартанские настроения в Мантинее стали проявляться уже накануне Платейской битвы (Hdt., IX, 77).

Элида была для лакедемонян не менее ценным союзником, чем Коринф. Богатая сельскохозяйственная страна, она распоряжалась сокровищами храма Зевса Олимпийского и располагала большими денежными средствами. Однако в силу своего значения общегреческого Олимпийского центра она была открыта для внешних влияний

¹⁶ О демократии в Апроце: *Wörle M. Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte von Argos in V Jahr. v. Chr.* [Diss.] Erlangen, 1964. S. 7, 101 ff.; *Zambelli M. Per la storia di Argo // RFIC. 1971. T. 99. P. 148 sgg.*; также: *Forrest W. G. Themistocles...* P. 221 ff.

¹⁷ О синойкизме и восстании Тегеи в первой половине V в. до н. э. см.: *Hiller von Gaertringen F. Tegea // RE. Hbd. IX. 1934. Sp. 109 ff.*; *Forrest W. G. Themistocles...* P. 229; *Hejnic J. Pausanias the Perieget and the Archaic History of Arcadia. Praha, 1961. P. 107 ff.*

¹⁸ Относительно демократии в Мантинее: *Balte F. Mantinea // RE. Hbd. XXIX. 1930. Sp. 1318*; *Forrest W. G. Themistocles...* P. 226 ff.; *Hejnic J. Pausanias the Perieget...* P. 102, 107.

и в ней, как и в Мантинее, уже в конце Греко-персидских войн обнаружилось антиспартанские настроения среди определенной части граждан (Hdt., IX, 77). Поэтому не случайно, что Элида, подобно городам Аркадии, оказалась вовлечена в антиспартанское демократическое движение, во главе которого стоял Аргос. Вероятно, во второй половине 70-х гг. V в. до н. э. в Элиде установилось демократическое правление¹⁹. Источники свидетельствуют, что уже в 472 г. до н. э. число элланодиков выросло до 10 человек, причем каждый из них избирался от одной из 10 территориальных фил, которые также были организованы в это время. Очевидно, в качестве образца для своей конституции элейцы использовали модель афинской демократии. Вместе с тем необходимо учитывать и активную антиспартанскую деятельность Фемистокла, который оказывал помощь своим друзьям демократам как в Аркадии, так и в Элиде. Победа демократии в Элиде тесно связана с синойкизмом элейских общин, объединившихся в одно государство (Hdt., IV, 148, 4; Diod., XI, 54, 1; Strab., VIII, 3, 2).

Внутренние преобразования в Элиде вдохнули новую жизнь и сделали элейцев более активными в области внешней политики. Данные античной традиции свидетельствуют о том, что победившие элейские демократы начали расширять территорию Элиды на юг

¹⁹ Для демократии в Элиде см.: *Diod., XI, 54, 1*; *Paus., V, 9, 5*; *Hellan., FGH 4 F 113 (90) = Schol. Pind. Ol., III, 12 (22) a*; *Ναγροσ., s. v. ἔλλανόδικαι = Aristod., FGH 414 F 2 = Arist., fr. 492*. Ср. также элейские декреты V в. до н. э. из Олимпии, вырезанные на бронзовых табличках и раскрывающие некоторые особенности демократического правления в Элиде. В одном из них подчеркивается, что ответственность за проведение в жизнь постановления об уплате штрафов несут элланодики и Народное собрание (*Schwyzler E. Dialectorum graecorum exempla epigraphica potiora [DGE]. Leipzig, 1923. P. 409*; *Buck K. Greek Dialects. 2-nd ed. Boston, 1928. P. 57 ff.*). Две другие надписи указывают на решающую роль Совета и Народного собрания в Элиде, причем элейский Совет, как и афинский, состоял из 500 человек (DGE. P. 410 sqq.). О демократии в Элиде см. также: *Swoboda H. Elis // RE. Bd. V. 1905. Sp. 2391 ff.*; *Glötz G., Cohen R. Histoire grecque. T. II. P. 123 s.*; *Wickert K. Der peloponessische Bund von seiner Entstehung bis zum Ende der archidamischen Krieger. Erlangen, 1961. S. 67*; *Kagan D. The Outbreak... P. 54.*

до границ Мессении, стремясь покорить Трифилию. В это время наметилось сближение Элиды с Аргосом и аркадскими городами. Так сложилась антиспартанская коалиция, возглавляемая Аргосом. Активную роль в ее создании, по-видимому, сыграл и Фемистокл. Правда, Афины, где господствующее положение находилось в руках консервативно-аристократических кругов во главе с Киномом, отмежевались от действий Фемистокла и не вмешивались в дела Пелопоннеса. Более того, они вместе с лакедемонянами преследовали Фемистокла и заставили его, покинув пределы Пелопоннеса, искать убежище в Персии.

В сложившейся ситуации лакедемоняне применяли в отношении к восставшим союзникам насильственные меры так же, как и афиняне в Делосской симмахии (ср.: Thuc., I, 76, 1). Это лишний раз подчеркивает общность черт гегемониальных симмахий Пелопоннесского и Делосского союзов, лидеры которых — Спарта и Афины в целях сохранения и укрепления своего господства осуществляли в отношении своих союзников великодержавную имперскую политику. Совершив в конце 70-х гг. V в. до н. э. нападение на Тегею, лакедемоняне нанесли поражение объединенному войску тегеян и аргосцев (Hdt., IX, 35; Paus., III, 11, 7; Polyae., II, 10, 3; Simon, fr. 122)²⁰. Участвовали ли в этом сражении и другие члены антиспартанской коалиции, такие как Элида и Мантинейя, не известно. Однако эта победа Спарты не стабилизировала ее положение в Пелопоннесе. Вскоре против Спарты восстали все аркадские города, кроме Мантинейи. В середине 60-х гг. V в. до н. э. лакедемоняне нанесли сокрушительное поражение восставшим в битве у Дипеи (Hdt., IX, 35; Paus., III, 4, 7; VIII, 8, 6; Isocr., VI, 99; Polyae., I, 41, 1; ср.: Diod., XI, 65, 4)²¹. После этих побед положение Спарты в Пелопоннесе несколько укрепилось. Ей удалось предотвратить раскол в Пелопоннесской лиге и расстроить

²⁰Эту битву датируют между 472 и 470 г. до н. э. (Hammond N. G. L. *Studies in Greek Chronology*. .. P. 381; Wickert K. *Der peloponnesische Bund*... S. 55).

²¹К хронологии битвы у Дипеи см.: Бикерман Э. *Хронология древнего мира*. М., 1976. С. 194.

антиспартанскую коалицию. Элида и Мантинейя, хотя и имели демократический строй, остались членами Пелопоннесского союза. Однако их отношения с лакедемонянами носили достаточно натянутый характер. Не случайно, что после Никиевого мира они вновь вошли в антиспартанскую коалицию, возглавляемую Аргосом и Афинами (Thuc., V, 29, 1; 31, 1 sqq.). Так что утверждение исследователей, что Элида и Мантинейя оставались верными союзниками Спарты, отчасти преувеличено. Непокойным оставалось положение и в остальной Аркадии; в частности, тегеаты после поражения, которое они дважды терпели от Спарты, помогли аргивянам (Strab., VIII, 6, 19).

Аргос, подчинив своему господству значительную часть Арголиды, стал сильным соперником Спарты. В этой ситуации дальнейшее пребывание Фемистокла в Пелопоннесе чревато было для Спарты опасными последствиями. Поэтому лакедемоняне потребовали от афинян устроить суд над Фемистоклом (Diod., XI, 55, 4–8; ср.: Diod., 54. 2–5; Plut. Them., 23). Выдвигая это требование, обусловленное уже давно установившимися связями между олигархической группой эфоров и геронтов и аристократическими кругами Афин, лакедемоняне не ограничивались только выступлением против Фемистокла. Они, возможно, хотели возродить Эллинский союз и напомнить афинянам и их союзникам о своем могуществе. Для консерваторов в Афинах Фемистокл был врагом номер один, так что они с готовностью откликнулись на требование лакедемонян. Вместе с тем семена антиспартанской вражды, посеянные Фемистоклом, попали на благодатную почву и дали свои всходы.

Как уже отмечалось выше, ко второй половине 60-х гг. V в. до н. э. в Афинах выросли политическая активность и влияние радикальных слоев афинского демоса, демократические лидеры которых, унаследовав идеи Фемистокла, стремились к более решительному преодолению консервативных традиций во внутренней и внешней политике, сковывавших дальнейшее развитие афинской демократии и укрепление афинского могущества. Стали усиливаться антиспартанские настроения, и раздавались голоса о необходимости разрыва отношений

с лакедемонянами и борьбы за утверждение афинского господства в материковой Греции. В Спарте в рассматриваемое время также обнаружились тенденции к изменению характера ее внешней политики. Это было обусловлено укреплением позиции лакедемонян в Пелопоннесе и Пелопоннесском союзе и стремлением их противодействовать растущему могуществу афинян. Первым актом такого сопротивления, вероятно, и были тайные переговоры лакедемонян с восставшими фасосцами (Thuc., I, 101, 2). Но дальнейший рост внешнеполитической активности Спарты был прерван разрушительным землетрясением и так называемой третьей Мессенской войной.

3. Третья Мессенская война и разрыв афинско-спартанских отношений

Спарта была одним из государств Эллады, владевшим огромным количеством рабов, во много раз превосходившим число свободных граждан (Hdt., IX, 28). В то время как в других греческих полисах рабы доставлялись извне и потому рабство было гетерогенным, в Спарте рабы были местного происхождения и говорили на одном языке. Спартанская илотия, как уже отмечалось, возникла в результате завоевания спартиатами соседних территорий, сначала в Лаконике, а затем в Мессении, и была своеобразным разрешением социального кризиса, прежде всего земельного «голода». Став обладателем огромного количества рабов, спартанское государство должно было считаться с тем, что они были относительно организованы. Приписанные государством к определенным спартанским наделам, они жили отдельными поселками, и спартиаты должны были всегда быть готовыми пресечь поднимавшиеся среди илотов мятежи. Поэтому политика Спарты в Пелопоннесе предусматривала не только утверждение спартанской гегемонии, но и недопущение восстаний илотов. Положение лакедемонян было всегда критическим, когда нарушалось единство Пелопоннесского союза. Прочность Пелопоннесской лиги и непоколебимость в ней спартанской гегемонии гарантировали полное подчинение илотов. Поэтому пассивность или

активность внешней политики Спарты зависела главным образом от ее положения в Пелопоннесе.

Положение илотов в государстве лакедемонян в некоторых аспектах было более тяжелым, чем положение рабов в других греческих полисах. Огромное число илотов и их способность быстрого объединения против господ побуждала Спарту к жестокому обращению с ними, вплоть до физического уничтожения наиболее мятежных среди них (так называемые криптии). Именно поэтому, а также ввиду специфического положения илотов (их этническая общность, совместная территория проживания, самостоятельное ведение хозяйства, сознание принадлежности к эллинам) нигде в Греции, кроме Пелопоннеса, в архаический и классический периоды не известны такие грандиозные восстания рабов, которые по своим масштабам были в действительности рабскими войнами. Конечно, в отношении лакедемонян к рабам можно обнаружить известную дифференциацию, например, илоты лаконского происхождения, возможно, имели некоторые привилегии, но в целом положение илотов было настолько несносным, что они всегда искали удобного случая, будь-то военная слабость Спарты или стихийные бедствия, чтобы отомстить своим господам.

Восстание илотов в Спарте, получившее название третьей Мессенской войны, непосредственно связано с грандиозным землетрясением, о котором сообщают многие античные авторы (Thuc., I, 101, 2; Diod., XI, 63, 1—3; 65, 4; Plut. Cim., 16, 4-6; Paus., I, 29, 8; IV, 24, б)²².

Согласно Диодору, землетрясение случилось в 469 г. до н. э. (Diod., XI, 63, 1). По сведениям же других источников (Thuc., I, 101, 2; Plut. Cim., 16; Paus., IV, 24, 5; Schol. Aristoph. Lysistr., 1142; Aelian, VI, 7; Polyae., I, 41, 3), оно произошло в 465/4 г. до н. э. Эта последняя

²² К дискуссии о третьей Мессенской войне см.: Ziehn L. *Das spartanische Bevölkerungsprobleme* // *Hermes*. 1933. Bd. 68. S. 218 ff.; French A. *The Sparta's Earthquake* // *GR*. 1955. Vol. 2. P. 108 ff. (особенно: P. 112 f.); Ehrenberg V. *From Solon to Socrates*. London, 1967. P. 198; Oliva P. *Sparta and her Social Problems*. Prague, 1971. P. 152 ff.; Старкова Н. Ю. К вопросу о хронологии 3-й Мессенской войны // *Проблемы историографии всеобщей истории*. Петрозаводск, 1991. С. 4 ff.

дата признана большинством исследователей. О катастрофических последствиях землетрясения сообщают только поздние авторы (Диодор и Плутарх). Так что современные исследователи относятся к их детальным описаниям того положения, в котором оказалась Спарта, скептически. Однако даже если признать эти описания преувеличением, тем не менее бесспорно то, что землетрясение принесло спартиатам неисчислимы бед, послужив удобным поводом для начала грандиозного восстания рабов.

Источники сообщают противоречивые сведения о начале и конце восстания²³. Фукидид связывает восстание илотов и периеков и укрепление их на горе Ифоме с землетрясением, которое произошло в 465/4 г. до н. э. (Thuc., I, 101, 1 sq.; ср.: Thuc., I, 128; Diod., XI, 63, 1—4). Диодор считает датой начала восстания 469/8 г. до н. э., когда в Спарте случились большие землетрясения (Diod., XI, 63, 1—4). Схолиаст к Аристофану (Schol. Aristoph. Lysistr., 1144) также связывает восстание с землетрясением и помещает его в 468/7 г. до н. э. Павсаний, стараясь точно датировать землетрясение и восстание, пишет, что они имели место во время 79 Олимпиады, когда Ксенофонт из Коринфа одержал победу в беге (Pind. Ol., XIII; Diod., XI, 70, 1; Dion. Hal., IX, 61), а архонтом в Афинах был Архимид (Paus., IV, 24, 5), т. е. в 464/3 г. до н. э. Эту же дату указывает и Плутарх (Plut. Cim., 16).

Сведения источников далеко не единодушны и в вопросе, касающемся времени завершения восстания. Фукидид отмечает, что ифомцы на десятом году войны сдались лакедемонянам на условии, что покинут Пелопоннес, а афиняне приняли их и поселили в Навпакте, который они незадолго перед этим отняли у локров озольских (Thuc., I, 10, 4). Это событие произошло около 456/5 г. до н. э.

Таким образом, 456/5 г. до н. э. — это не дата конца Мессенской войны, а время поселения в Навпакте

²³ О спорах на эту тему в современной научной литературе см. Старкова Н. Ю. К вопросу. .. С. 4 слл.

отпущенных лакедемонянами мессенцев²⁴. С восстанием же, вероятно, было покончено несколько раньше.

Диодор (Diod., XI, 64, 4) также замечает, что война с восставшими длилась 10 лет. Поскольку начало восстания он относит к 469/8 г. до н. э. (Diod., XI, 64, 1—4), то, казалось бы, согласно его замечанию оно должно было завершиться в 460/59 г. до н. э. Однако в другом месте (Diod., XI, 84, 7 sq.) он делает вывод, что восстание окончилось в 456/5 г. до н. э. Это противоречие, по-видимому, объясняется тем, что Диодор не совсем понял смысл сообщения Фукидида о поселении мессенцев в Навпакте, тем более что, по «Афинской политике», приписываемой Ксенофону (Ps.-Xen. Ath. Pol., III, 1), разгром мессенян имел место в 456/5 г. до н. э. у Танагры, т. е. перед 458/7 г. до н. э. (ср.: Hdt., IX, 35; Paus., II, 11, 7)²⁵.

Общий вывод, который можно сделать, рассмотрев данные источников, заключается в следующем. Спарта претерпела несколько землетрясений (Diod., XI, 63, 1; ср.: Paus., VII, 25, 3). Наиболее разрушительным было землетрясение 465/4 г. до н. э. Эти землетрясения и явились благоприятным условием для восстания, первые очаги которого возникли еще до 464/3 г. до н. э. (Diod., XI, 63, 4; Schol. Aristoph. Lysistr., 1137—1144; Polyae., I, 41, 3) 26. Однако своего апогея восстание достигло в 464/3 г. до н. э., когда мессенцы и часть периеков закрепились в труднодоступных местностях и представляли для лакедемонян большую угрозу, ибо была опасность присоединения к восставшим других илотов и периеков и объединения их с некоторыми мятежными союзниками

убедительные доказательства
(Hammond N. G. L. Studies in Greek Chronology... P. 381).

²⁵ По поводу дискуссии о падении Ифомы и завершении восстания см.: Scharf J. Nocheinmal Ithome // Historia. 1954. Bd. 3. S. 153 ff.; Hammond N. G. L. Studies in Greek Chronology... P. 371 ff.; Seatey R. The Great Earthquake in Lacedaemon // Historia. 1957. Bd. 6. P. 368 ff.; Reece D. W. The Date of the Fall of Ithome // JHS. 1962. Vol. 82. P. 111 ff.; Старкова Н. Ю. К вопросу. .. С. 4 слл.

²⁶ Сражения с восставшими до того, как они закрепились на Ифоме, происходили в самом начале восстания (Diod., XI, 63, 5; 64, 1; Plut. Cim., 16; Polyae., I, 41, 3), кроме того, у Стениклара, города в Мессении (Hdt., IX, 622) и у Истма (Hdt., IX, 35; Paus., III, 11, 8).

лакедемонян. Вероятно, в тексте у Фукидида нет ошибки, и третья Мессенская война длилась действительно 10 лет, закончившись накануне битвы у Танагры падением Ифомы. После этого лакедемоняне одних восставших казнили, других отпустили на основании договора (их и поселили афиняне в Навпакте в 456/5 г. до н. э.), остальных возвратили в рабское состояние (Diod., XI, 84, 7 sq.).

Восстание илотов явилось для Спарты тяжелейшим испытанием, но выдержала она его успешно. Очевидно, в данном случае позитивную роль сыграло то, что лакедемонянам удалось предотвратить раскол Пелопоннесского союза и укрепить в нем свое господство. Это удержало аркадян от присоединения к восставшим. Кроме того, Спарта могла воспользоваться помощью союзников (Thuc., I, 102, 2; II, 27, 2; Xen. Hell., VI, 2, 3). Существует достаточно обширная традиция об афинской помощи лакедемонянам (Thuc., I, 102, 1 sq.; Plut. Cim., 6-17; Diod., XI, 64, 2; Aristoph. Lysistr., 1137—1144; Ps.-Xen. Ath. Pol., III, 11; Paus., I, 29, 8; IV, 24, 6; Just., III, 6, 2). При этом специального рассмотрения заслуживает сообщение Плутарха об обращении спартанцев за помощью в Афины.

Уже начало его рассказа указывает на то, что Плутарх, вероятно, использовал материал местной хроники, да и землетрясение, которое он описал, относилось к числу явлений, фиксировавшихся хронистами весьма тщательно. Обычно они рассказывали о подобных явлениях более подробно, сообщая также параллельные сведения о событиях, тесно с ними связанных. Кроме того, рассказ Плутарха свободен от общих рассуждений и содержит только изложение конкретных фактов.

Об этом первом обращении спартанцев в Афины, когда восстание только началось и предстояло отразить натиск илотов, по-видимому, говорит и Аристофан в Лисистрате (Aristoph. Lysistr., 1137 sq.). Характеризуя прибытие спартанского посла Периклида, Аристофан рисует вполне реальную картину катастрофического положения лакедемонян. Текст Аристофана завершается утверждением, что Кимон вместе с 4 тыс. гоплитов спас Лакедемон (см. также: Schol. Aristoph. Lysistr., 1137—1144 = Philoch. Arg., 117; ср.: Diod., XI, 64, 2).

Важно также отметить и те обстоятельства, при которых афиняне приняли решение оказать помощь Спарте. Ситуация в Афинах к моменту прибытия Периклида была довольно сложной. Позиция Кимона уже стала колебаться, хотя он и отразил выдвинутые против него обвинения. В начале 60-х гг. V в. до н. э. часть граждан, подстрекаемая такими политическими лидерами, как Эфиальт, стала занимать все более радикальные позиции и проявлять антиспартанские настроения. Вместе с тем обращение спартанцев в Афины и ответ афинян нуждаются в более глубоком объяснении. В самом деле, чем объяснить столь унижительное и плачевное состояние спартанского посла Периклида и жестокую, лишенную всякого сострадания позицию Эфиальта (Plut. Cim., 16)? Очевидно, недостаточно только указать на опасность спартанского положения и имперские настроения определенной части афинян. Несомненно, Аристофан подразумевал какие-то действия лакедемонян, вследствие которых они чувствовали себя виновными перед афинянами, а афинские граждане из-за этого были очень разгневаны на спартанцев. Вероятно, подразумевались тайные переговоры лакедемонян с восставшими фасосцами, ставшие известными в Афинах. Кимону стоило колоссального труда убедить афинян проявить благоразумие и оказать помощь спартанцам. Убеждая граждан, Кимон отстаивал идею афинско-спартанского дуализма, требуя от афинян не посягать на интересы Спарты. Хотя ему удалось на этот раз отстоять свою позицию, события показывали, что среди афинских граждан эта идея уже переставала себя оправдывать.

Итак, после бурных дебатов Народное собрание афинян санкционировало отправление на помощь лакедемонянам гоплитов во главе с Кимоном. По-видимому, эта экспедиция была организована вскоре после 465 г. до н. э. В пользу этой даты говорят и гнев Эфиальта, вызванный, вероятно, антиафинскими действиями лакедемонян, и начавшиеся в это время распри между Коринфом и Мегарамии. Второй раз (около 462 г. до н. э.) Спарта обратилась за помощью в Афины, когда восставшие илоты и перизки

укрепились на Ифоме. Сообщение об этом нашло более широкое отражение в античной традиции, поскольку с ним связаны такие важные для всей последующей греческой истории события, как разрыв афинско-спартанских отношений и начало так называемой первой Пелопоннеской войны.

К сожалению, источники не сообщают, почему лакедемоняне вскоре отказались от помощи афинян и потребовали удаления афинского контингента из Пелопоннеса²⁷. Принимая во внимание общие условия времени, характеризующиеся развитием демократических тенденций в Афинах и усилением афинско-спартанских противоречий, можно думать, что в отряде Кимона было немало афинян, являвшихся сторонниками политики Эфиальта, да и сам Кимон должен был соответствующим образом реагировать на новые внешнеполитические проблемы, вставшие перед афинянами, — об отношении к Аргосу и коринфско-мегарскому конфликту. Поэтому лакедемоняне могли относиться к афинянам с подозрением, тем более что основания для этого у них были.

Лакедемоняне, согласно Фукидиду, обратились к афинянам за помощью, считая их искусными в осаде укреплений. Но так как осада затянулась, то у спартанцев возникло сомнение в том, что афинянам либо недостает искусства, либо они затягивают осаду умышленно. В результате лакедемоняне отказались от их помощи и потребовали удаления из Пелопоннеса. Между тем, поскольку эта политическая акция Спарты имела столь решающее значение для греческой истории, она нуждается в более обстоятельном комментарии. Исследователи, интерпретируя рассматриваемые события, как правило, акцентируют внимание на активной позиции афинян, подчеркивая, что они разорвали отношения со Спартой, заключили союзные соглашения с ее злейшими врагами — Аргосом и Фессалией и начали борьбу за утверждение своей так называемой сухопутной империи. Спарта же обычно остается в тени и ей отводится пассивная роль.

²⁷ К дискуссии на эту тему см.: *Bloedow E. Why did Sparta Rebuff the Athenians of Ithoma in 462 B. C. // AHR. 2000. Vol. 14. P. 89 ff.*

Подобная трактовка хотя отчасти и подтверждается данными Фукидида и других источников, тем не менее является односторонней. Нельзя забывать, что эти события, наряду с другими, Фукидид подчиняет своей конкретной цели — доказать, какие обстоятельства способствовали усилению могущества афинян и каким образом организовалась Афинская держава (Thuc., I, 89, 1; 97, 2). Если же афинско-спартанские отношения этого времени рассматривать, абстрагируясь от этой заданной Фукидидом темы, то возникает несколько иная картина. В действительности необходимо подчеркнуть активную позицию именно лакедемонян, ибо, потребовав удаления афинского военного контингента, прибывшего по их же просьбе, они тем самым становились инициаторами разрыва отношений с Афинами. Действия афинян носили ответный характер. Ввиду этого и последовавший затем остракизм Кимона был обусловлен отчасти тем, что отстаиваемая им политика сохранения дружественных отношений со Спартой была отвергнута фактически самими спартанцами.

Иными словами, необходимо сказать, что в начале 60-х гг. V в. до н. э. не только в Афинах окрепли новые политические силы, способные радикально изменить внутреннюю и внешнюю политику государства, но и спартанские власти отнюдь не стремились занимать пассивную позицию и быть в стороне от общегреческой политики, особенно когда решался вопрос о гегемонии в Элладе. Спарта все более начинала понимать, что сохранить и упрочить свое господство в Пелопоннесе и в центральной Греции можно, только подтвердив свое право считаться простотой эллинов.

По-видимому, активизация спартанской внешней политики в значительной степени связана с приходом к власти спартанского царя Архидама. Популярность к нему пришла уже в первые годы его правления. Под его руководством спартиаты разбили в битве у Дипеи восставших аркадян (Polyaen., I, 41, 1). Возможно, Архидам навел порядок в Коринфе, где возникла борьба между богатыми и бедными (Polyaen., I, 41, 2). Во время землетрясения он не только спас определенную часть граждан, выведя их

из разрушенного города, но и организовал их для отпора восставшим илотам (Plut. Cim., 16, 4; Diod., XI, 63, 5—64, 1; Polyae., I, 41, 3). Фукидид отмечает, что Архидам славился пронциательностью и благоразумием (Thuc., I, 79, 2). Обычно Архидам, в отличие от эфора Сфенелаида, рассматривают как противника войны с Афинами и лидера так называемой мирной партии в Спарте. Однако это не совсем так. Речь Архидам в спартанском Народном собрании в 432 г. до н. э. вовсе не была направлена против войны. Он отстаивал лишь более благоразумную позицию, требовал не спешить с войной, а как следует и во всех отношениях к ней подготовиться (Thuc., I, 80—85). Такой совет он давал на основании ведения прежних войн (Thuc., I, 80, 1), поэтому можно думать, что и накануне, в ходе так называемой первой Пелопоннесской войны, своеобразие и характер спартанской внешней политики были обусловлены влиятельной позицией этого царя.

С его именем, вероятно, была связана и реорганизация спартанской армии²⁸, вызванная, видимо, последствиями землетрясения, так как в результате потери части граждан спартиаты стали использовать в качестве гоплитов часть перизков. Вместо прежнего построения армии по обам (Hdt., IX, 10; 11; 53; 57) теперь спартанское войско делилось на моры. Впервые это новое построение зафиксировано Фукидидом в битве при Мантинее (Thuc., V, 66, 3—67, 1; 68). По его сообщению, лакедемонское войско имело следующую структуру. Во главе стоял царь, далее, согласно рангу, шли полемархи (командующие морями), лохаги (начальники лохов), пентекостеры и эномотархи (Thuc., V, 66, 3). Число воинов в подразделении и, соответственно, число самих подразделений в спартанской армии варьировалось (ср.: Thuc., V, 68, 3; Xen. Lac. Pol., 11, 4). В это же время Спарта в целях укрепления господства в Пелопоннесе ввела официальных должностных лиц — ξεναγοί, которые осуществляли контроль над союзными контингентами.

²⁸О спартанской армии см.: *Toynbee A. Some Problems of Greek History. London, 1969. P. 152 f.*; *Lazenby J. F. The Spartan Army. Chicago, 1985.*

Итак, своеобразие внешней политики Спарты в 70—60-е гг. V в. до н. э. заключалось в том, что она, обеспечив порядок в Пелопоннесе и укрепив свое господство в Пелопоннесской лиге, стала снова проявлять более энергичный интерес к общегреческим делам, пытаясь подтвердить свою роль гегемона эллинов. Исходя из этих целей, лакедемоняне пообещали фасосцам оказать помощь в их борьбе с афинянами. Землетрясение и восстание илотов лишь временно задержало дальнейшее осуществление подобной политики. По крайней мере, события конца 60-х гг. V в. до н. э. и удаление афинского вспомогательного контингента во главе с Кимоном из Пелопоннеса показали, что отказываться от этого внешнеполитического курса Спарта не намеревалась.

Глава IV

Первая Пелопоннесская война и возникновение Афинской империи

1. Особенности внешней политики Спарты и Афин в первый период войны 460/59—456/55 гг. до н. э.

Выяснив особенности трансформации Делосской симмахии в Афинский морской союз, а также причины отхода Спарты и Афин от политики дуализма в конце 60-х гг. V в. до н. э. и разрыва афинско-спартанских отношений, мы переходим к рассмотрению содержания понятий «Афинская империя» и «афинская имперская политика».

Несмотря на то что понятие «Афинская империя», как уже отмечалось во Введении, широко применяется в западной историографии, ученые, избегая употребления термина «империя», обычно используют применительно к Афинам понятия «морская держава», «архэ»¹. Главный аргумент, который часто приводят в данной

¹ Паршиков А. Е. Исследования по истории афинской морской державы / МГЗПИ. М., 1976. Деп. в ИНИОН АН СССР 02. 12. 1976. № 1044; Кондратьев М. В. Архэ и афинская демократия // Античная Греция. Ч. I. М., 1983. С. 327 слл.

связи, заключается в утверждении, что под империями в древности обыкновенно понимают большие территориальные государственные образования конгломератного типа с монархической властью (например, Персидская или Римская империи). Кроме того, употребление терминов «Афинская империя», «афинский империализм» считают модернизацией.

Однако, на наш взгляд, само употребление современных терминов для характеристики некоторых процессов в древности не ведет к ее модернизации, если не пытаться переносить в древность современное социально-экономическое и политическое содержание этих понятий. Задача состоит в выявлении значения понятий «Афинская империя» и «афинский империализм» применительно к конкретным историческим условиям существования Афинского морского союза в середине V в. до н. э. Эти термины более точно отражают сущность тех процессов, которые происходили в Афинах и в возглавляемом ими союзе.

Вместе с тем, исходя из признания нелинейного пути общественного развития, мы полагаем, что в античности, так же как и в современных условиях, действуют общие законы человеческих отношений, которые, своеобразно преломляясь на каждом из этапов истории, приводят к сходным, но не адекватным процессам. Мы считаем, что Фукидид близок к истине, утверждая, что «минувшее в силу свойств человеческой природы может повториться когда-либо в будущем в том же самом или подобном виде» (Thuc., I, 22, 4).

Поэтому, как в современном мире не всегда империей называют только централизованные территориальные государства с монархической императорской властью (известны колониальные империи — английская, французская и др.), так и в связи с древностью необязательно употреблять термин «империя» и все другие от него производные только в узко ограниченном смысле. Ведь обнаруживаем же мы в греческой колонизации и европейской сходные черты, хотя, несомненно, содержание той и другой во многом различно. Так почему же не признать и возможность сходных конечных результатов

колонизации в том и другом случае? По крайней мере, сравнительный анализ межполисных отношений до Греко-персидских войн и после победы над персами позволяет утверждать, что в середине V в. до н. э. сложились наиболее благоприятные условия для возникновения афинской колониальной империи. На смену полицентрической структуре, отличавшейся существованием большого числа независимых полисов, проводивших самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику до Греко-персидских войн, после победы над персами возникла структура дуалистическая, характеризовавшаяся противостоянием двух военно-политических блоков, возглавляемых двумя наиболее могущественными полисами Эллады — Спартой и Афинами.

Точно обрисовал эту ситуацию Фукидид, отметив, что вскоре после отражения персов общими силами эллины, как те, что отложились от персидского царя, так и те, которые воевали вместе, разделились между афинянами и лакедемонянами. И те, и другие действительно оказались наиболее могущественными: лакедемоняне сильны были на суше, афиняне — на море (Thuc., I, 18, 2). В этой ситуации возникший после Греко-персидских войн Афинский морской союз, как гегемониальная симмахия, имел тенденцию превратиться в афинскую колониальную морскую империю. Эта тенденция была обусловлена как внутривнутриполитическим развитием Афин к середине V в. до н. э, так и особенностями их внешней политики.

Эволюция развития афинской демократии, о чем подробно рассказывалось в первой главе, подготовила социальную почву для возникновения Афинской империи. К середине V в. до н. э. в Афинах выросла политическая активность части демоса, слабо или почти не связанного с землевладением (торговцы, ремесленники, моряки и т. д.). Поэтому, когда Перикл выдвинулся на передний план среди демократических лидеров, в афинском государстве уже появился значительный процент граждан, заинтересованных в усилении эксплуатации союзников, а сам афинский полис все более стал испытывать нужду в регулярно пополняемом источнике доходов. Большая часть должностей в Афинах, в том числе и таких

высоких, как архонты, стала замещаться по жребию. К занятию должности архонтов были допущены представители третьего социального разряда — зевгиты. Чрезмерно расширился гражданский коллектив, причем удельный вес городского населения в нем был гораздо выше сельского. Немаловажной причиной этого были опустошительные войны и вторжения персов в Аттику, разорение крестьянских хозяйств.

Это привело к тому, что к активному участию в политической жизни стали привлекаться граждане мало или совсем необеспеченные. Только гелиэя при Перикле представляла собой большой отряд афинских судей (6 тыс. чел.), авторитет которых все более укреплялся, потому что они разбирали не только тяжбы афинян, но и чаще и чаще союзников. Все это вызывало объективную необходимость введения оплаты должностных лиц, прежде всего судей. Однако для этого не могло хватить средств, получаемых из внутренних источников доходов и за счет военной добычи.

Способствовала трансформации Афинского морского союза в империю и эволюция внешней политики Афин. Вскоре после битвы при Эвримедонте в ней становится господствующей антиспартанская направленность, причем теперь главной внешнеполитической целью афинян было достижение гегемонии в Элладе. Фукидид отмечает, что «разделенные враждою лакедемоняне и афиняне вместе со своими союзниками воевали друг против друга, а остальные эллины в случае, если им приходилось где-либо враждовать между собою, стали присоединяться или к афинянам, или к лакедемонянам» (Thuc., I, 18, 3). Вместе с тем укреплявшаяся городская структура афинского полиса требовала расширения торговых и экономических связей, установления контроля над путями, ведущими к главным источникам зерна и сырьевых ресурсов. Это также побуждало Афины к реформированию морского союза и усилению в нем афинского господства.

Рассматривая трансформацию Афинского морского союза в Афинскую империю, необходимо дать оценку возникшей в 60-е гг. XX в. дискуссии о датировке этого процесса. Под влиянием взглядов американского

эпиграфиста Маттингли в названные годы стали пересматривать хронологию афинских надписей V в. до н. э., имеющих отношение к афинской внутрисоюзной политике, традиционная датировка которых колеблется в пределах 50—40-х гг. V в. до н. э., и отодвигать ее к 20-м гг. V в. до н. э., считая, что о трансформации Афинского морского союза в империю можно говорить применительно ко времени Пелопоннесской войны и правления Клеона². Недостаточная убедительность подобных выводов обусловлена уязвимостью не только с эпиграфической точки зрения, но и несогласованностью с данными исторической традиции, подтверждающими, что начало формирования Афинской империи относится к середине V в. до н. э.³

Вместе с тем некоторые исследователи, хотя и соглашались с традиционной датировкой афинских декретов V в. до н. э. и тем самым признают, что Афинская империя сложилась до начала Пелопоннесской войны, тем не менее склоняются к мысли о том, что сильный афинский империализм развился только после смерти Перикла и ассоциируют его с Клеоном и его преемниками⁴. Это признание Афинской империи без имперской политики или отнесение ее возникновения ко времени Пелопоннесской войны обусловлено, во-первых, не преодоленной до конца идеализацией афинской демократии при Перикле, во-вторых, ошибочным, как нам представляется,

² *Mattingly P. D.* 1) *The Growth of Athenian Imperialism // Historia.* 1963. Bd. 12. P. 257; 2) *Periclean Imperialism // Ancient Society and Institutions. Studies Presented to V. Ehrenberg on his 75th Birthday.* Oxford, 1966. P. 193 ff.; 3) *The Athenian Coinage Decree // Historia.* 1969. Bd. 10. P. 148 ff.; 4) *Formal Dating Criteria for Fifth Century Attic Inscriptions // Acta of the Fifth International Congress of Greek and Latin Epigraphy.* Oxford, 1971. P. 27 ff.; 5) *Epigraphy and the Athenian Empire // Historia.* 1992. Bd. 141. P. 129 ff.; *Meister R.* *Die Ungeschichtlichkeit des Kalliasfriedens und deren historische Folgen.* Wiesbaden, 1982. S. 101 ff.

³ *Meritt B. D., Wade-Gery H. T.* *The Dating of Documents to the Mid-Fifth Century // JHS.* 1962. Vol. 82. P. 67 ff.; *Meiggs R.* 1) *The Dating of Fifth Century Attic Inscriptions // JHS.* 1966. Vol. 86. P. 86 ff.; 2) *The Athenian Empire.* Oxford, 1972; *Ostwald M.* *Athens and Chalkis: A Study in Imperial Control // JHS.* 2002. Vol. 122. P. 134 ff.

⁴ *Meiggs R.* *The Dating...* P. 86 ff.; *Schuller W.* *Die Herrschaft der Athener im ersten attischen Seebund.* Berlin, 1974. S. 175 ff.

постулатом о том, что афинский империализм был следствием Пелопоннесской войны, разразившейся в 431 г. до н. э. Мы же, опираясь на соответствующую интерпретацию данных Фукидида и других источников, в том числе и эпиграфических, считаем, что именно Пелопоннесская война была закономерным результатом имперской политики как Афин, так и Спарты, достаточно отчетливо проявившейся в период первой конфронтации между ними в 460—445 гг. до н. э., которая получила название первой Пелопоннесской войны. Другая дискуссия, тесно связанная с первой и достигшая своего накала также в 60-е гг. XX в, касается проблемы популярности или непопулярности среди союзников Афинской империи. Начало этой дискуссии положил своей статьей де Сент-Круа⁵, доказывающий, что отношение к афинскому господству среди союзников было в основном благожелательным, а те восстания, о которых мы знаем, были спровоцированы главным образом персидскими ставленниками либо немногими (ολίγοι) олигархически настроенными силами и имели случайный характер. И здесь, как мы видим, наблюдается тенденция к идеализации отношений внутри Афинской империи.

Учитывая все это, мы проанализируем в данной главе содержание афинско-спартанских отношений в 50—40-е гг. V в. до н. э., рассмотрим комплекс мероприятий, характеризующих процесс трансформации Афинского морского союза в Афинскую империю, выделим его основные этапы, а также выясним роль Перикла в осуществлении этой политики и отношение к ней союзников.

Современные ученые пересматривают традиционный взгляд на возникновение первой Пелопоннесской войны, основывающийся на гипотезе о про- и антиспартанской партиях в Афинах и мирной военной партиях

⁵ *Ste Croix G. E. M. de.* 1) *The Character of the Athenian Empire // Historia.* 1954. Bd. 3. P. 1 ff.; 2) *The Origins of the Peloponnesian War.* Ithaca; London, 1972. P. 34. ff. К дискуссии о популярности Афинской империи см.: *Bradeen D. W.* *The Popularity of the Athenian Empire // Historia.* 1960. Bd. 9. P. 257 ff.; *Piekert H. W.* *Thasos and the Popularity of the Athenian Empire // Historia.* 1963. Bd. 12. P. 70 ff.; *Quinn T. J.* *Thucydides and the Unpopularity of the Athenian Empire // Historia.* 1964. Bd. 13. P. 257 ff.

в Спарте⁶. Действительно, такого рода концепция страдает упрощенным подходом к решению сложных вопросов и нередко искажает подлинный характер событий. Однако невозможно согласиться и с противоположным мнением, согласно которому эта война явилась лишь результатом непримиримой вражды Коринфа и Эгины с Афинами⁷. В этом случае авторы подчеркивают только ее формальную причину. Между тем война — это явление социально-политическое, а потому внешнюю политику Афин и Спарты необходимо рассматривать в тесной связи с внутривнутриполитическими и экономическими отношениями в этих полисах.

Кроме того, первая Пелопоннесская война не ограничивалась только враждой Коринфа и Эгины с Афинами. Она представляла собой конфликт между двумя военно-политическими блоками, сложившимися к концу 60-х гг. V в. до н. э., которые возглавляли Спарта и Афины. По мнению Фукидида, вражда между лакедемонянами и афинянами привела к тому, что они вместе со своими союзниками стали воевать друг против друга (Thuc., I, 107—115). Фукидид также дает представление о социально-экономической и политической подоплеке этой вражды (Thuc., I, 80-85; 141-144; IV, 9, 36-45). Он отмечает, что пелопоннесцы живут трудами своих рук и у них нет денег ни частных, ни общественных, так что они не способны вести продолжительные войны и особенно вдали от Пелопоннеса. Между тем войны ведутся не столько на взносы, выколачиваемые силой, сколько на готовые средства и, как правило, носят затяжной характер (Thuc., I, 141, 2-5; II, 80, 2, 4; 6).

В самом деле, граждане большей части пелопоннесских полисов были мелкими крестьянами-землевладельцами, которые главным образом собственным трудом

⁶ Критическое высказывания в адрес этой концепции см.: Sealey Я. A History of the Greek City-States ca 700 — 338 B. C. Berkeley, 1976. P. 262 ff. Однако: Kagan D. The Outbreak of the Peloponnesian War. London, 1969. P. 77 ff. Сент-Круа, характеризуя внутреннюю и внешнюю политику Спарты и Афин, говорит о борьбе «ястребов» и «голубей» (De Ste Croix C. E. M. de. The Origins... P. 263 ff.).

⁷ Sealey R. A History... P. 263 ff.

при участии нескольких рабов обрабатывали свои наделы и выращивали хлеб. Пелопоннес в отличие от Аттики не был опустошен и разорен персами. Поэтому война не внесла существенных изменений в установившийся с древности уклад жизни пелопоннесских крестьян. Во время военных действий они становились гоплитами, но не могли надолго отрываться от земли. Из всех пелопоннесских государств только Спарта отличалась другими условиями. Здесь граждане не были привязаны к земле, ибо их наделы обрабатывали государственные рабы — илоты. Спартиаты имели больше свободного времени, которое тратили на военные тренировки, могли предпринимать военные походы в любое время и участвовать в длительных военных кампаниях. Это и обеспечивало Спарте ведущее положение в Пелопоннесе. Однако возможности лакедемонян были ограничены, так как они не располагали собственным военным флотом, не имели наличных средств, ибо сами не чеканили монету, не взимали налог с членов Пелопоннесского союза и, следовательно, должны были координировать свои действия с желаниями и способностями союзников осуществлять те или иные общие внешнеполитические акции.

В экономическом отношении члены Пелопоннесского союза были далеко не однородны. Коринф со своими колониями, Мегары, Сикион, Пеллена, Элида, поставлявшие корабли в общесоюзный флот, были более или менее развитыми торгово-ремесленными центрами. Другие полисы, в том числе Спарта, были земледельческими государствами. Поэтому экономические и политические цели пелопоннесцев не всегда совпадали. Это, как указывает Фукидид, вносило определенный диссонанс в действия Пелопоннесской лиги (Thuc., I, 40, 7).

В большинстве пелопоннесских государств господствовала олигархическая форма правления, и спартанцы, насколько было в их силах, препятствовали установлению в них демократий (Thuc., I, 19). Пелопоннесские полисы, и прежде всего сама Спарта, отличались консервативностью общественных отношений, требующей неукоснительного подчинения традиционным законам

и обычаям (Hdt., VII, 104; Xen. Lac. Pol., 8, 1—5); замкнутостью и подозрительностью, что особенно подчеркивает Фукидид (Thuc., I, 144, 2; II, 39; V, 68, 1 sq.); высокой ролью государства и его институтов, стоящих на страже существующего порядка. Своеобразие общественных отношений в Спарте и в некоторых пелопоннесских государствах было обусловлено тем, что здесь преобладала общинная и государственная собственность. Движимая и недвижимая частная собственность и связанное с ней более свободное развитие товарно-денежных отношений обнаруживались в большей части пелопоннесских полисов менее ярко, чем в Афинах и в других греческих государствах⁸.

Афинский морской союз, окончательно оформившийся в 70—60-х гг. V в. до н. э., объединял приморские и островные полисы, являвшиеся главным образом торговыми центрами. Граждане городов Афинского морского союза, и особенно граждане Афин, не были до такой степени привязаны к земле, как пелопоннесцы. Аттика всегда нуждалась в привозном хлебе. Однако после Греко-персидских войн доставка хлеба и продовольствия стала основной задачей афинской государственной политики. Это было обусловлено тем, что вследствие опустошения и разорения территории Аттики персами значительная часть населения, потеряв связь с землей, переселилась в город. Этому также способствовали и демократические преобразования Фемистокла. Так что неудивительно, что в 70—60-е гг. V в. до н. э. в Афинах стал быстро расти процент городского населения, особенно низших и средних слоев демоса. Подобная ситуация в той или иной степени была характерна и для других городов, как островных, так и приморских, враждебно относившихся к персам и ставших впоследствии членами Делосской лиги. Поэтому потребность обеспечения городского населения хлебом и продовольствием становилась главной целью внешней политики Афин.

⁸ Хэммонд обнаруживает черты спартанской системы и в других дорийских полисах (Hammond N. G. L. *The Classical Age of Greece*. London, 1975. P. 19 ff.).

В силу географических и исторических условий в городах Афинского морского союза, прежде всего в Афинах, наметилась тенденция к более быстрому, чем в Пелопоннесе и в некоторых других греческих государствах, развитию частной собственности и товарно-денежных отношений⁹. Этот процесс особенно был ускорен по отмеченным выше причинам после Греко-персидских войн. В результате ремесло, торговля и мореплавание в V до н. э. составляли основу экономической жизни Афин и большинства их союзников¹⁰. Это способствовало процессу демократизации общества, росту политического влияния части гражданского населения, которая не была связана с землей (ремесленники, торговцы, моряки), и утверждению в ряде городов Афинского морского

⁹ Среди пелопоннесских государств исключение составлял разве что Коринф, где товарно-денежные отношения получили значительное развитие. Правда, современные исследователи, рассматривая историю Коринфа, допускают гиперкритические суждения. Так, Виль возражает против излишнего подчеркивания роли географической среды при характеристике экономических отношений архаического Коринфа и вместе с тем недооценивает роль торговли и ремесла в Коринфе, абсолютизируя сельскохозяйственное производство и считая экономику Коринфа аграрной (*Will Ed. Korinthiaka*. Paris, 1955. P. 13 e.; 476 ss.; 666). См., однако: *Salmon J. B. Wealthy Corinth. A History of the City to 338 B. C.* Oxford, 1984. P. 75 f. Гиперкритицизм Виль особенно отчетливо проявился в оценке данной им истории классического Коринфа. Его знаменитая фраза «Corinth classique est pour nous ville morte» (P. 669) и дала основание Сэлмону возразить Виллю. В упомянутой выше монографии он уделяет значительное внимание экономическим проблемам истории Коринфа, внимательно исследуя керамическую индустрию, другие виды ремесел, торговлю, монетное производство, товары коринфского экспорта и импорта. Но и Сэлмон считает, что керамическое производство в Коринфе не являлось ведущей отраслью экономического развития Коринфа. Важную роль в экономике классического Коринфа он придает сельскому хозяйству. Можно согласиться с Сэлмоном, что в условиях господства олигархии экономической основой развития Коринфа была не только торговля, но и землевладение, и при сохранении традиционной политической стабильности консервативная традиция в Коринфе сказывались гораздо меньше, чем в Афинах.

¹⁰ *Pecirka J. Athenian Imperialism and the Athenian Economy // Eirene*. 1982. T. 19. P. 117 ff.; *Кошеленко Г. А. Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Ч. I. М., 1983. С. 217 слл.*

союза, нередко с помощью афинян, демократической формы правления.

Среди причин, содействовавших росту противоречий между афинянами и лакедемонянами, немаловажную роль играли также различия этнического характера. Эллы осознавали, что дорийцы, включая лакедемонян, и ионийцы, к которым принадлежали афиняне, являлись двумя различными этносами, людьми, которые считали себя состоящими в родстве между собой и имеющими только им присущие качества (Hdt., I, 56; V, 72, 3; IX, 106; Thuc., I, 71, 4; 102, 3; ср.: Diod., I, 34-37; 41; 124, 1; V, 104; VI, 6, 2; 44, 3)¹¹. По мере роста враждебных отношений между Спартой и Афинами различия этнического плана нередко использовались в пропагандистских целях как той, так и другой стороной (Thuc., IV, 61, 2; V, 91; VI, 77, 1; 86, 3; 82, 2; VII, 5, 4; VIII, 25, 3).

Распри между афинянами и лакедемонянами, возникшие еще в период Греко-персидских войн, как уже отмечалось, особенно обострились в начале 70-х гг. V в. до н. э. в связи с антиспартанской деятельностью Фемистокла. Но афиняне скоро осознали, что бороться против Спарты и против Персии и одновременно укреплять могущество Афин и их гегемонию в Делосской симмахии невозможно. Поэтому остракизм Фемистокла и победа Кимона явились своеобразным разрешением кризиса афинско-спартанских отношений. С этого времени во внешней политике Спарты и Афин стала господствовать концепция афинско-спартанского дуализма, предусматривающего сохранение военно-политического равновесия сил в Элладе и признание двойной гегемонии.

На первый взгляд эта внешнеполитическая «доктрина» была довольно удачной, поскольку казалось, что она ограждала интересы Спарты и способствовала

¹¹ Некоторые современные исследователи полагают, что отразившиеся в античной традиции различия между ионийцами и дорийцами — плод субъективизма и тенденциозности наших источников (Will Ed. *Doriens et Ioniens*. Strassburg, 1956. P. 64 ss.; Tigerstedt E. W. *The Legend of Sparta in Classical Antiquity*. Vol. I. Stockholm, 1965. P. 130, 153). Убедительные возражения против этого мнения: *Alty J. H. M. Doriens and Ioniens // JHS*. 1982. Vol. 102. P. 1 ff.

Афинам расширять в борьбе с Персией Делосскую симмахию и укреплять в ней свое господство, не вызывая подозрения спартанцев. Однако это была всего лишь иллюзия. Добившись выдающейся победы над персами в битве у Эвримедонта и превратив Делосскую симмахию в Афинский морской союз, афиняне теперь оказались перед выбором: остановиться на достигнутом или добиваться утверждения господства и в материковой Греции. Фукидид, характеризуя афинян, отмечал, что они «наличными благами наслаждались очень мало, будучи постоянно заняты стремлением к приобретению» (Thuc., I, 70, 8). Справедливость сказанного подтверждается несколькими важнейшими тенденциями афинской внешней политики, наметившимися в конце 60-х — начале 50-х гг. V в. до н. э.

Во-первых, афиняне все более осознавали, что для удержания союзников в подчинении и укрепления своей гегемонии недостаточно только господства на море.

Во-вторых, победа над персами в Эгее обеспечила свободу мореплавания и экономических связей афинян со своими союзниками и другими городами на островах и в прибрежных районах. Но Афины, как демократический город с развитым товарным ремеслом, были заинтересованы в расширении торговых отношений, ведь, по словам Аристотеля (Arist. Pol., VI, 2, 1, p. 1318 a 26), «масса людей жаждет получать прибыль, а не почет». Кроме того, потребность в обеспечении городского населения Афин и их союзников привозным хлебом и продовольствием заставляла афинян заботиться об установлении контроля над путями, ведущими к главным источникам зерна (Западное Средиземноморье, Северная Африка и Северное Причерноморье). В первой половине V в. до н. э. афинян больше интересовал Запад, а не Восток. Политические контакты Афин с Западным Средиземноморьем, подкреплявшие их экономические связи, начали устанавливаться еще при Фемистокле (Hdt., VIII, 62; Thuc., I, 136; Plut. Them., 24, 1; 32, 2; Nep. Them., 1). И вот теперь в результате достигнутых успехов стремление афинян к расширению экономических и политических отношений с городами Западного Средиземноморья получило новый

импульс (Plut. Per., 20). Однако для этого необходимо было утвердить господство в материковой Греции и прежде всего в Коринфском заливе. Последнее же вело к противоборству со Спартой и ее союзниками.

Спартанцы, как уже указывалось выше, осознавали опасность растущего могущества Афин и пытались противодействовать им. Но к началу первой Пелопоннесской войны они оказались ослабленными из-за землетрясения и восстания илотов.

Рассматривая внутривнутриполитические отношения в Афинах в первой половине V в. до н. э., мы отметили, что с середины 60-х гг. V в. до н. э. внутри гражданского коллектива активизировались радикально-демократические настроения, результатом чего явилось возвышение Эфиальта и других демократических лидеров радикального толка. Последовавшее за этим падение господства Ареопага и изгнание в 461 г. до н. э. остракизмом вождя знати Кимона не только явились поворотным пунктом внутриполитического развития Афин, но и оказали решающее влияние на характер афинской внешней политики.

Согласно Фукидиду (Thuc., I, 102, 3; ср.: Diod., XI, 64, 3), поход четырехтысячного отряда афинских гоплитов во главе с Кимоном на помощь спартамцам против восставших илотов, закрепившихся на Ифоме, впервые со времени Греко-персидских войн привел к открытой вражде между лакедемонянами и афинянами. Спартанцы, опасаясь, что афиняне могут вступить в соглашение с восставшими, потребовали, чтобы они покинули пределы Пелопоннеса. Афиняне, считая себя оскорбленными таким отношением лакедемонян, разорвали заключенный с ними союз против персов¹².

Вопрос о разрыве отношений между Спартой и Афинами привлекал внимание многих исследователей и в настоящее время он не потерял своей дискуссионной остроты. Некоторые авторы подвергают сомнению

¹² Более подробно о внешней политике Спарты и Афин в начале первой Пелопоннесской войны см.: *Строгоцкий В. М. Внутриполитические отношения и особенности внешней политики Спарты и Афин в начальный период первой Пелопоннесской войны (460-455 гг.) // ВДИ. 1987. № 2. С. 37 слл.*

основательность подозрений лакедемонян. Однако аргументы, приводимые ими, едва ли можно считать убедительными. Так, например, в научной литературе высказывается мнение, что посланный на помощь лакедемонянам корпус Кимона состоял только из представителей высших классов, так как феты не могли быть гоплитами, а следовательно, воины Кимона, настроенные на сохранение дружественных отношений со Спартой, не склонны были помогать восставшим илотам¹³. Но прежде всего неправильно было бы думать, что сторонники Эфиальта находились только среди фетов. По-видимому, драма Кимона заключалась в том, что абсолютное большинство афинских граждан склонялось в пользу демократических преобразований (ср.: Plut. Per., 15). Поэтому, вероятно, сторонники Эфиальта, враждебно настроенные к Спарте, были и среди гоплитов Кимона. Таким образом, основания для опасения у лакедемонян были, тем более что впоследствии тех восставших, которым спартанцы разрешили покинуть Пелопоннес, поселили в Навпакте именно афиняне.

Не убеждает также скептическое отношение некоторых современных исследователей к самому сообщению Фукидида об опасениях Спарты¹⁴. Во-первых, его мнение стало основополагающим для всей известной литературной традиции (Diod., XI, 64, 2; Plut. Cim., 17; Paus., I, 29, 8 sq.; IV, 24, 6 sq.; Just., III, 6, 3). Во-вторых, Фукидида менее всего интересовало, какие конкретно действия афинян могли насторожить лакедемонян. Он хорошо понимал — и это главное, — что в условиях глубоко зашедших противоречий между лакедемонянами и афинянами нужен был лишь формальный повод, чтобы расторгнуть ставшие для них помехой союзные отношения.

¹³ Glotz G., Cohen R. *Histoire grecque*. Т. II. Paris, 1931. P. 137; Cloche P. *La politique extérieure d'Athenes de 462 à 454 av. J.-C.* // *L'Antiquité classique*. 1942. Т. 11. P. 33 s.; ср.: Schreiner J. H. *Hellanic. Thucydides and the Era of Kimon*. Aarhus, 1997.

¹⁴ Walker E. M. *The Confederacy of Delos 478-463* // *CAH*¹. Vol. V. 1927. P. 72; Cole J. R. *Cimon's Dismissal Ephialtes Revolution and Peloponnesian Wars* // *GRBS*. 1974. Vol. 1. P. 369 ff.

Разорвав союз со Спартой, Афины заключили соглашение с ее злейшим врагом Аргосом, а также с Фессалией (Thuc., I, 102, 4; II, 22, 3; Paus., I, 9; IV, 24, 7; Aeschyl. Eumen., 287—291, 667—673). Интерпретация этого союза в историографии весьма противоречива¹⁵, поэтому рассмотрим более внимательно данные источников. Прежде всего следует отметить, что в середине V в. до н. э. Аргос выступал в качестве противодействующей лакедемонянам силы. После его разгрома царем Клеоменом в 520 г. до н. э. он восстановил свое могущество уже накануне Греко-персидских войн, а со времени установления в нем демократического строя аргивяне стали осуществлять агрессивную внешнюю политику, стремясь укрепить свое господство в Арголиде и вернуть территории, захваченные в свое время Спартой. Однако, будучи изолированным в Пелопоннесе, Аргос с начала V в. до н. э. все более тяготел к союзу с Афинами. Это было одной из важных причин, сдерживавших активное участие лакедемонян в решении общегреческих проблем. Поэтому Фукидид, указывая, что Аргос был злейшим врагом Спарты, рассматривал заключение с ним союза как агрессивную акцию афинян в отношении лакедемонян.

Во-вторых, афиняне, вступив в соглашение с аргосцами и фессалийцами, окончательно отказались от сформулированных при создании Эллинского союза в 481 г. до н. э. принципов: общими силами вести борьбу против персов и против тех эллинских государств, которые добровольно выступали на стороне персидского царя (Hdt., VII, 132; 148—149). Аргос и Фессалия были именно такими государствами.

В-третьих, результатом этого союза было создание антиспартанской коалиции (Thuc., I, 102, 4). Ситуация на Истме и в Арголиде, обострившаяся вследствие враждебных действий коринфян против клеонян и мегарцев (Plut. Cim., 17), была в центре внимания афинской внешней политики.

¹⁵ Об этом см.: *Строгоцкий В. М. Внутриполитические отношения. . . С. 37 слл.*

Поэтому следующим внешнеполитическим актом Афин был союз с Мегарами. Детальные сведения об этом сообщают Фукидид (Thuc., I, 103, 4) и Диодор (Diod., XI, 79, 1 sq.). Согласно Фукидиду, мегаряне, находившиеся в составе Пелопоннесского союза, вышли из него, так как у них возникла война с Коринфом из-за пограничной области (ср.: Plut. Cim., 17, 1 sq.). По этой причине мегаряне заключили союз с Афинами и стали членом Афинского морского союза (Thuc., I, 103, 4; Diod., XI, 79, 1 sq.; Plut. Cim., 17, 1 sq.; ср.: Andoc., III, 3). Мегары представляли для Афин очень важный в стратегическом отношении район, поскольку они имели гавани на побережье Коринфского (Пеги) и Саронического (Нисея) заливов и контролировали единственную сухопутную дорогу, ведущую в Пелопоннес. Афины заняли Мегары и Пеги, построили для мегарян Длинные стены, соединив город с Нисейской гаванью, и оставили в Мегарах свой гарнизон. Это создавало для самих коринфян и их колоний на побережье Коринфского залива большую опасность. Таким образом, действия афинян в Мегариде имели по отношению к пелопоннессцам, и прежде всего к коринфянам, несомненно, агрессивный характер. Афины фактически оккупировали Мегары. Поэтому данное событие исследователи справедливо рассматривают как начало первой Пелопоннесской войны.

Прежде чем перейти к характеристике военных действий, Фукидид вставляет в свой рассказ краткое сообщение об афинской экспедиции, посланной на помощь восставшим против персов египтянам, и первых ее успехах (Thuc., I, 104, 1 sq.)¹⁶. Из сообщения Фукидида ясно

¹⁶ В научной литературе существует гипотеза о том, что Фукидид получил информацию об экспедиции афинян в Египет от бежавшего в Афины Зогира, сына Мегабиза, нанесшего поражение афинянам и восставшим египтянам (*Гимадеев Р. Л. О возможном персидском источнике Фукидидова описания первого похода афинян в Египет // ВДИ. 1983. № 1. С. 106 слл.*). Вполне возможно, что среди других сведений, имевшихся в распоряжении Фукидида, была и информация Зогира. Однако мы не согласны с автором, что эта информация была единственным источником Фукидида об этой экспедиции.

вытекает, что афиняне воевали на два фронта. Естественно, в связи с этим возникает целый ряд вопросов. Какие политические силы в Афинах заключили договор с лидером восставших египтян Инаром? Когда была отправлена экспедиция в Египет? Планировалось ли заранее в Афинах ведение войны на два фронта?

О восстании в Египте и заключении договора афинян с лидером восставших Инаром сообщает достаточно обширный круг источников (Hdt., VII, 7; Thuc., I, 104; Diod., XI, 71, 3-5; Aristod., II, 3 sq.; Just., III, 6, 6; Plut. Them., 31, 4; Isocr., VIII, 66; Aelian. Var. hist., V, 10; Aeshyl. Eumen, 292-295). Согласно Диодору (Diod., X, 71, 3), восстание произошло в 463 г. до н. э. Многие современные ученые отвергают хронологию Диодора и датируют восстание 461/60 г. или даже 459 г. до н. э.¹⁷ Нам, однако, уже приходилось отмечать, что, несмотря на недостатки хронологической системы Диодора, у него можно найти немало точных дат для сообщаемых им событий. Дата Диодора предпочтительна также с точки зрения развития исторических событий. Восстание в Египте вспыхнуло вскоре после убийства Ксеркса в 465 г. до н. э. Мало вероятно, чтобы оно началось только через пять лет после его гибели. Условия для восстания созрели уже давно и нужен был только повод¹⁸. Поэтому стоит думать, что известие о смерти Ксеркса и о возникших в связи с этим волнениях в Персии достигло Египта и послужило сигналом к восстанию. Не противоречит датировке Диодора и сообщение Фукидида; во всяком случае, из него следует, что восстание в Египте началось до 461 г. до н. э. (Thuc., I, 104).

Наиболее спорным является вопрос о времени заключения договора между восставшими и афинянами

¹⁷ К этому см.: *Строгоцкий В. М. Внутривосточные отношения. . . С. 42; Badian E. Towards a Chronology of the Pentekontaetia down to the Renewal of the Peace of Callias // Echos du monde classique. 1988. Т. 32. Р. 289 ff; Robinson E. W. Thucydides Sieges, Prosopitis and the Hellenic Disaster in Egypt // Classical Antiquity. Vol. 1. 1999. Р. 133 ff.*

¹⁸ *Olmstead A. T. History of the Persian Empire. Chicago, 1948. Р. 293; Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985 С. 179 слл.*

и отправки афинской экспедиции в Египет¹⁹. По Диодору, Инар отправил посольство в Афины сразу же, как возглавил восстание (Diod., XI, 71, 4). Это сообщает и Фукидид (Thuc., I, 104, 1). Кроме того, в его рассказе есть известие о том, что афиняне заключили соглашение с восставшими уже после того, как отправили экспедицию из 200 кораблей для завоевания Кипра. Эти-то корабли и были в соответствии с договором затем посланы в Египет. С данным сообщением Фукидида отчасти согласуется и краткое замечание Плутарха о том, что Кимон вскоре после своего оправдания (т. е. после 465 г. до н. э.) отправился во главе флота в поход (Plut. Cim., 15; ср.: Plut. Cim., 18). По-видимому, Плутарх имел в виду ту же кипрскую экспедицию, о которой говорил Фукидид²⁰.

Таким образом, как обращение Инара за помощью в Афины, так и заключение афинянами договора с восставшими имели место еще до остракизма Кимона. Обещание египетских послов произвело благоприятное впечатление на афинских граждан (Diod., XI, 71, 4 sq.), и они приняли решение оказать помощь восставшим. Бесспорно, при заключении договора для афинян немаловажную роль играл экономический фактор (ср.: Plut. Per., 37)²¹. Так что надежда иметь Египет в качестве союзника и без особых трудностей получать столь необходимый хлеб, очевидно, захватила всех афинских граждан. Организатором же экспедиции, насколько можно судить из наших источников (Plut. Cim., 15; 18; ср.: Thuc., I, 104, 2; 112, 2), был Кимон, хотя он и не отправился вместе с флотом в Египет, ибо в 462 г. до н. э. находился в Афинах

¹⁹ *Исчерпывающий перечень всех существующих версий см. в работах: Паргицков А. Е. О хронологии афинской кампании в Египте // ВДИ. 1970. № 1. С. 107 слл.; Salmon P. La politique egyptienne d'Athenes (VI-V siecl. av. J.-C). Bruxelles, 19 81. Р. 99 ss.; Robinson E. W. Thucydides Sieges... Р. 133.*

²⁰ *Лурье С. Я. Плутарх. Избранные биографии. М.; Л, 1941. С. 389, прим. 66; Salmon P. La politique... Р. 118 s.*

²¹ Хотя современные исследователи оспаривают это мнение (Salmon P. La politique... Р. 131 s.), тем не менее едва ли возможно игнорировать потребность афинян в привозном, в том числе египетском хлебе (French A. The Growth of the Athenian Economy. London, 1964. Р. 143 ff.).

и убеждал афинских граждан оказать помощь спартам в их борьбе против восставших илотов, укрепившихся на Ифоме.

Итак, вероятно, афиняне не планировали вести войну два фронта, потому что экспедиция была организована до начала первой Пелопоннесской войны. К тому же они полагали, что с Египтом у них не будет больших хлопот, особенно если учесть, что первоначально их совместные с восставшими военные действия были действительно успешными (Thuc., I, 104, 2; 109, 2; Diod., XI, 74, 3 sq.; Ctes., fr. 63)²².

Успехи в Египте, образование антиспартанской коалиции (Аргос, Фессалия, Афины) и присоединение Мегар к Афинскому морскому союзу побуждали афинян к более активным действиям против пелопоннессцев. Этому способствовали и благоприятное стечение обстоятельств, так как Спарта была тогда занята подавлением восстания илотов; кроме того, она потерпела неудачу, по-видимому, около 460 г. до н. э. в битве при Эное (расположена между Аргосом и Мантинеей) против аргивян, которым оказали помощь афиняне (Paus., I, 15, 1; X, 10, 4). В Афинах же укрепили позиции радикально-демократических лидеров, унаследовавших от Фемистокла характер и направление афинской внешней политики.

В 459 г. до н. э. афиняне, опираясь на союз с аргивянами, предприняли морскую экспедицию против Пелопоннеса и высадились в Галиях (город в южной части Арголитиды). Выбор места высадки был не случаен. Это была крупная гавань, которую афиняне могли использовать как базу для организации рейдов против прибрежных городов — Гермियोны, Трезена и Эпидавра, контролируемых Спартой (ср.: Thuc., II, 56, 1—5). Из данных городов наиболее важным для Афин был Эпидавр, подчинение которого способствовало бы ослаблению Коринфа (ср.: Thuc., V, 56) и получению плацдарма для борьбы с Эгиной. Это заставило коринфян, эпидаврян и, возможно, эгинян

²² См. также эпиграмму в честь победы в Египте, найденную в святилище Геры на Самосе и датированную 460 г. до н. э. (Hill В. 113; ср.: Reek W. Ein Seegefecht aus den Perserkriegen // Klio. 1939. Bd. 32. S. 289 ff.; ATL. Vol. III. P. 253).

выступить объединенными силами. Им помогали и другие пелопоннесские союзники (Thuc., I, 105, 3). Так что пелопоннессцы были полны решимости оказывать афинянам всяческое противодействие. В этой битве афиняне, вероятно, потерпели поражение (Thuc., I, 105, 1; но ср.: Diod., I, 78, 1 sq.). Напротив, состоявшееся после этого сражение на море у острова Кекрифалеи (расположен в Сароническом заливе между Эгиной и Эпидавром) доставило афинянам победу (Thuc., I, 105, 1; XI, 78, 2).

Данная победа открыла Афинам благоприятные возможности войны с Эгиной (Thuc., I, 105, 2; Diod., XI, 70, 1—3; 78, 3 sq.). Фукидид не указывает на ее причины. Более подробные сведения о ней сообщает Диодор, по мнению которого причиной войны был выход Эгины из состава Делосской симмахии в 464 г. до н. э. (Diod., XI, 70, 2 sq.). В 459 г. до н. э. после успеха у острова Кекрифалеи афиняне предприняли войну с Эгиной за возвращение в Афинский морской союз (Diod., XI, 78, 3—5)²³. Поэтому Фукидид подчеркивает, что в сражении между афинянами и эгинянами принимали участие и их союзники. Победу одержали афиняне. Они захватили 70 эгинских кораблей и, высадившись на остров под начальством Леократа, начали осаду города.

Положение, сложившееся для пелопоннессцев, было катастрофическим. Удерживая контроль над Мегаридой и имея выход в Коринфский залив, афиняне могли совершать рейды против коринфских колоний в этом районе, а также против прибрежных городов Пелопоннеса. Наконец, одержав победу в морских сражениях и подвергнув осаде город эгинян, афиняне установили свое господство в Сароническом заливе. Все это побудило пелопоннессцев предпринять поход в Мегариду. Казалось, что время для этого похода было наиболее удачным, так как

²³ К дискуссии об афинско-эгинской войне в 459 г. до н. э. см.: Podlecki A. J. Athens and Aegina // Historia. 1976. Bd. 25. P. 396 ff.; Figueira T. J. Aeginetian Membership in the Peloponnesian League // CIPh. 1981 Vol. 76. P. 1 ff. Источники не позволяют согласиться с мнением Фигуэйры о том, что Эгина не была членом Пелопоннесской лиги и до завоевания ее Афинами оставалась самостоятельным полисом.

значительная часть афинского войска находилась в Египте, другая часть осаждала Эгину. Так что Спарта и ее союзники надеялись в лучшем случае изгнать афинян из Мегариды, в худшем — отвлечь войска от Эгины и снять осаду города. Афиняне осознавали опасность своей позиции и тем не менее не желали снимать осаду Эгины. Как отмечает Фукидид (Thuc., I, 105, 4), они провели тотальную мобилизацию. Это войско было отправлено в Мегариду под начальством стратега Миронида. С помощью двух сражений афиняне добились решительной победы над коринфянами и их пелопоннесскими союзниками (Thuc., I, 105, 3-106; Diod., XI, 79, 3 sq.).

Источники свидетельствуют о том, что до 457/6 г. до н. э. Спарта хотя и принимала участие в военных действиях, но далеко не активное. Инициатива в войне принадлежала ее главному союзнику — Коринфу, положение которого оказалось особенно опасным. Часто считают, что главной причиной спартанской пассивности был ее традиционный консерватизм²⁴. Не отрицая присутствия в Спарте консерватизма и медлительности в деле осуществления внешнеполитических мероприятий (ср.: Thuc., I, 68, 72), мы вместе с тем считаем — и данные источников (Thuc., I, 102, 4; 103; Diod., XI, 84, 7 sq.; Paus., I, 15, 1; 10, 4) подтверждают это, — что спартанская пассивность в рассматриваемый период скорее объяснялась

²⁴ Об этом: *Kagan D. The Outbreak... P. 86 ff.; Holoday A. J. 1) Sparta's Role in the First Peloponnesian War // JHS. 1977. Vol. 92. P. 54 ff.; 2) Sparta and the First Peloponnesian War // JHS. 1985. Vol. 105. P. 161 ff.* Исследователи объясняют спартанскую пассивность традиционным консерватизмом спартанской внешней политики. Эренберг (*Ehrenberg V. From Solon to Socrates. London, 1967. P. 211*) находит объяснение для пассивности лакедемонян в том, что в Спарте в это время не было соответствующего лидера и имело место расхождение во мнениях по поводу внешней политики между царями и эфорами. С этим нельзя согласиться, поскольку в источниках нет следов, свидетельствующих о противоречиях между эфоратом и царской властью в данный период. Кроме того, как уже отмечалось, авторитетным лидером в Спарте тогда был Архидам. Наконец, события начального периода первой Пелопоннесской войны показали, что Спарта вместе с остальными союзниками хотя и не столь активно, но принимала участие во всех сражениях.

занятостью лакедемонян борьбой с восставшими илотами и угрозой со стороны аргивян.

Анализируя данные источников о третьей Мессенской войне, мы пришли к выводу, что она закончилась незадолго до битвы у Танагры, которая произошла осенью 457 г. до н. э. Причем важно подчеркнуть, что источники отразили следы поспешного стремления Спарты покончить с восстанием илотов даже ценой некоторой уступки восставшим. По Фукидиду (Thuc., I, 103, 2), лакедемоняне в соответствии с пифийским изречением, договорились с восставшими, что последние покинут пределы Пелопоннеса (ср.: Diod., XI, 84, 8)²⁵. Зная традиционную жестокость обращения Спарты с рабами, трудно понять эти либеральные действия лакедемонян, если не учитывать сложившуюся для Спарты кризисную ситуацию 460—459 гг. до н. э.

Три наиболее важных союзника Спарты — Коринф, Эпидавр и Эгина находились в состоянии войны с Афинами и терпели от них ряд поражений. Эгина была под угрозой захвата ее афинянами. Спарта потеряла такого важного союзника, как Мегары, и если бы спартанцы не приняли решительных мер, то это, конечно, отрицательно сказалось бы на их гегемонии в Пелопоннесской лиге.

Покончив с восстанием илотов и развязав себе руки для решительной войны с Афинами, лакедемоняне около 458 г. до н. э. собрали большое войско, включавшее 1500 спартанских гоплитов и 10 тыс. союзников, и выступили в центральную Грецию (Thuc., I, 107, 2; Diod., XI, 79, 4—6; Plut. Cim., 17, 4; Aristid., XIII, 1). Поводом для выступления послужила угроза завоевания Дориды Фокидой. Посланный контингент был гораздо больше, чем предполагалось для наказания фокидян. Но, как показывает анализ событий, цели и этого похода были более глубокими.

Во главе общепелопоннесского войска был поставлен регент малолетнего спартанского царя Плистоанакта,

²⁵ Об аутентичности и датировке этого оракула см.: *Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. Oxford, 1956. Vol. I. P. 183; Vol. II. № 115; Zeilhofer G. Sparta, Delphoi und die Amphiktyonien im V Jahr. v. Chr. Erlangen, 1959. S. 55 ff.*

сына Павсания, Никомед, сын Клеомброта. То, что войско возглавил регент Никомед, а не уже зарекомендовавший себя Архидам, объяснялось сложностью внутриполитической ситуации в Пелопоннесе. Спарта в начале 50-х гг. V в. до н. э. оказалась ослабленной в результате землетрясения и восстания илотов и находилась под угрозой войны с Аргосом. Это требовало, чтобы Архидам, наиболее опытный царь и уже воевавший с аргивянами, оставался дома. Поэтому главнокомандующим пелопоннесского войска, отправленного в центральную Грецию, эфоры поставили регента Никомеда²⁶.

Теперь обратимся к интерпретации свидетельств источников о походе пелопоннесцев в Дориду и последовавшем затем сражении их с афинянами в Беотии²⁷. Анализ античной традиции позволяет прийти к такому выводу. После Греко-персидских войн в Дельфийской амфикионии весьма влиятельное положение заняли Фессалия и Фокида. Они опирались на поддержку Афин, которые еще при Фемистокле стремились помешать Спарте усилить свое влияние в Дельфах. Пользуясь тем, что Спарта в течение длительного времени была занята устройством своих дел в Пелопоннесе, и не рассчитывая, что лакедемоняне смогут тогда организовать широкомасштабную

²⁶ К дискуссии о назначении Никомеда главнокомандующим пелопоннесского войска см.: *Kagan D. The Outbreak...* P. 87.

²⁷ Цель этой экспедиции, ее численность и состав являются предметом дискуссии в научной литературе. Хампл (*Hampl F. Die griechische Staatsverträge des IV Jahr. v. Chr. Geb. Leipzig, 1938. S. 66 ff.,* особенно: S. 71 ff.), считая неприемлемым термин «империалистический» для определения характера спартанской внешней политики, не придавал особого значения этой экспедиции и полагал, что ее целью была только защита Дориды (S. 72). Справедливые возражения против его концепции выдвинул Вюст (*Wüst F. R. Zum Problem «Imperialismus» und «machtpolitisches Denken» im Zeitalter der Polis // Klio. 1939. Bd. 32. S. 76 ff.*), который рассматривал поход лакедемонян и их союзников в центральную Грецию как доказательство имперской политики Спарты. Было подвергнуто критике и свидетельство Фукидида (*Reece D. W. The Battle of Tanagra // JHS. 1950. Vol. 70. P. 75 ff.*), хотя серьезных оснований для того, чтобы отвергать или исправлять его сообщение, нет (*Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxford, 1966. P. 313; Ehrenberg V. From Solon. .. P. 211; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 417 f.; Buck R. J. A History of Beotia. Edmonton, 1979. P. 143.*

экспедицию в центральную Грецию, фокидяне установили свой контроль в Дельфах и вторглись в соседнюю Дориду. Таким образом, лакедемоняне, предпринимая экспедицию с целью защитить Дориду, стремились также освободить Дельфы (Plut. Cim., 17, 4), укрепить свое господство в центральной Греции и не допустить проникновения сюда афинян. Возможно, в это же время спартанцы вели полезные для себя переговоры и с фессалийцами.

О вступлении пелопоннесцев в Беотию Фукидид говорит кратко, считая его вынужденным (Thuc., I, 107, 2)²⁸. Внимание автора больше привлекали тайные переговоры с лакедемонянами некоторых афинян, рассчитывавших с помощью пелопоннесцев упразднить в Афинах демократический строй и прекратить строительство Длинных стен (Thuc., I, 107, 4, 6; ср.: Plut. Cim., 7). Вероятно, Фукидид не придавал значения действиям лакедемонян и их союзников в Беотии, учитывая последствия битвы при Энофитах (ср.: Thuc., I, 108, 3). Тем не менее эти действия важны для характеристики агрессивных устремлений Спарты. К счастью, о них мы узнаем из других источников, дополняющих краткое сообщение Фукидида. Согласно их сведениям, между фиванцами и лакедемонянами еще перед битвой у Танагры был заключен союз, по которому пелопоннесцы укрепили Фивы и помогли им установить гегемонию над всей Беотией (Diod., XI, 83, 3; Aristid., XIII, 1; ср.: Just., III, 6, 10 sq.; Paus., I, 29, 9). Таким образом, Спарта в центральной Греции в противовес Афинам стремилась создать сильный Беотийский союз и даже вступила в контакт с олигархическими заговорщиками в Афинах.

Афины, обеспокоенные таким поворотом событий, собрали многочисленное войско, включавшее 1 тыс аргивян, фессалийскую конницу и контингенты других союзников. Битва произошла в Беотии у Танагры осенью 457 г. до н. э. (Thuc., I, 107, 6-108; Diod., XI, 80, 2-4; ср.: Hdt., IX, 35, 2; Plut. Cim., 17, 4-8; Per., 10, 1-3; Aristid., XIII, 1; Just., III, 6, 8 sq.; Paus., I, 29, 9; III,

²⁸ К этому см.: *ATL. Vol. III. P. 168 ff.; Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 313 ff.; Kagan D. The Outbreak... P. 67 ff.; Buck R. J. A History... P. 144 f.*

11, 8; *Per. Cim.*, 3, 2). Победу одержали пелопоннесцы. Немаловажное значение имело то, что фессалийская конница во время сражения перешла на сторону лакедемонян. Возможно, в данном случае сказались результаты спартанско-фессалийских переговоров. Однако, поскольку пелопоннесцы понесли большие потери, они не смогли развить достигнутый успех и вернулись на родину, опустошив Мегариду.

Тем не менее компания у Танагры показала, что афинское господство в Мегариде хотя и представляло для Спарты и ее союзников серьезную опасность, все-таки являлось проблемой вполне преодолимой. Более того, после битвы у Танагры для Афин сложилась довольно напряженная ситуация. Часть афинского войска по-прежнему находилась в Египте. Продолжалась осада Эгины. Афиняне в сражениях потеряли значительное число граждан (*IG², 1, № 929 R Tod², № 26 = SEG, X, № 406*), и им противостояли сильная Беотия, объединенная под главенством Фив, укрепленных с помощью лакедемонян, и враждебно настроенная к ним Фессалия (*Diod.*, XI, 80, 3—5). Кроме того, в самих Афинах возникла опасность заговора против демократии. В этих обстоятельствах единственным выходом для Афин было перемирие со Спартой. На этот счет мы располагаем целым рядом источников, которые, очевидно, опираются на какой-то современный этим событиям материал.

Согласно Феопомпу (*Theop.*, *FGH 115 F 88*), Кимон был возвращен в Афины менее чем через пять лет после своего изгнания, ибо народ афинян нуждался в мире и надеялся, что Кимон, будучи спартанским проксеном, заключит его в кратчайший срок. Немалую ценность представляют два сообщения Плутарха (*Cim.* 17, 8—18, 1; *Per.*, 10, 4), в которых отмечается, что афиняне, побежденные в битве у Танагры и ожидающие летом похода против них пелопоннесцев, вызвали из изгнания Кимона, и тот возвратился в соответствии с постановлением Народного собрания, принятым по инициативе Перикла. Тотчас же по возвращении Кимон прекратил войну и примирил государства друг с другом. О четырехмесячном перемирии и обстоятельствах, при которых оно было

заключено между Афинами и Спартой, говорит также Диодор (*Diod.*, XI, 80, 3—6). Правда, он не связывает это перемирие с именем Кимона²⁹. Сведения Андокида (*Andoc.*, III, 3) и Эсхина (*Aeschin.*, II, 172) об этих событиях указывают на то, что традиция о перемирии не возникла только в поздней исторической литературе, но была известна уже в классическое время. Правда, указанные сообщения в известной степени путанные, поскольку Андокид и Эсхин, как впоследствии и Плутарх, смешивали четырехмесячное перемирие с пятилетним миром, заключенным в 451 г. до н. э.³⁰ Эта путаница, возможно, объясняется слишком коротким промежутком времени и тем, что Кимон выступал в качестве посредника между лакедемонянами и афинянами в обоих случаях. Кроме того, после заключения пятилетнего мира между Спартой и Афинами четырехмесячное перемирие потеряло свою остроту и значение, и, может быть, именно поэтому о нем и не упоминает Фукидид.

Спартиаты, понесшие значительные потери в сражениях, также были заинтересованы в прекращении войны. К тому же у них могли появиться иллюзии в связи с возвращением из изгнания Кимона. Однако условия для заключения длительного мира еще не созрели. Афинский демос был опьянен успехами, и временная неудача не могла привести его в состояние полной растерянности. Воспользовавшись передышкой и оправившись после сражения, афиняне собрали значительное войско и под

²⁹ *Connor W. R. Theopompus and Fifth Cent. Athens. Cambridge, 1968. P. 24 ff.; Kagan D. The Outbreak. .. P. 91 ff.; Sealey R. A History... P. 272 f.; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 422 f.*

³⁰ Томпсон, исследовавший текст Андокида (*Tompson W. E. Andocides and the Peace of Cimon // Phoenix. 1984. Vol. 38. P. 216 ff.*), не считает, что в тексте оратора отразилась путаница, и полагает, что в отличие от Фукидида он датировал пятилетний мир со Спартой 458/457 г., а его нарушение 446/445 г. до н. э. Тем не менее внимательное рассмотрение сообщения Андокида (*Andoc.*, III, 3) дает основания утверждать, что он перепутал перемирие и пятилетний мир между афинянами и лакедемонянами с Тридцатилетним миром. Ср.: *Фролов Э. Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э.: материалы и документы. Л., 1964. С. 128, прим. 2—7* [= *Андокид. Речи, или История святотатцев / Пер. и коммент. Э. Д. Фролова. СПб, 1996. С. 205, прим. 2—7*].

предводительством Миронида выступили в центральную Грецию. В битве при Энофитах (город в южной Беотии), которая произошла через 62 дня после сражения у Танагры, они разбили беотийцев, овладели всей Беотией и Фокидой, срыли укрепления Танагры, взяли в качестве заложников 100 богатейших граждан из локров опунтских и только в Фессалии были остановлены стенами Фарсала (Thuc., I, 108, 1-3; Diod., XI, 81, 4-83; Aristod., XII, 2; Aristid., XIII, 1; Polyae., I, 2)³¹.

Поход имел решающее значение для всей военной кампании того периода. Афиняне распустили Беотийский союз, установив демократические режимы в городах Беотии и, вероятно, в Фивах (Thuc., I, 113, 2; III, 62, 5; Arist. Pol., V, 2, 6, p. 1302 b 29; Ps.-Xen. Ath. Pol., III, 10 sq.), возобновили союзные отношения с Фокидой (ср.: Thuc., I, 111, 1; Diod., XI, 83, 3.), заключили союз с Дельфийской амфикифонией (IG², I, № 26 = Tod², № 39 = StV, II, № 142)³², завладели Локридой Опунтской и получили в свое распоряжение удобную бухту на побережье Эвбейского залива (Thuc., I, 108, 3; Diod., XI, 83, 2 sq.; Polyae., I, 35, 2). Тогда же после длительной осады капитулировала Эгина (Thuc., I, 108, 4) и по требованию афинян должна была срыть свои укрепления, выдать корабли и платить установленный форос в размере 30 талантов (IG², I, № 18 = StV, II, № 141). Таким образом, в 457 г. до н. э. Афины фактически организовали в центральной Греции то, что в современной литературе принято называть «сухопутной империей». Впрочем, ни одно из подчиненных государств в центральной Греции, за исключением Эгины, не платило форос в казну Афинского морского

³¹ К дискуссии о битве при Энофитах и ее последствиях см.: Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 317; Kagan D. The Outbreak... P. 45; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 99. Сведения Диодора о событиях, связанных с битвой при Энофитах, в значительной степени дополняют сообщение Фукидида и поэтому отрицательное к ним отношение Бака едва ли оправдано (Buck R. J. A History... P. 146 ff.).

³² К этому см.: Meritt B. D. Athens and Amphictyonen League // AJPh. 1954. Vol. 7. P. 369 ff.; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 418 ff. Исследователи убедительно доказывают, что наиболее приемлемой датой заключения этого союза является 457 г. до н. э.

союза. По-видимому, главной обязанностью этих афинских союзников было поставлять сухопутные войска.

Для закрепления достигнутых успехов в 456 г. до н. э. афинский полководец Толмид совершил плавание вдоль Пелопоннеса (Thuc., I, 108, 5; Diod., XI, 84; Polyae., III, 3; Arschin, II, 75; Plut. Per., 19, 2; Paus., I, 27, 5; Aristod., 15, 1). Во время этого плавания афиняне предприняли нападение на Мефону, портовый город в юго-западной части Мессении, однако были отбиты пришедшими на помощь лакедемонянами. Очевидно, спартанские войска оставались еще в Мессении после недавнего подавления восстания илотов. Затем афиняне, войдя в Лаконский залив, сожгли корабельную верфь в районе города Гитий и опустошили его хору. После этого они подчинили Закинф и все общины Кефалении. Об этом походе говорит лишь Диодор (Diod., XI, 84, 6 sq.). Фукидид сообщает только о захвате афинянами коринфской колонии Халкиды, расположенной на южном побережье Этолии, и разгроме сикионян. Тем не менее нет оснований не принимать во внимание сообщение Диодора. В результате этой экспедиции союзником афинян стала и Ахайя (Thuc., I, III, 3; 115, 1; IV, 21, 3; Plut. Per., 19, 3). Наконец, Толмид захватил Навпакт и поселил в нем тех мессенцев, которым лакедемоняне разрешили удалиться из Пелопоннеса (Diod., XI, 84, 7; ср.: Thuc., I, 103, 3). В результате этого похода весь Коринфский залив и прилегающие к нему территории оказались под властью Афин.

Итак, необходимо отметить, что Афины в рассматриваемый период добились важных внешнеполитических успехов, и 456 г. до н. э. явился апогеем афинского могущества во время Пентеконтаэтии. Тогда отчетливо проявился империалистический курс афинской внешней политики. Ярким доказательством афинских притязаний на господство в Элладе были походы Миронида и Толмида.

Спарта также не скрывала своих агрессивных целей и стремилась сохранить и упрочить свое господство в центральной Греции. Но в отличие от Афин ее политика характеризовалась большим консерватизмом. Кроме того, в рассматриваемый период Спарта столкнулась в самом Пелопоннесе с целым рядом трудностей, надолго

отвлечших ее от решения задач общегреческой политики. Фактором, сдерживающим внешнеполитическую активность лакедемонян за пределами Пелопоннеса, была опасность возобновления войны с Аргосом.

2. Внешнеполитические неудачи Афин и реорганизация Афинского морского союза. Заключение Пятилетнего мира со Спартой (455/4—451/0 гг. до н. э.).

Одновременно с военными действиями в Пелопоннесе афиняне продолжали оказывать помощь восставшим египтянам. Как уже отмечалось, в первое время они добились значительных успехов. Персы были очень обеспокоены и надеялись заручиться поддержкой лакедемонян. Артаксеркс отправил в Спарту Мегабаза с деньгами. После интриги Павсания в 70-е гг. V в. до н. э. это была первая попытка персидского царя договориться с лакедемонянами о совместной борьбе против афинян (Thuc., I, 109, 2 sq.; Diod., XI, 74, 5 sq.). Посольство, по-видимому, прибыло в Спарту перед битвой у Танагры³³. Лакедемоняне деньги взяли, но организовать вторжение в Аттику не смогли (ср.: Dem., IX, 41; XIX, 272; Aeschin., III, 258, Plut. Them., 6, 3). Возможно, эти деньги были ими использованы для организации экспедиции в центральную Грецию в 458 г. до н. э.

После этого персы, оставив надежду на спартанскую помощь, своими собственными силами в 455/4 г. до н. э. нанесли сокрушительное поражение восставшим египтянам и их союзникам³⁴. Большая часть афинян и представителей союзных полисов погибла, немногие переправились через Ливию в Кирену (Thuc., I, 109 sq.; Diod., XI,

³³ К дискуссии о персидском посольстве Мегабаза в Спарту см.: Kolbe W. *Diodors Wert für Geschichte der Pentekontaetia // Hermes. 1937. Bd. 72. S. 263 ff.*; Hammond N. G. L. *Studies in Greek Chronology of the Sixth and Fifth Cent. B. C. // Historia. 1955. Bd. 4. P. 404*; Lewis D. *Sparta and Persia. Leiden, 1977. P. 50*; Salmon P. *La politique...* P. 158 ss.; Печатнова Л. Г. *История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 199.*

³⁴ О разгроме афинян у острова Просопитида см.: Robinson E. W. *Thucydidean Sieges...* P. 134 ff.

77, 1—3; Isocr., VII, 1, 86; Aelian. *Var. hist.*, V, 10). В это же время афиняне, еще не зная о случившейся трагедии, послали в Египет на помощь своим войнам 50 триер с гоплитами. Они бросили якорь у одного из устьев Нила, но, подвергшись нападению с суши и с моря, почти все были уничтожены.

Поражение в Египте имело глубокие последствия как для афинско-спартанских отношений, так и для судьбы Афинского морского союза. Тем не менее источники далеко не единодушны в его оценке. По Фукидиду, оно было катастрофическим, поскольку погибли 250 триер и большая часть воинов (Thuc., I, 110; Isocr., VIII, 86). Поздние авторы (Ctes., fr. 63—65; Diod., XI, 178, 3—5; Just., III, 6, 6 sq.) в трактовке последствий афинского поражения в Египте отошли от классической традиции Фукидида. Вместе с тем, анализируя позднюю традицию, следует отметить, что она фактически отталкивалась от версии Фукидида (ср.: Diod., XI, 77, 2), но находилась под влиянием проафинской тенденции и приукрашивала некоторые неприятные для Афин события. Правда, Исократ (Isocr., VIII, 86), известный своими панэллинскими идеями, в трактовке египетского поражения Афин строго следует классической версии. Эта версия помогает понять и объяснить весь дальнейший ход развития афинско-спартанских отношений.

В это же время афинян постигли неудачи и в центральной Греции. В 455/4 г. до н. э., вероятно, еще до того, как стало известно о поражении в Египте, афиняне вместе с союзниками выступили против фессалийцев. Как уже отмечалось, во время сражения у Танагры фессалийская конница перешла на сторону лакедемонян, и после этого сражения фессалийцы враждебно относились к афинянам (Diod., XI, 80, 3—6). Не добился успеха в Фессалии и Миронид, остановленный у стен Фарсала. Поэтому афиняне, воспользовавшись в качестве повода просьбой находившегося в изгнании Ореста, сына фессалийского царя Эхекратида, помочь ему вернуться на родину, вместе с беотийцами и фокидянами выступили против города Фарсала, резиденции Эхекратидов. Впрочем, взять город афинянам не удалось, и они, ничего не

сделав для Ореста, вместе с ним вернулись домой (Thuc., I, 111, 1). Не большого успеха добился и Перикл, совершивший в этом же году морскую экспедицию на 50 кораблях против Сикиона и Акарнании с целью окончательно утвердить господство в Коринфском заливе (Thuc., I, 111, 2 sq.; Diod., XI, 85; 88, 1 sq.; Plut. Per., 19, 2 sq.).

Итак, события 455/4—454/3 гг. до н. э. ввергли Афины в полосу внешнеполитических неудач. Причину этого, очевидно, нужно видеть в том, что Афинам пришлось вести войну на два фронта: против пелопоннесцев и персов. Это было не под силу полисному государству, даже такому могущественному, как Афины, располагавшему многочисленными союзниками. В течение шести лет они должны были держать в Египте значительное войско и флот. До тех пор, пока Спарта была занята внутрипелопоннесскими делами, а персы восстанавливали порядок и спокойствие, нарушенные заговором против Ксеркса³⁵, афиняне могли добиться больших успехов. Однако после 456 г. до н. э. ситуация стала меняться. И Спарта, и Персия восстановили господствующее положение на подвластных им территориях, и даже возникла возможность заключения между ними союза. По крайней мере, миссия Мегабаза в Спарту свидетельствовала о прекращении вражды между лакедемонянами и персами. Спартанцы были теперь способны оказывать своим союзникам более эффективную помощь, что и обусловило отчасти неуспех экспедиции Перикла. Точно также и персы, наведя порядок в стране, сосредоточили все силы на подавлении восстания в Египте.

В сложившейся ситуации Афины оказались перед необходимостью заключить мир со Спартой. Афиняне надеялись таким образом удержать свои позиции в центральной Греции, подготовиться к войне с Персией и укрепить единство своего морского союза. Это был, несомненно, отказ от внешнеполитического курса,

³⁵ О беспорядках в Персии, возникших в результате убийства Ксеркса, см.: Ctes., fr. 60—62; Ephor., FGH 70 F 191, 128-132; Diod., XI, 69; 71; Arist. Pol., V, 8, 13, p. 1311 b 34. Ср.: Olmstead A. T. History... P. 289 ff.; Walser G. Zum griechisch-persischen Verhältnis vor dem Hellenismus // Historische Zeitschrift. 1975. Bd. 220. S. 529 ff.

принятого в 460/59 г. до н. э. Причиной этого отказа исследователи обычно считают внешнеполитические неудачи Афин и особенно египетскую катастрофу. Это так, но следует иметь в виду, что изменения в области внешней политики обычно отражают процессы внутривнутриполитического характера. Внутренняя ситуация в Афинах в конце 60-х — начале 50-х гг. V. в. до н. э., как уже говорилось выше, была сложной и противоречивой. Несмотря на то что в борьбе за власть Эфиальт и Перикл действовали сообща, тем не менее эти лидеры афинской демократии различались между собой. С именем Перикла в Афинах связано новое профессиональное отношение к политической деятельности. Идеи рационализма при нем стали широко внедряться в область политических отношений. Поэтому Перикл имел свой собственный взгляд на внешнюю политику Афин и способы ее осуществления. Этот взгляд в первое время после гибели Эфиальта не мог встретить поддержки в основной массе афинских граждан. Слишком велик был авторитет Эфиальта и его ближайших сторонников. Перикл же тогда был еще относительно молод. Как руководитель афинской внешней политики он выступает лишь со второй половины 50-х гг. V. в. до н. э.³⁶

Возвращение из изгнания Кимона, заключение со Спартой четырехмесячного перемирия и, наконец, пятилетнего мира в 451 г. до н. э., — все это составные части внешнеполитического курса Перикла. Из перечня выпадает лишь его морская экспедиция в Пелопоннес. Впрочем, она — по-видимому, независимо от египетской катастрофы — и убедила Перикла в необходимости в данный период прекратить войну со Спартой³⁷. Перикл был политиком практического толка и принимал решения

³⁶ Первое выступление Перикла в качестве стратега относится к 454/3 г. до н. э., когда он возглавил морскую экспедицию против Сикиона и Акарнании (Thuc., I, 111, 2 sq.). Ср.: Fornara Ch. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971. P. 46; Hamel D. Athenian Generals. Military Authority in the Classical Period. Leiden, 1998.

³⁷ Вместе с тем следует отметить, что опыт морских рейдов против Пелопоннеса (первый рейд был осуществлен Толмидом) Перикл использовал при разработке военной стратегии Афин накануне второй Пелопоннесской войны (Thuc., II, 13, 2.; 23, 2 sq.).

на основе анализа реальной ситуации. Благоразумие и предусмотрительность, чувство меры и умение вовремя остановиться, чтобы завершить достигнутое, — качества, которыми наделяют Перикла, Фукидид и Плутарх (Thuc., II, 65, 5–10; Plut. Per., 18).

Пятилетний мир со Спартой Афины заключили лишь через три года после возвращения Перикла из Акарнании (Thuc., I, 112, 1). В течение этого времени афиняне не предпринимали военных действий против пелопоннесцев, причиной чего, видимо, не было потрясение от египетской катастрофы, как обычно отмечают. Известно, что афиняне умели переносить несчастья (Thuc., I, 70, 3; II, 61, 4; 62, 3; VIII, 1, 3 sq.; 4). Воздерживаясь от военных действий против Спарты и ее союзников, они демонстрировали искренность своего желания заключить с лакедемонянами мир. Кроме того, афиняне в это время были заняты реорганизацией и укреплением единства морского союза, положение в котором их особенно беспокоило в связи с возможной угрозой со стороны Персии. Внешнеполитические неудачи и поражение в Египте отрицательно сказались на взаимоотношениях афинян с союзниками, многие из которых уже давно помышляли о выходе из союза. В следствие этого Афины искали способы сплотить членов союза и укрепить в нем свое господство. С этой целью афиняне под руководством Перикла осуществили ряд внутрисоюзных мероприятий, историческое значение которых в том, что они подготовили превращение Афинского морского союза в Афинскую империю.

Во-первых, в 454 г. до н. э. союзная казна была перенесена в Аттику и хранилась теперь в храме Афины Паллады, ставшей вместо Аполлона Делосского покровительницей союза (Diod., XII, 38, 2; 40, 1 = Ephor., FGH 70 F 196; 54, 3; XIII, 2, 3; Plut. Per., 12, 1; ср.: Plut. Arist., 25, 3; Nep. Arist., 3; Aristod., 7; Just., III, 6, 4)³⁸. Согласно официальной версии (Plut. Arist., 25, 3; Per., 12, 1), перенесение казны в Афины было обусловлено опасностью

³⁸ К дискуссии о датировке и значении перенесения казны с Делоса в Афины см.: Pritchett W. H. *The Transfer of the Delian Treasury* // *Historia*. 1969. Bd. 18. P. 17 ff.; Meiggs R. *The Athenian Empire*. P. 109 ff.

вторжения в Эгеиду персидского и финикийского флота. Однако это объяснение было скорее всего лишь удобным и достаточно убедительным оправданием с целью успокоить недовольство союзников. Поэтому замечание Диодора о том, что афиняне, опираясь на свое могущество, деньги, собранные на острове Делос, перенесли в Афины и отдали их на хранение Периклу, вполне заслуживает доверия и дает основания считать, что он был одним из инициаторов данной акции (Diod., XII, 38, 2).

Во-вторых, в это же время было принято решение, чтобы 1/60 часть установленного фороса (αραρχή) каждый из союзников ежегодно отчислял в казну богини Афины (Tod², № 30 = ML, № 39). Таким образом, культ афинской богини приобрел характер общесоюзного культа. Сложившиеся естественным образом по мере расширения Делосской симмахии пять податных округов: ионийский, гелеспонтский, фракийский, карийский и островной теперь получили официальное подтверждение. Принятые афинянами меры были, несомненно, направлены на усиление их финансового контроля за союзниками. Было решено ежегодно вести списки уплачивающих араρχή и каждые четыре года проводить пересмотр обложения союзников налогом (Tod², № 30; 38 = ML, № 39)³⁹. Списки уплативших араρχή для первых 15 лет (с 454/3 по 440/39 гг. до н. э.) записывались ежегодно на большой мраморной стеле, выставленной на акрополе, от которой сохранилось более 180 фрагментов. В последующее время списки каждый год вырезали на новой стеле.

³⁹ О процедуре составления списков городов, уплативших форос (с указанием суммы отчисленных с него араρχή) говорится во вступлении к первому списку 454/453 г. до н. э. См.: Tod², № 30; 38 = ML, № 39; ср.: Gomme A. W. *A Historical Commentary... Vol. I*. P. 274 ff.; ATL. Vol. III. P. 19 ff.; Meritt B. D. *The Tribute Quota-List of 454–453 B. C.* // *Historia*. 1972. Bd. 41. P. 403 ff. О списках дани афинских союзников см.: ATL. Vol. I–III; Daw S. *Studies in the Athenian Tribute-List* // *CIPh*. 1942. Vol. 37. P. 371 ff.; 1943. Vol. 38. P. 20 ff.; Wade-Gery H. T., Meritt B. D. *Athenian Resources in 449 and 431 B. C.* // *Hesperia*. 1957. Vol. 26. P. 163 ff.; а также: Соколов Ф. Ф. Замечания о списках дани союзников афинских // Труды второго археологического съезда. 1876. Т. I. С. 14 слл.

В-третьих, Великие Панафинеи, отмечаемые раз в четыре года, с 454 г. до н. э. становятся общесоюзным праздником. Каждый из членов союза обязан был к этому празднику посылать в Афины корову и полный комплект вооружения (IG², 1, № 66 = SEG, X, № 31 = ATL. Vol. II. D 7 = ML, № 40), что символизировало продовольственную и военную поддержку богине Афине Палладе, покровительнице всего союза, и свидетельствовало о преданности союзников Афинам. Союзники допускались к участию в торжественных процессиях как во время Великих Панафинеи, так и в период празднования Великих Дионисий и Элевсинских мистерий (IG², 1, № 76). Эти религиозные обычаи афиняне рассматривали как средство укрепления связей с союзниками. После подавления персами восстания в Египте Афины были в этом особенно заинтересованы⁴⁰.

С самого начала образования Делосской симмахии афиняне рассматривали значительную часть союзников как своих колонистов (Hdt., IX, 104; Thuc., I, 95, 1). Это подкреплялось древней традицией о заселении Ионии и большинства островов (Thuc., I, 12, 4). Сведения об уходящих в глубокую древность связях между афинянами и ионийцами (помимо Фукидида, см.: Sol. fr. 4, 2; Hdt., I, 146 sq.) можно считать вполне аутентичными, так как они подкреплялись свидетельствами местных эпических поэтов и новейшими археологическими данными⁴¹. На этом основании афиняне с 454 г. до н. э. стремились распространить принципы своих взаимоотношений с ионийскими городами на всех союзников.

⁴⁰ К дискуссии о значении этих мер для реорганизации Афинского морского союза см.: *Meritt B. D., Wade-Gery H. T. The Dating. . .* P. 69 ff.; *Barron J. P. Religious Propaganda of the Delian League // JHS. 1969. Vol. 84. P. 46 ff.*; *Kagan D. The Outbreak... P. 101*; *Meiggs R. The Athenian Empire. P. 109 ff.*

⁴¹ Более подробно об этом: *Лурье С. Я. Язык и культура Микенской Греции. М., 1957. С. 64*; *Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияние. М., 1984. С. 13 слл.* Правда, в традиции об ионийской колонизации Малой Азии далеко не все можно считать достоверным: *Prinz Fr. Gründbergsmuthen und Sagenchronologie. München, 1979. S. 314 ff.*

На первый взгляд, участие их в празднованиях, посвященных Афине, Дионису и Деметре, было скорее почетной обязанностью, чем обременительной обузой. В действительности же мероприятия афинян имели далеко идущие последствия, ибо они еще более способствовали укреплению афинского господства. Вместе с тем отказ афинян считать покровителем морского союза Аполлона Делосского и избрание для этих целей культа Афины Паллады имели двойное значение. С одной стороны, использовалась религиозная пропаганда для утверждения авторитета Афин как метрополии⁴²; с другой — это усиливало этнические и религиозные противоречия между дорийцами и ионийцами, поскольку, во-первых, культ Аполлона более всего почитался в Пелопоннесе, а Афины Палладу превозносили выше всех божеств в Аттике, где она под именем Афины Полиады являлась покровительницей города афинян и в храм ее вход дорийцам был запрещен (Hdt., V, 172), и поскольку, во-вторых, афиняне не считались с авторитетом культа Аполлона в Дельфах и в вопросах выведения колоний.

В списках союзников, уплативших *αλαρχί* в первый период обложения (454/3—450/49 г. до н. э.), не упомянуты Халкида, Эретрия, Стира (все расположены на Эвбее), Тенос, Парос и Наксос. Кеос, Серифос и Андрос появляются только в списках за 450 г. до н. э.⁴³ Хотя списки сохранились фрагментарно, тем не менее (с точки зрения статистики) крайне невероятно, чтобы государство, которое не оставило следов в фрагментах четырех списков, в каждом из которых осталась, по крайней мере,

⁴² Это нашло, например, отражение в трагедиях Софокла, который возвеличивал культ богини Афины и прославлял Афины, называя их в духе преобразований Перикла метрополией городов Элады (Soph. Oid. Col, 706). Проявляемое некоторыми союзниками недовольство такой политикой Софокл порицает с афинской великодержавной позиции, пользуясь образным языком:

Малый держится, если великий при нем,
А великий — коль малый с ним рядом стоит.
Но подобные мысли напрасно внушать
Тем, кто отроду скуден умом, — а между тем
Эти люди злословят про тебя.

(Soph. Ajax, 160—164; пер. С. Шервинского).

⁴³ ATL. Vol. III. P. 267 ff.; *Meiggs R. The Athenian Empire. P. 110, 558*; *Sealey R. A History... P. 271 ff.*

половина названных городов, регулярно уплачивало налог. Ряд исследователей считает, что эти островные полисы не платили форос, а поставляли корабли⁴⁴. Но более убедительным представляется мнение тех ученых, которые полагают, что эти союзники демонстрировали неповиновение и отказывались платить форос⁴⁵.

Из сообщений Фукидида и Плутарха ясно следует, что в Делосской симмахии уже ко времени битвы у Эвримедонта было гораздо больше союзников, плативших форос, чем поставлявших корабли. Поэтому причин для недовольства у союзников было немало. Афиняне серьезно следили за исправным поступлением фороса в казну. Это тяготило союзников. Первые их восстания и жестокая расправа над ними начались еще при Кимоне. Кроме того, выведение афинских клерухий в некоторые островные полисы (Наксос, Андрос и Эвбея), имевшее место в 450 г. до н. э., указывает на то, что данные полисы находились во враждебных отношениях с Афинами.

Списки союзных городов, уплативших форос в первый период обложения, а также некоторые другие эпиграфические документы позволяют думать о неповиновении таких членов союза, как Милет и Эритры. Восстание этих полисов было, очевидно, результатом поражения афинян в Египте⁴⁶.

Милет и Эритры находились на побережье Малой Азии. Здесь, как и в других малоазийских центрах, сохранялось влияние проперсидских сил, которые особенно

⁴⁴ West A. B. *The Tribute-Lists and the Non-Tributary Members of the Delian League* // AHR. 1930. Vol. 35. P. 267 ff.; ATL. Vol. III. P. 267 ff.

⁴⁵ Nesselhauf H. *Untersuchungen zur Geschichte der delisch-attischen Symmachie* // Klio. 1933. Bd. 30. S. 10; Kagan D. *The Outbreak...* P. 102; Meiggs R. *The Athenian Empire*. P. 110 ff.; Sealey R. *A History...* P. 271 ff.

⁴⁶ К спору о времени и причинах восстания см.: ATL. Vol. III. P. 150 ff., 253 ff. Эту точку зрения применительно к истории М и лета развил Герке (*Gehrke H.-J. Zur Geschichte Milet in der Mitte des V Jahr. v. Chr.* // *Historia*. 1980. Bd. 29. S. 17 ff.). См., кроме того: Kagan D. *The Outbreak...* P. 98 ff.; Hermann P. *Zu dem Beziehungen zwischen Athen und Milet im V Jahr.* // *Klio*. 1970. Bd. 52. S. 172; Meritt B. D. *The Tribute Quota -List...* P. 406; Schuller W. *Die Herrschaft...* S. 43, 85, 91, 159.

активизировались после египетской катастрофы и в связи с укреплением внутривосточного положения в Ахеменидской державе с приходом к власти Артаксеркса⁴⁷. Среди союзников, уплативших форос в первый год первого периода обложения (454/3 г. до н. э.), Милет не упоминается, речь идет только о милетянах с Лероса и из Тихиуссы (Tod², № 30. Col. VI, 19-22 = ATL. Vol. I. List I. Col. VI, 19-22 = ML, № 39. Col. VI, 19-22). В списках 453/2 г. до н. э. милетяне отсутствуют, а с 452/1 г. до н. э. форос платила уже сама милетская община. Интерпретируя данные афинских налоговых списков с учетом исторических условий, сложившихся в это время в Малой Азии, можно согласиться с мнением большинства исследователей, что вскоре после поражения афинян в Египте в Милете произошло восстание. Проперсидские элементы изгнали сторонников афинян, и в городе установилась связанная с персами тиранья. Это подтверждается фрагментарной милетской надписью об изгнанниках (SIG³, № 58 = Tod², № 35 = ML, № 43 = DGE, № 727), датированной временем около 450 г. до н. э. Изгнанники частично укрепились на соседнем острове Леросе и в Тихиуссе (область на территории Милета), частично под именем неополитов поселились на Белом мысе в маленьком городке Неаполь. Однако восстание вскоре было подавлено, и, как уже было сказано, в налоговых списках 452/1 г. до н. э. Милет снова фигурирует среди членов союза, уплативших форос и *αρχή* богине Афине⁴⁸.

⁴⁷ Сторонники персов в греческих городах Малой Азии могли надеяться на поддержку сатрапа в Сардах. О том, что положение здесь в это время было далеко не спокойным, свидетельствует фрагментарно сохранившийся афинский декрет о похвале Сигея за лояльное отношение к Афинам, датированный точно 451 г. до н. э. благодаря сохранившемуся в тексте имени архонта Антидота (IG², I, № 32 = SEG, X, № 13; ср.: Meiggs R. *The Athenian Empire*. P. 117). В последних сохранившихся шести строках надписи говорится о том, что жители Сигея опасались нападения кого-то с материка (сткк. 11—16). Это могли быть как персы, так и те города, где утвердилось проперсидское правление.

⁴⁸ См. комментарии к надписи: Tod², № 35 (P. 67 f.); ML, № 43 (P. 106 f.). Герке (*Gehrke H.-J. Zur Geschichte...* S. 24 ff.), возражая мнению большинства исследователей, утверждает, что изгнанниками были враждебно настроенные к Афинам олигархи, поэтому

Важное значение для характеристики внутривнутриполитического положения в Милете в 50-е гг. V в. до н. э. имеет запись священных законов, осуществленная при эсимнете коллегии мольпов Филте и датируемая современными учеными на основе списка эсимнетов 450/49 г. до н. э. (SIG³, № 57 = DGE, № 726). Ее содержание позволяет сделать вывод о том, что после подавления милетского восстания и свержения тирании там была восстановлена олигархия, с которой афиняне продолжали некоторое время сотрудничать. В условиях олигархического правления в Милете аристократическая коллегия мольпов стала играть важную роль в политике. Поэтому сама запись священных законов рассматривалась, согласно закону, как дело государственной важности, а руководители этой коллегии, эсимнет и просетеры, выступали как официальные лица государства⁴⁹.

Вывод об установлении в Милете олигархического правления согласуется с кратким замечанием Псевдо-Ксенофонта о том, что афиняне предпочли в Милете правление «лучших», которые, правда, спустя немного времени отпали от Афин и устроили резню демоса (Ps.-Xen. Ath. Pol., 3, 11). Окончательно отношения между Афинами и Милетом после восстания последнего были урегулированы к 450/49 г. до н. э. К этому времени форос, который милетяне должны были платить в афинскую казну, составлял 10 талантов.

Некоторое представление о характере этих отношений могут дать фрагменты афинского декрета, датируемого эпиграфистами 450/49 г. до н. э. и содержащего правила управления для Милета (IG², I, 22 = ATL. Vol. II. D

афиняне, по его мнению, после подавления восстания в 452/451 г. до н. э. установили в Милете демократию.

⁴⁹ Мнение Герке, согласно которому коллегия мольпов была политическим органом лишь частично «...sondern ein private kultverein mit allerding's halloffiziller Stellung» (Gehrke H.-J. Z ur Geschichte... S. 21), не представляется убедительным. К этому см.: Лурье С. Я. Ein milesischer Männerbund in Lichte ethnologischer Parallelen // Philologus. 1927. Bd. 83. S. 113 ff.; Hiller von Gaertringen F. Miletos // RE. Hbd. XXX. 1932. Sp. 1598 f; ATL. Vol. III. P. 151, 153; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 115 ff.; Schuller W. Die Herrschaft. ... S. 43, 85, 91.

11 = SEG, X, 14 = StV, II, № 151)⁵⁰. Из сохранившихся строк декрета видно, что афиняне не требовали введения в городе демократии и признали олигархическое правление после изгнания тиранов, но предусмотрели отправку в Милет пятерых афинских должностных лиц, которым вменялось в обязанность вместе с магистратами Милета управлять полисом (сткк. 4—7). Милет также оказался в юридической зависимости от Афин, ибо все правовые вопросы должны были слушаться в афинских судах, согласно афинскому постановлению (сткк. 26—28). Афиняне ввели в город свой гарнизон и потребовали от милетян не только платить налог, но и поставлять военную и морскую помощь (сткк. 10—20).

Как уже отмечалось, афинские налоговые списки позволяют говорить и о восстании в Эритрах в 454/3—453/2 гг. до н. э. В это время, по-видимому, власть в Эритрах захватил проперсидски настроенный тиран, а сторонники афинян, бежавшие или изгнанные, укрепились в Бутейе — одной из пяти зависимых от Эритр общин. Восстание, вероятно, было подавлено одновременно с Милетом. О характере отношений афинян с Эритрами после подавления восстания можно судить на основе афинского декрета о правилах управления для Эритр (IG², I, № 10-13 = ML, № 40 = ATL. Vol. II. D 10 - StV, II, № 134 = Tod², № 29 = SEG, X, № 11).

Основное содержание декрета отразилось в 7—31 сткк. текста. Афиняне предписывали эритрянам установить демократическое правление. Под непосредственным контролем афинских должностных лиц и начальника гарнизона необходимо было избрать демократический Совет из 120 человек. Членом Совета мог быть гражданин Эритр, достигший тридцатилетнего возраста. Избрание в Совет осуществлялось с помощью жребия (сткк. 8—15). Члены

⁵⁰ Традиционная дата декрета 450/449 г. до н. э. (Oliver J. H. The Athenian Decree Concerning Miletus in 450/449 B. C. // TAPhA. 1935. Vol. 66. P. 177 ff.; ATL. Vol. II. P. 57 f.) была пересмотрена Маттингли (ссылки на его работы см. выше). См. также: Meister K. Die Ungeschicklichkeit des Kalliasfriedens und deren historischen Folgen. Wiesbaden, 1982. S. 104 ff. Но большинство исследователей все же придерживается прежней даты.

Совета давали клятву: «Я буду служить членом Совета как можно лучше и справедливее в интересах народа Эритр и народа Афин и их союзников. И я не предаю народ Афин и их союзников ни по собственной воле, ни по чьему-либо указанию, не дезертирую ни добровольно, ни по побуждению других. Ни своим решением, ни по указанию кого-либо я не верну никого их изгнанников, которые нашли убежище у персидского царя, без согласия на то Совета и народа Афин и не изгоню кого-либо из оставшихся в Эритрах без согласия на то Совета и народа Афин» (сткк. 21-29).

Историческую ценность представляет и раздел декрета, касающийся наказания за убийство и предательство (сткк. 29—39). Текст гласит, что «... если какой-либо эритрянин убьет другого эритрянина, он должен быть приговорен к смерти; если же он будет осужден на изгнание, то он должен быть изгнан из всего союза и его имущество должно быть конфисковано в пользу государства эритрян; если же кто-либо будет изобличен в стремлении передать город Эритры тиранам, он и дети его должны быть приговорены к смерти; если же последние докажут свою лояльность к народу Эритр и Афин, то пусть им будет сохранена жизнь, из всего же имущества пусть дети возьмут половину, остальное пусть будет конфисковано в пользу государства». Последняя часть текста очень испорчена, но из сохранившегося начала фразы следует, что афиняне предписывали начальнику гарнизона охранять установленный порядок в Эритрах и следить вместе с епископами, чтобы неукоснительно соблюдались все решения.

Итак, данный декрет показывает, что в Эритрах, как и в Милете, после поражения афинян в Египте в 455/4 г. до н. э. активизировались проперсидские группировки. Опираясь на помощь Персии, им удалось изгнать сторонников афинян и захватить власть. Восстание в Эритрах было подавлено в результате энергичного вмешательства Афин. Отношение последних к подчиненным городам было не одинаковым. Если в Милете они сохранили олигархическое правление, то в Эритрах была установлена демократия. Однако и в том, и в другом городе афиняне

держали военные гарнизоны и выделили специальных должностных лиц, которые вместе с начальником гарнизона должны были следить за соблюдением всех требований, предписываемых декретом. Афиняне уже установили некоторые юридические нормы, общие для всего союза. Например, приговоренным за убийство к изгнанию не разрешалось селиться ни в одном союзном городе. Большинство судебных исков, возникавших у союзников, должно было разбираться в Афинах⁵¹. Весьма интересно, что основная часть судебных тяжб милетян рассматривалась в Афинах, тогда как для Эритр сохранили относительно широкую юридическую самостоятельность (DGE, № 701)⁵². Очевидно, это объяснялось тем, что в Милете афиняне оставили олигархическое правление, поэтому контроль за судопроизводством взяли в свои руки. При этом нужно отметить, что в декрете об Эритрах еще сохранялась формула, характеризующая Афинский морской союз как объединение афинян и их союзников (сткк. 23; ср.: стк. 24, 31)

Таким образом, в 454—450-е гг. до н. э. в Афинском морском союзе возникло напряженное положение. Оно выражалось в том, что союзники, оказывая сопротивление Афинам, чаще всего отказывались платить форо, но, по-видимому, были и крайние формы неповиновения — выход полисов из лиги. Недовольство союзников было продолжением тех волнений, которые начались в Делосской лиге вскоре после битвы при Эвримедонте и были обусловлены ростом афинской гегемонии. Новое осложнение финансовых и политических отношений между Афинами и их союзниками возникло в обстановке внешнеполитических неудач афинян после 455 г. до н. э. и поражения в Египте. Как показывают списки налогового обложения, это осложнение особенно ярко

⁵¹ Ср.: Лурье С. Я. Эксплуатация афинских союзников // ВДИ. 1947. № 2. С. 21 сл.; Яйленко В. П. Греческая колонизация VII — III вв. до н. э. М., 1982. С. 176, 179.

⁵² К этому см.: Лурье С. Я. Эксплуатация... С. 21 сл.; Francesconi F. Per la storia di Eritrone V sec. A. C. // Studi classici e orientali. 1967. Т. 16. P. 359 sgg.; Яйленко В. П. Греческая колонизация... С. 177 сл.

проявилось в Малой Азии и на островах. Причину, вероятно, нужно видеть в том, что здесь тяжесть бремени афинского господства переплеталась с активизацией проперсидских элементов в городах. Перикл и его окружение стремились добиться разрешения трудностей, возникших в союзе, за счет его реорганизации и путем решительного пресечения возмущения союзников и подавления их восстаний. В этой связи рассмотренные выше мероприятия, касающиеся внутрисоюзных преобразований, и афинские декреты о Милете и Эритрах были важным этапом развития Афинской империи.

Проанализированный нами эпиграфический материал вполне согласуется с данными Фукидида о том, что с 454/3 по 451/50 г. до н. э. афиняне не предпринимали никаких внешнеполитических акций (Thuc., I, 111, 3—112) и что договор о Пятилетнем мире между пелопоннесцами и афинянами был заключен по прошествии трех лет (Thuc., I, 112, 1), т. е. в 451/50 г. до н. э.

О заинтересованности афинян в заключении мира со Спартой уже говорилось выше, но возникает вопрос: почему лакедемоняне согласились заключить пятилетний мир? Очевидно, главную причину следует искать в особенностях внешнеполитической ситуации. Во-первых, несмотря на внешнеполитические неудачи, афиняне продолжали сохранять сильные позиции в центральной Греции, и спартанцы, несомненно, осознавали, сколь могущественной организацией стал Афинский морской союз. Во-вторых, лакедемоняне справедливо полагали, что заключение мира с Афинами должно изменить ситуацию в Пелопоннесе в их пользу. Дело в том, что в последнее время значительно усилилась позиция Аргоса. Аргивяне, находясь в союзных отношениях с Афинами, успешно отбили атаку лакедемонян, стремились возвратить Фиреатиду, отторгнутую у них Спартой еще в VI в. до н. э., и, таким образом, являлись главным очагом, сдерживающим спартанскую внешнеполитическую активность. В-третьих, с возвращением из изгнания Кимона и укреплением его положения в Афинах спартанцы надеялись, опираясь на афинские консервативные круги, добиться равновесия сил в Греции.

Итак, по-видимому, в 451 г. до н. э. между Афинами и Спартой был заключен Пятилетний мир на принципах *status quo* (Thuc., I, 112; Diod., XI, 86, 1; Theop., FGH 115 F 88; Plut. Cim., 18, 1; Per., 10, 4; Aristoph. Ach., 187-190). Главными его условиями были отказ Спарты от поддержки Фив и расторжение афинско-аргосского союза. После этого изолированный в Пелопоннесе Аргос вынужден был пойти на заключение Тридцатилетнего мира со Спартой (Thuc., V, 14, 4; 28, 2; ср.: StV, II, № 143).

3. Кризис в Афинской морской державе и заключение Тридцатилетнего мира со Спартой (450—445 гг. до н. э.)

Заклучив Пятилетний мир со Спартой, афиняне развязали себе руки для возобновления войны с Персией и дальнейшего укрепления Афинской морской державы. В 451/50 г. до н. э. они предприняли морской поход против Кипра, являвшегося центром финикийского и персидского господства в восточной части Средиземного моря. Флотом, насчитывавшем 200 афинских и союзнических кораблей, руководил Кимон (Thuc., I, 112, 2—4; Diod., XII, 3-43; Plut. Cim., 18-19, 2; Per., 10, 5, 8; Them., 31, 4; Nep. Cim., 3; Aristod., 13, 1; Isocr., VIII, 86; Aelian. Var. hist., V, 10; Paus., I, 29, 13 sq.)⁵³.

Данные источников позволяют заключить, что результаты этого похода оказались далеки от желаемых. Несмотря на победу, одержанную афинянами на суше и на море, они, вероятно, не смогли взять города Китий и Саламин, встретили враждебное отношение к себе местного населения, результатом чего был голод, охвативший войско, и, наконец, лишились выдающегося военачальника и политического деятеля Кимона. Контроль над Кип-

⁵³⁰ датировке и целях этого похода см.: *Olmstead A. T. History... P. 124 ff*; *Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 329 ff, 396*; *Hammond N. G. L. Studies in Greek Chronology... P. 403 ff*; *Букерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976. С. 249*; *Parker S. Th. The Objectives and Strategy of Cimon's Expedition to Cyprus // AJPh. 1976. Vol. 97. P. 32 ff*; *Дандамаев М. А. Политическая история... С. 188 сл.*; *Stein Hölkeskamp E. Kimon und die athenische Democratic // Hermes. 1999. Bd. 127. S. 145 ff.*

ром по-прежнему оставался в руках персов. Это важно иметь в виду, рассматривая проблему Каллиева мира⁵⁴.

Самая ранняя информация о Каллиевом мире отражена в речах ораторов IV в. до н. э. При этом Исократ (Isocr., IV, 117, 118, 120; VII, 80; XII, 59), Ликург (Luc. In Leocr., 73) и Демосфен (Dem., XV, 29; XIX, 273 sq.) говорят о Каллиевом мире как об общеизвестном событии. Трудно себе представить, чтобы ораторы, выступавшие перед широкой аудиторией, выдавали за общеизвестное событие договор о мире между эллинами и варварами, которого в действительности никогда не существовало. Важно в этой связи обратить внимание на свидетельство Демосфена, приводившего в своей речи даже такой факт, как обвинение Каллия в подкупе его персами и наказание его штрафом в 50 талантов (Dem., XIX, 273).

Вместе с тем, признавая аутентичность традиции о Каллиевом мире, мы должны ответить на несколько вопросов. Во-первых, почему у историков классического времени отсутствуют прямые указания на этот мир? Во-вторых, чем объяснить имеющиеся расхождения между отдельными авторами в характеристике условий мира? В-третьих, почему эти расхождения касаются прежде всего определения сухопутных границ эллинских и персидских владений? Так, например, по Исократу, границей, разделяющей персидские и эллинские владения на материке, была определена река Галис (Isocr., VII, 80; XII, 59). Персы не имели права посылать войска к западу от реки, и греки обещали не вторгаться в персидские владения. Однако эта информация не соответствует другим сведениям, согласно которым граница персидских владений устанавливалась на расстоянии трехдневного перехода от моря в глубь материка пешком или однодневного перехода верхом на лошади (Dem., XIX, 273; Plut. Cim., 13, 4; Aristid., XIII, 153; 169; Aristod., 13, 2; Diod.,

⁵⁴ Более подробно об этом мире см.: Дандамаев М. А. Политическая история. .. С. 188 сл.; кроме того: Строецкий В. М. Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза // ВДИ. 1991. № 2. С. 158 сл. Ср.: Meister K. Die Ungeschichtlichkeit. .. S. 44 f, 96, Anm. 236; Samous L. J. Kimon Kallias and Peace with Persia // Historia. 1998. Bd. 47. P. 129 ff.

XII, 4, 5). Исократ — единственный, кто проводит границу, разделяющую греческие и персидские владения, по реке Галис. Перед нами, впрочем, явное преувеличение. По-видимому, Исократ не располагал точными сведениями об установленных Каллиевым миром сухопутных границах, отделяющих эллинские владения от персидских. Противопоставляя этот мир Анталкидову, он стремился выдать желаемое за действительное. Река Галис с древних времен считалась границей, отделяющей Запад от Востока (ср.: Hdt., I, 72; 103; 130).

Внимательное изучение традиции о Каллиевом мире позволяет предположить, что во время переговоров между афинянами и персами не были установлены конкретные сухопутные границы, разделяющие владения эллинов и варваров. Это вполне очевидно. Во-первых, рассмотренные нами выше афинские налоговые списки первого периода обложения и другие эпиграфические документы показывают, сколь велика была активность персов на малоазийском побережье и близлежащих островах. Когда афиняне были заняты военными действиями в центральной Греции и Египте (459—454 гг. до н. э.), персы явно укрепили свои позиции в Малой Азии. Во-вторых, из сообщений наших источников о победе греков в кипрской экспедиции видно, что наибольшее значение они придавали морской победе, в результате которой персидский флот, состоящий из финикийских, кипрских и киликийских кораблей, потерпел действительно сокрушительное поражение. Именно эти корабли составляли основу морского могущества персов. Поэтому неслучайно, что все источники единодушны в определении морских границ, отделяющих эллинские владения от персидских. Персидским кораблям запрещалось на юге, т. е. в Ликийском море, заходить дальше района Фаселиды и Хелидонских островов, а на севере, т. е. в Понте, плавать дальше Кианейских скал, расположенных у входа в Босфор. Персы приняли это условие и, как демонстрирует анализ последующих исторических событий, его не нарушали.

Совсем другое значение имела победа греков на суше. Подробности этой победы нам не известны, но можно

с уверенностью сказать, что она не могла сокрушить или значительно поколебать персидское господство на материке, тем более что после этой битвы Кипр по-прежнему остался под властью персов. Так что при заключении мира вопрос об определении сухопутных границ между эллинскими и персидскими владениями, вероятно, остался открытым.

Не менее интересным в этой связи является и сообщение Геродота об обмене земли ионийских городов, осуществленном персидским сатрапом Артаферном в 492 г. до н. э., и о назначении им каждому городу подати, которую они неизменно уплачивали вплоть до середины V в. до н. э. в таком размере, как установил Артаферн (Hdt., V, 42). Главная же мысль, вытекающая из данного рассказа, заключается в том, что персы не отказались от своих претензий на господство в Малой Азии, по крайней мере вплоть до времени Геродота, т. е. до 425—415 гг. до н. э., когда писались эти строки, и, очевидно, продолжали взыскивать налог с некоторых ионийских городов. С этим отчасти согласуется краткое, правда, не совсем определенное, замечание Исократ (Isocr., IV, 120) о том, что эллины устанавливали некоторые ставки царского фороса (... καὶ τὸ φόρον ἐνίοις τίττοντες). По-видимому, предметом обсуждения между греками и персами при выработке условий мира был также вопрос о нормах взимания налога в царскую казну с городов Малой Азии, подвластных Персии.

Поэтому заключенный афинянами договор с персами был, вероятно, далеко не таким успешным для эллинов, особенно в плане определения сухопутных границ их владений в Малой Азии и освобождения городов от персидского господства, чем это представляла традиция IV в. до н. э. Каллиев мир был скорее всего соглашением между Афинами и Персией о разделе сфер влияния в Малой Азии и Эгеиде. В его заключении были заинтересованы как афиняне, так и персы, ибо события показали, что ни та, ни другая сторона не способна была достигнуть абсолютного господства в этом регионе. Вместе с тем не исключено, что в процессе переговоров персам удалось добиться для себя от афинского посольства каких-то

преимуществ, за что Каллий, руководитель посольства, получив от персидского царя взятку, был наказан в Афинах штрафом в 50 талантов (Dem., XIX, 273). Этим можно объяснить молчание Геродота и Фукидида о Каллиевом мире, а также то, что традиция IV в. до н. э. хотя и характеризует этот договор с панэллинских позиций, тем не менее не единодушна в точном определении сухопутных границ греческих владений в Малой Азии.

Что же касается признания персами автономии городов Малой Азии, о чем сообщает Диодор, то, возможно, эта идея принадлежит традиции IV в. до н. э. и была обусловлена тогдашней популярностью концепции панэллинизма.

Заключение мира с персами прибавило еще больше забот афинянам. Прежде всего перед ними стояла проблема сохранить и укрепить Афинский морской союз в условиях мирных отношений с персами. Существовали сложные отношения между Спартой и Афинами. Афинское влияние на материке распространялось от Мегариды до границ Фессалии. Завершался срок действия Пятилетнего мира. Афины, заключив мир с персами, вновь нацеливались острием своей внешней политики на центральную Грецию. Спарта, осознавая это, стремилась сохранить баланс сил в Балканской Греции и не допустить установления здесь абсолютного господства Афин.

Ситуация для афинян осложнилась тем, что в самом союзе отношения между ними и союзниками складывались далеко не благополучно. Для реконструкции событий 450/49—446/5 гг. до н. э. необходимо исследовать в комплексе данные литературных и эпиграфических источников. Весной 449 г. до н. э.⁵⁵, как сообщает Плутарх (Plut. Per., 17), Перикл провел через Народное собрание постановление, призывающее всех греков, в каком бы месте Европы или Азии они ни жили, будь-то большое государство или малое, послать депутатов на конгресс в Афины. На этом конгрессе предполагалось решить следующие вопросы: во-первых, договориться о восстановлении

⁵⁵ Дату, предложенную Мейтсом (Meiggs R. *The Athenian Empire*. P. 155 ff.) принимает большинство исследователей (ср.: Bengtson H. *Griechische Geschichte*. München, 1969. S. 213, Anm. 2).

греческих святынь, сожженных персами, и о жертвах, которые греки должны принести богам в силу обетов, данных во время борьбы с варварами; во-вторых, принять соглашение о свободе мореплавания; в-третьих, обеспечить мир и сотрудничество в Элладе. Для этого в различные районы материковой и островной Греции были отправлены 20 послов: по пять человек в Азию и на Эгейские острова, во Фракию и на Геллеспонт, в Беотию, Фокиду, Пелопоннес, Акарнанию и Амбракию, наконец, на Эвбею и в Фессалию. Эти посольства должны были убедить эллинов, живущих в данных и соседних землях, принять участие в конгрессе.

Интерпретируя этот декрет Перикла, важно отметить, что послы были отправлены и в те области Эллады, которые уже были в сфере влияния Афин, и в те, где афиняне еще собирались укрепиться. Сам Плутарх вполне осознавал, что план Перикла подразумевал осуществление имперских целей (Plut. Per., 17, 1). По-видимому, к этому же времени относится и дебатировавшееся утверждение, выдвинутое Периклом (в истинность которого верил Геродот), о том, что эллины одержали победу над варварами благодаря доблести афинян и афинскому флоту (Hdt., VII, 139).

Завершение войны с персами, бесспорно, требовало осуществления ряда общегреческих мероприятий, однако они были уже невыполнимы: во-первых, между ведущим греческими полисами, инициаторами создания Эллинского союза против персов в 481 г. до н. э., возникли противоречия социального и политического характера, пустившие глубокие корни; во-вторых, многие эллинские полисы, в частности пелопоннесцы во главе со Спартой, понимали, что Перикл заботился не столько об общеэллинских интересах, сколько о достижении мирным путем афинского господства в Греции, а потому воспротивились осуществлению этих планов (ср.: Plut. Per., 17)⁵⁶.

⁵⁶ Добиваясь этой цели, афиняне связывали с данным конгрессом подтверждение своего права на сбор налогов с эллинских городов и после завершения войны с персами (ATL. Vol. III. P. 280; Kagan D. The Outbreak. .. P. 116).

С рассмотренным выше декретом Перикла тесно связаны также действия Афин и Спарты в так называемой Священной войне (Thuc., I, 112, 5; Plut. Per., 21, 2 sq.; Aristod., 14, 1; Schol. Aristoph. Acharn., 556). Со времени битвы при Энофитах афиняне имели союзные отношения с фокидянами, которым помогали удерживать контроль над Дельфами. Осуществляя контроль в Дельфах, афиняне могли сохранять господство и в центральной Греции. Понимая это, лакедемоняне предприняли в 449/8 г. до н. э. поход в Фокиду⁵⁷. Нанеся поражение фокидянам и овладев Дельфийским святилищем, они передали его дельфийцам, за что получили от жрецов право обращаться к оракулу вне очереди. Но, как только лакедемоняне удалились, афиняне также выступили в поход, одержали победу и снова передали контроль над святилищем фокидянам. Так излагают эти события Фукидид, Плутарх и Аристотель, и, по-видимому, данную традицию нужно считать основополагающей.

По другой версии, высказанной Феопомпом и Филохором (Theop., FGH 115 F 156; Philoch., FGH 328 F 34), афиняне выступили против беотийцев, которые хотели отобрать контроль над Дельфами у фокидян. Обычно эту версию исследователи отвергают на том основании, что беотийцы были в союзе с афинянами вплоть до 446 г. до н. э. Однако, учитывая ситуацию, сложившуюся в Беотии в 446 г. до н. э., можно подумать, что выступление афинян в Дельфы в ответ на разгром лакедемонянами фокидян, имевшее место незадолго перед этим годом, могло быть направлено отчасти и против тех беотийцев, которые стремились свергнуть установленную с помощью Афин демократию. Борьба между афинянами и лакедемонянами за контроль в Дельфах свидетельствовала о том, что ни та, ни другая сторона не желала уступить (Plut. Per., 21). Такую политику можно было бы охарактеризовать как балансирование на грани войны⁵⁸.

⁵⁷ К дискуссии о датировке этого похода см.: Zeilhofer G. Sparta. .. S. 48 ff.

⁵⁸ На этом основании нельзя согласиться с мнением Кэгена, что Перикл с 50-х гг. V в. до н. э. стремился поддерживать мирные отношения со Спартой (Kagan D. The Outbreak. .. P. 120 ff.).

Восстановление афинского влияния в Дельфах лишь частично восполнило неудачу, постигшую Перикла, планировавшего утвердить афинское господство в Греции мирным путем. Поэтому дальнейшая его деятельность была направлена на преодоление трудностей в Афинском морском союзе и обеспечение регулярного сбора форо́са, без чего было бы немислимо надеяться на успех в борьбе со Спартой за гегемонию в Элладе. Важным источником для исследования этой проблемы служат эпиграфические данные, прежде всего афинские списки второго периода налогового обложения (450/49 — 447/6 гг. до н. э.) (Tod², № 38 = ML, № 50)⁵⁹. Они вместе с другими эпиграфическими документами и данными литературной традиции позволяют говорить о кризисе в Афинской архэ в 449—447 гг. до н. э.⁶⁰ Для данного времени характерным было распространившееся неповиновение союзников Афинам. Это подтверждается отсутствием в налоговых списках рассматриваемого периода целого ряда городов, членов союза, плативших форо́с в предшествующие годы; сообщением о так называемой юго-восточной группе городов (Милет, Патмос, Миунт, Эфес, Иасос, Киндия, Приена, Маднаса, Пелея, Миласы, Карианда), плативших налог с опозданием на год (ATL. Vol. III. P. 30—6); указанием на то, что некоторые города вносили только частичную сумму налога (Эритры, Кос, Лампсак, Тенедос, Византии, Фасос). Около одиннадцати городов, встречающихся в 5-м списке (450/49 г. до н. э.), отсутствуют в 6 и 7-м списках (449/8 и 448/7 г. до н. э.) (Алопеконнес, Проконнес, Перинт, Астак, Даскилей, Неандрия, Эгина, Эрип, Пассанда). Олинф, Аканф, Потидея,

⁵⁹ Поскольку от четырехлетнего периода сохранились документы только трех лет, исследователи пытаются установить, списки какого года отсутствовали на стеле. В качестве альтернативы рассматриваются 449/448 или 447/446 г. до н. э. К дискуссии по данной проблеме см. комментарии Мейгса (ML, № 50. P. 133 ff.); а также: Sealey J. Notes on Tribute-Quota-Lists 5, 6 and 7 of the Athenian Empire // *Phoenix*. 1970. Vol. 24. P. 13 ff.; Meister K. Die Ungeschichtlichkeit... S. 103 ff.

⁶⁰ Нельзя согласиться с Мейгсом (Meiggs R. The Athenian Empire. P. 152 f.), что главной причиной кризиса был Каллиев мир.

Аргил отсутствуют во всех фрагментах списков этого периода обложения.

Причины неповиновения союзников в названное время оставались теми же, что и в предшествующий период, и были обусловлены двумя взаимосвязанными тенденциями, а именно: развитием Афинской морской державы и превращением союзников из αὐτόνομοι ξύμμαχοι в υἱόχοοι. Это был процесс длительного развития Афинского морского союза, начавшийся, как мы уже отмечали, в 60—50 гг. V в. до н. э. Важной вехой в процессе внутреннего преобразования Афинского морского союза был уже упоминавшийся Каллиев мир. Он послужил поводом для афинян подумать о новых формах сохранения и укрепления своего господства в союзе и обеспечения регулярного сбора налогов с союзников, а для союзных городов считать, что с заключением Каллиева мира они смогут освободиться от ставшего тяжелым и ненавистным бременем афинского господства.

Рассмотрим теперь некоторые документы и данные литературной традиции, свидетельствующие о недовольстве союзников и мерах афинян, направленных на их подчинение, укрепление своей гегемонии и дальнейшее изменение структуры союза. Одним из интересных, хотя и не бесспорных материалов этого рода, является папирус, хранящийся в Страсбурге. Он содержит комментарий или его эпитому к XXII речи Демосфена, в которой говорилось о строительстве Парфенона и Пропилей⁶¹. Несмотря на то что часть папируса испорчена, Уэйд-Джери и Меритт восстановили текст, сообщающий о декрете Перикла⁶². Декретом предусматривалось

⁶¹ Dem., XXII, 13; Schol. Dem., XXII, 13 sq. (Anonymus Argentinensis); ATL. Vol. I. D 9; Vol. II. D 13; также см.: Толстой Я. И. Anonymus Argentinensis // Записки классического отделения императорского русского археологического общества. 1908. Т. 5. С. 252 слл. Восстановленный текст декрета: Wade-Gery H. T., Meritt B. D. Athenian Resources... P. 163 ff. (текст декрета: P. 164).

⁶² Wade-Gery H. T., Meritt B. D. Athenian Resources... P. 163 ff. К этому см. также: Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 43 сл.; Kagan D. The Outbreak... P. 45 ff., 382. Критическое отношение к данному документу высказал Сили (Sealey R. 1) P. Strasbourg 84 Verse // Hermes. 1958. Vol. 86. P. 440 ff.;

использовать деньги, собранные с союзников в сумме 5 тыс. талантов, на осуществление строительной программы и, кроме того, еще 3 тыс. талантов доставить на Акрополь в процессе строительства. Для обеспечения афинского господства на море Совету вменялось в обязанность следить за сохранностью старых кораблей и ежегодно строить 10 новых кораблей дополнительно к имеющимся (ср. предложение Фемистокла: Diod., XI, 43, 3). Учитывая, что строительство Парфенона началось в 447/6 г. до н. э., декрет Перикла должен быть датирован не позже этого года. Большинство ученых предлагает в качестве даты 449 г. до н. э., что не противоречит и античной традиции (ср.: Plut. Per., 12)⁶³.

Строительная программа Перикла имела социально-политическое и идеологическое обоснование. По плану Перикла Афины должны были стать религиозным и культурным центром не только Афинской морской державы, но и всей Эллады (Thuc., II, 41, 1). Для поддержания безопасности своих союзников Афины требовали от них регулярной уплаты в казну богини Афины фороса. При этом они считали, что, защищая их, не обязаны давать союзным полисам отчет о расходовании денег. Тратить же их государство должно на военные нужды, на строительство, которое «в будущем принесет славу и величие городу, а пока осуществляется, дает средства к существованию гражданам» (Plut. Per., 12). В этих мыслях и отражена вся сущность афинского империализма.

Немаловажное значение для исследования взаимоотношений между Афинами и их союзниками в рассматри-

2) A History... P. 283). Маттингли предложил датировать декрет временем после 438 г. до н. э. (*Mattingly H. D. The Athenian Coinage Decree. P. 163 ff.*).

⁶³ В тексте папируса (стк. 5) встречается имя архонта Эвидема (архонт 431 г. до н. э.), но скорее всего здесь допущена ошибка и нужно читать *Этин* (архонт 450/49 г. до н. э.). См.: *Wade-Gery H. T., Meritt B. D. Athenian Resources... P. 183*. Перикл едва ли мог предложить сумму, хранящуюся в казне (5000 талантов), для строительства в архонство Эвидема (431 г. до н. э.): во-первых, строительство началось, как известно, еще в 447 г. до н. э.; во-вторых, международное положение Афин в это время отнюдь не благоприятствовало принятию такого решения.

ваемое время имеют также следующие эпиграфические документы. В 449 г. до н. э. афинянин Клеарх выдвинул декрет, запрещавший чеканку монет в союзных государствах и навязывающий им афинские меры весов, длины и монетную систему (IG², I, № 295 = Tod², № 67 = ATL. Vol. I. P. 69; Vol. II. D 14 = SEG, X, № 25 *m ML*, № 45).

Декрет предписывал прекратить чеканку местной монеты и закрыть монетные дворы. Все местные монеты должны были быть доставлены в Афины и перечеканены в аттическую монету (стк. 5). Предусматривалось отправить в города вестников, которые были обязаны объяснить содержание принятого решения. Один из вестников должен был посетить Острова, другой — Ионию, третий — Геллеспонт, четвертый — Фракию. Каждый из вестников отправлялся в сопровождении стратега (стк. 9). Копия декрета должна быть написана на стеле и выставлена на агоре каждого города и перед монетным двором, причем если сами города не желали это делать, то это обязаны сделать афиняне (стк. 10). Контроль за соблюдением данного декрета должны осуществлять находящиеся в городах афинские архонты; там, где их нет, это должны делать архонты в этих городах (сткк. 1, 4). Сколь большое значение афиняне придавали подобному декрету, свидетельствуют жестокие меры наказания против тех, кто его нарушал (стк. 8). Кроме того, каждый член Совета должен был давать клятву о том, что он будет наказывать всякого, кто станет чеканить серебряную монету и не пожелает пользоваться афинской монетой системой мер и весов (стк. 12).

Содержание данного декрета подчеркивает его властный имперский тон. В условиях кризиса, охватившего Афинскую морскую державу, когда значительное число полисов не только отказывалось платить налог, но и поднимало восстания, едва ли было возможно либеральное отношение афинян к союзникам. Афинский флот должен был постоянно крейсировать в тех районах, где было особенно неспокойно, и либо собирать недоимку, либо возвращать в союз отпавших (ср.: Thuc., I, 98, 4—99). Списки налогового обложения этого периода показывают, что

районами действия афинского флота в это время были Фракия, Геллеспонт, Кария (Tod², № 44 = ML, № 49; ср.: ATL. Vol. III. P. 36 ff.).

Таким образом, ситуация- в союзе требовала от Перикла решительных и действенных мер, способствовавших укреплению финансового контроля над союзниками и регулярному поступлению фороса в казну, особенно в тот период, когда Перикл начал осуществлять свою строительную программу. Достижение этих целей и предусматривал денежный декрет Клеарха. Две статьи его нуждаются в специальном комментарии. Одна из них предусматривала отправку вестников в Ионию, Геллеспонт, Фракию и на острова с целью разъяснения содержания декрета. Вестники отправлялись в районы наиболее беспокойные в это время и жизненно необходимые для Афин.

Сторонники поздней датировки декрета обращают внимание на отсутствие в этом перечне карийского района и, отмечая, что карийский податной округ исчезает после 438/7 г. до н. э., считают, что декрет мог появиться только после этого времени. Однако в тексте речь идет не о податных округах, а о наиболее важных для афинян географических областях расположения союзников. Кария была удалена от зоны непосредственных жизненных интересов афинян и, кроме того, обстоятельства недавнего заключения мира убеждали Перикла не оказывать слишком большого давления на карийские города. С этим, вероятно, связано и то, что далеко не все полисы перешли на афинскую монету. По крайней мере, тридцать союзных городов продолжали чеканить собственное серебро⁶⁴. Афинская морская держава не была единым централизованным государством, и города, входившие в нее, оставались полисами. Поэтому, хотя большинство их и оказывалось в политическом, экономическом и юридическом подчинении у Афин, афиняне не могли преодолеть принципы автаркии и партикуляризма. Вследствие этого монетный декрет невозможно было

⁶⁴К этому см.: *Robinson E. S. G. The Athenian Currency Decree and Coinages of Allies // Hesperia. 1949. Suppl. 7. P. 324 ff., особенно: P. 337.*

распространить на все города союза, а там, где афиняне были заинтересованы это сделать, им пришлось применить жестокие меры насилия.

Важное значение для характеристики превращения Афинского морского союза в Афинскую империю имеет также указание на отправку афинских архонтов в союзные города, чтобы они следили за выполнением всех требований постановления и осуществляли от имени Афин контроль за союзными полисами. О том, что практика отправки афинских должностных лиц в города державы уже была вполне сложившейся в середине V в. до н. э., свидетельствуют не только надписи, в которых говорится об афинских *ἀρχοντες ἐπίσκοποι* в союзных городах, но и вполне определенное указание Фукидида на то, что во время восстания на Самосе в 440 г. до н. э. аристократы выдали Писсутну, персидскому сатрапу в Сардах, афинский гарнизон и находившихся у них должностных лиц (Thuc., I, 115).

Не менее важным для достижения отмеченных выше целей был и датированный 447/6 г. до н. э. декрет Клиния, касавшийся улучшения сбора налога (IG², I, № 66 = SEG, X, № 31 = ATL. Vol. II. D 7 = ML, № 46). Он предусматривал меры, способствовавшие регулярному поступлению фороса в Афины без каких-либо нарушений. Было немало случаев хищения денег при транспортировке их в Афины (сткк. 12—14). Поэтому требовалось, чтобы каждый союзный город посылал в афинский Совет таблички, скрепленные печатью, с указанием суммы собранного налога (сткк. 14—18). Совет, архонты в городах и епископы должны были заботиться о регулярном поступлении ежегодного фороса в Афины (сткк. 5—11). Декрет предписывал принимать меры наказания к тем, кто нарушал правила сбора и доставки налога в Афины. «Если кто-либо из афинян или союзников совершит преступление, касающееся налога, который города должны посылать в Афины, записав его сумму на табличке для курьеров, пусть всякий желающий из числа афинян или союзников подаст на него жалобу пританам. Пусть пританы внесут на рассмотрение Совета жалобу, поданную кем-либо, в противном случае каждый из них должен

заплатить штраф в 10 тыс. драхм. Если же Совет признает справедливым обвинение, он не должен выносить меру наказания, но обязан немедленно передать дело в гелию. Когда же суд решит, что преступление совершено, пританы пусть скажут, что следует осужденному претерпеть или какой уплатить штраф» (сткк. 31—41). Здесь же (сткк. 41—44) говорится о том, что «против лиц, совершивших преступление в отношении отправки коровы и паноплии, должны приниматься точно такие же меры». Этот декрет стоит в одном ряду с рассмотренными нами выше и так же, как и декрет Клеарха, является важным документом, свидетельствующим о процессе трансформации Афинского морского союза в Афинскую империю.

Как уже отмечалось, кризис Афинской морской державы характеризовался как нежеланием союзников платить налог, так и восстаниями и выходом из союза. Примерами подобного рода в данное время были Колофон и, возможно, Милет. Налоговые списки первого периода обложения свидетельствуют, что Колофон с 453 по 450 г. до н. э. регулярно и исправно платил 3 таланта. Однако ни в одном из трех сохранившихся списков второго периода обложения (449—446 г. до н. э.) он не встречается. С 445 г. до н. э. он вновь появляется в налоговых списках, но налог его уменьшен в 1,5 раза и с этого момента он платил его регулярно (ATL. Vol. III. P. 282).

Отсутствие Колофона в налоговых списках, по-видимому, объясняется его восстанием. Афиняне подавили это восстание и, вероятно, в 447/6 г. до н. э. был принят афинский декрет о Колофоне (IG², I, № 14/15 = SEG, V, № 17 = ATL. Vol. II. D 15 = ML, № 47). От этого декрета остались всего 4 фрагмента. Из них первые два имеют плохую сохранность. Полностью сохранился текст, касающийся постановления о клятвах. Декрет предусматривал, чтобы «содержание постановления и клятва были написаны на каменной стеле и выставлены в городе колофонян. Ойкисты же в Колофоне пусть это постановление и клятву напишут на каменной стеле и выставят на агоре и пусть колофоняне поклянутся следующим образом: "Я буду поступать, говорить и советовать все, что могу, наилучшее в отношении афинского народа и его союзников.

И я не изменю афинскому народу ни словом, ни делом, ни сам, ни будучи убежден другими; и я буду благожелателен к афинскому народу и не дезертирую. И я не разрушу демократию в Колофоне ни сам, ни побуждаемый другими, ни склонив к измене другой город, ни устраивая волнения здесь; в соответствии с истинной клятвой я буду твердо соблюдать это без обмана и вреда, клянусь Зевсом, Аполлоном и Деметрой. И если я нарушу эту клятву, пусть погибну навсегда и сам, и мои родственники; если же я буду твердо соблюдать клятву, пусть меня ожидают многие прекрасные блага"» (сткк. 37—55). Упоминание ойкистов, как и то, что после подавления восстания налог Колофону был уменьшен, свидетельствуют в пользу выведения на территорию Колофона колонистов либо из числа афинян, либо союзников. Это вполне согласуется с политикой выведения колоний и клерухий на территорию союзных городов, которую начали широко практиковать афиняне в 40-е гг. V в. до н. э.

Неизвестно, какая форма правления была в Колофоне до начала восстания, но после его подавления афиняне установили демократию. Возможно, фраза 01 αἰρεῖντες λέγντε... в плохо сохранившейся части декрета предполагает избрание 5 афинских должностных лиц с целью отправки их в Колофон, как это делалось и в других случаях. Эта клятва во многом сходна с клятвой, даваемой гражданами Эритр.

В 40-е гг. V в. до н. э. случилось также новое восстание в Милете, где «лучшие» устроили избиение демоса (Ps.-Xen. Ath. Pol., 3, 11). Состояние наших источников таково, что мы едва ли в состоянии с абсолютной точностью датировать это второе восстание. Важно, что в соответствии с анализом афинских налоговых списков второго периода обложения можно с уверенностью говорить о времени восстания в промежутке между 450 и 446 г. до н. э.⁶⁵ После подавления восстания в Милете была

⁶⁵ К дискуссии об этом: Meiggs R. *The Growth of Athenian Imperialism* // JHS. 1943. Vol. 63. P. 27; Earp A. J. *Athens and Miletus ca 450 B. C.* // Phoenix. 1964. Vol. 8. P. 142 ff.; Паршков А. Е. Исследования... С. 26 сл.

установлена демократия (ср.: Thuc., I, 115, 3), возможно, как и в Эритрах, по афинскому образцу⁶⁶.

Рассматриваемый период характеризуется и резким усилением афинской колонизационной деятельности. Основными причинами ее были социальные и политические. Нежелание некоторыми исследователями учитывать социальный фактор при объяснении афинской колонизации в середине V в. до н. э., а именно — рост в Афинах городских низов, не имевших средств к существованию, обусловлено главным образом их гиперкритическим отношением к данным Аристотеля и Плутарха, содержащим соответствующий материал. Колонизация, как и строительная деятельность Перикла, имела социальное и политическое обоснование. В 451/50 г. до н. э. была проведена проверка гражданских списков (Plut. Per., 37, 3 sq.), в результате чего значительное число жителей было лишено прав гражданства. Возникшая в связи с этим социальная напряженность была ослаблена расширением строительных работ и усилением колонизационной деятельности.

Источником по истории афинской колонизации этого периода является прежде всего литературная традиция (Thuc., I, 98, 2; III, 50, 2; Diod., XI, 88, 3; Plut. Per., 11, 5; ср.: Thuc., I, 11, 5; 19, 1; Paus., I, 27, 5). Поэтому важно правильно интерпретировать терминологию, используемую античными авторами для характеристики статуса афинских колонистов⁶⁷. Поскольку с отдельными утверждениями ученых (главным образом в отношении афинских клерухий) мы не согласны, целесообразно изложить здесь некоторые наши суждения. По мнению Паршикова, для V в. до н. э. можно говорить только о клерухиях на Лесбосе и Халкиде, во всех остальных случаях, зафиксированных в источниках, речь может идти только об основании колоний. Почти также

характеризует колонизационную практику афинян в это время и Яйленко⁶⁸. Сведения об афинских клерухиях середины V в. до н. э. дошли главным образом от поздней античной традиции (Diod., XI, 88, 3; Plut. Per., 11, 5; Paus., 27, 5). Однако молчание Фукидида не может служить аргументами *ex silentio*, так как нам уже приходилось указывать на краткость его очерка о Пентеконтаэтии и выборочный характер излагаемого им материала. Вместе с тем у Фукидида имеются два важных свидетельства. Одно касается покорения Скироса в начале 70-х гг. V в. до н. э. Кимоном (Thuc., I, 98, 2), другое — Лесбоса после восстания 427 г. до н. э. (Thuc., III, 50, 2). Как на Скирос, так и на Лесбос афиняне отправили клерухов.

Нужно думать, что в середине V в. до н. э. практика выведения клерухий имела еще больше оснований. В условиях кризиса, охватившего Афинскую державу, Афинам приходилось часто либо предотвращать, либо подавлять восстания в союзных полисах. В покоренных городах они обычно устанавливали военные гарнизоны. Но поскольку таких городов становилось много, содержание в них гарнизонов стоило очень дорого. Поэтому выведение клерухий, используемых для тех же целей, было более выгодным для афинян, ибо, кроме всего прочего, оно отчасти разряжало напряженную социальную обстановку в самих Афинах.

Теперь рассмотрим терминологию, характеризующую статус афинских колонистов, встречающуюся у поздних авторов.

Упомянутые выше исследователи утверждают, что для поздних писателей характерна путаница при использовании официальной терминологии⁶⁹. С этим невозможно согласиться, так как, во-первых, возникает парадоксальная ситуация: Фукидид всегда точен в использовании

⁶⁶ По этому поводу: *Gehrke H.-J. Zur Geschichte. .. S. 28 ff.*

⁶⁷ В связи с этим см.: *Gschnitzner F. Abhängige Orte im Griechischen Altertum. München, 1958. S. 99 ff.; Graham A. J. Colony and Mother City in Ancient Greece. 2-nd ed. Manchester, 1964. P. 166 ff.; Паршиков А. Е. О статусе афинских колоний в V в. до н. э. // ВДИ. 1969. № 2. С. 3 слл.; Яйленко В. П. Греческая колонизация. .. С. 144 слл.*

⁶⁸ Паршиков А. Е. О статусе. .. С. 8 сл.; Яйленко В. П. Греческая колонизация. .. С. 138. Вместе с тем ср.: *Касаткина И. А. Афинские военно-земледельческие поселения VI—V вв. до н. э. Канд. дисс. Рукопись. Л., 1983. С. 79 сл.*

⁶⁹ Паршиков А. Е. О статусе... С. 15, прим. 49; Яйленко В. П. Греческая колонизация. .. С. 147 сл.

терминов, как считают исследователи⁷⁰, но он не сообщает о клерухиях середины V в. до н. э.; поздние авторы говорят о них, но им нельзя верить, так они путаются в терминах. Во-вторых, уже а priori ясно, что в произведениях античных авторов, в отличие от эпиграфических памятников, не может быть во всех случаях точной передачи терминологии. Эренберг высказал верную мысль о том, что Фукидид, подобно большинству греков, использовал термины как в узкотехническом значении, так и в широком смысле⁷¹. Изучение терминологии, используемой античными авторами, показывает, что в широком смысле, как правило, они использовали термин *έτοιχοι*. Под этим общим понятием могли скрываться и колонисты, и клерухи. Если же они используют специфические термины *κλήρουχοι* или *έτοιχοι*, нередко восходящие к более ранней устойчивой аттидографической традиции или эпиграфическим источникам, то к ним следует относиться с большим доверием.

С учетом вышесказанного нам представляется ценным объяснение Плутархом выведения клерухии. Согласно его сообщению, Перикл, освобождая Афины от беспокойной части населения, склонной к волнениям и беспорядкам, и отправляя ее на территории союзных полисов в качестве военных поселенцев⁷², предотвращал опасность восстания. Мысль Плутарха о социальном и политическом значении клерухий как важном средстве имперской политики Афин вполне верно отражает характер

⁷⁰ Паршиков А. Е. О статусе... С. 9; Яйленко В. П. Греческая колонизация... С. 145 сл. Ср.: ATL. Vol. III. P. 285.

⁷¹ Ehrenberg V. Thucydides on Athenian Colonisation // CPh. 1952. Vol. 47. P. 143 ff.

⁷² Вопрос о статусе афинских клерухов является предметом дискуссии. См.: Ehrenberg V. Aspects of Ancient World. Oxford, 1946. P. 116 ff., особенно: P. 133 f.; Gauthier Ph. Les clerouques de Lesbos et la colonisation athenienne au V siecle // REG. 1966. T. 79. P. 70 ss.; Graham A. J. Colony... P. 167; Паршиков А. Е. О статусе... С. 3 сл.; Яйленко В. П. Греческая колонизация... С. 144 сл. По-видимому, Плутарх перечислил те клерухии, которые имели статус военных поселений, причем, как отметил еще в свое время Соколов, в подобных случаях клерухами могли быть не только афинские граждане (Соколов Ф. Ф. Клерухии афинские // Соколов Ф. Ф. Труды. СПб, 1910. С. 411 сл.).

взаимоотношения Афин с союзниками в период правления Перикла и может служить хорошим дополнением к краткому сообщению Фукидида о становлении Афинской империи.

По-видимому, около 450 г. до н. э. клерухи были посланы на Наксос, Андрос и Лемнос⁷³. Районы Геллеспонта и Фракии особенно беспокоили афинян и туда, вероятно, около 448/7 г. до н. э. Перикл совершил экспедицию, результатом чего было выведение клерухий на Херсонес⁷⁴. Около этого же времени афинские клерухии были выведены на Имброс и Эвбею⁷⁵.

Итак, рассмотренные нами материалы позволяют сделать вполне определенный вывод о том, что после пере-

⁷³ Клерухии на Наксосе (Diod., XI, 88, 39; Plut. Per., 11, 5 [500 клерухов]); см.: Graham A. J. Colony... P. 169; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 121, 530. Клерухии на Андросе (Plut. Per., 11, 5 [250 клерухов]); Андрос в 450 г. до н. э. платил 12 талантов фороса, а после учреждения на острове клерухии стал платить с 449 г. до н. э. 6 талантов; см.: Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 380; ATL. Vol. III. P. 298; Meiggs R. Op. cit. P. 121 ff. Клерухии на Лемносе появились, вероятно, между 451 и 449 г. до н. э.; в 451 г. до н. э. лемноская синтелиа платила 9 талантов, а с 449 г. до н. э. форос был уменьшен до 4,5 талантов и разделен между двумя городами острова — Мириной (1,5 таланта) и Гефестием (3 таланта); см.: Graham A. J. Op. cit. P. 174 ff.; Meiggs R. Op. cit. P. 424 f.; Касаткина считает лемносцев колонистами Афин (Касаткина П. А. Афинские военно-земледельческие поселения... С. 114 сл.).

⁷⁴ Здесь была поселена 1 тыс. человек (Diod., XI, 88, 3; Plut. Per., 11, 5; ср.: Plut. Per., 19, 1). К дискуссии о датировке экспедиции Перикла см.: Graham A. J. Colony... P. 178, п. 9; Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 376 ff.; ATL. Vol. III. P. 299. Сумма фороса херсонеситам изменялась дважды: с 18 талантов в 451 г. до 13,5 талантов в 449 г. до н. э. С 446 г. до н. э. форос еще раз был уменьшен и распределен между несколькими городами херсонесской синтелии. К этому см.: ATL. Vol. III. P. 45; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 160, 456, 530.

⁷⁵ К дискуссии о клерухии на Имбросе см.: Graham A. J. Colony... P. 181 ff.; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 424 f.; Яйленко В. П. Греческая колонизация... С. 138; Касаткина П. А. Афинские военно-земледельческие поселения... С. 114 сл. Клерухии на Эвбее (Diod., XI, 88, 3; Paus., I, 27, 5; ср.: Plut. Per., 7, 8 [1000 человек]). Возможно, клерухи были отправленцами в эвбейский город Карист во время похода Таллинда. Форос города уменьшился с 7 талантов 300 драхм в 450 г. до 5 талантов в 449 г. до н. э. В данной связи см.: Meiggs R. Op. cit. P. III ff.; Яйленко В. П. Ук. соч. С. 139; Касаткина П. А. Ук. соч. С. 103 сл.

несения союзной казны в Афины и заключения Каллиева мира союз автономных эллинских полисов под гегемонией Афин трансформировался в Афинскую империю. Как мы пытались показать, широко практикуемые афинянами меры политического, финансово-экономического, правового и религиозно-идеологического воздействия на союзников имели целью преодолеть сепаратизм и добиться укрепления централизации в Афинской архэ. Важно заметить, что списки налогового обложения 447/6 г. до н. э. и последующих лет свидетельствуют об эффективности принятых афинянами мер. По крайней мере, афиняне сумели обеспечить на будущее регулярное поступление форо́са в казну. Однако создать стабильную политическую ситуацию в Афинской империи было невозможно. Она не могла стать централизованным государством: этому препятствовали принципы полисной автаркии и партикуляризма, являвшиеся едва ли не главной причиной частых восстаний союзников против афинского господства, а также враждебная политика Спарты и ее союзников.

Крупным восстанием, которое случилось летом 446 г. до н. э., было восстание Эвбеи. Оно особенно потрясло Афины. Этот остров занимал важное положение в Афинской державе. Форос эвбейских городов в совокупности составлял 13 талантов. Эвбея была крупнейшим островом в Эгейде и ее примеру могли последовать другие союзники. Восставшая и враждебная Афинам Эвбея становилась главным препятствием на важнейшем пути к Геллеспонту. Наконец, восстание вызвало опасения в Афинах еще и потому, что оно случилось в разгар внешнеполитических неудач в центральной Греции, и возникла опасность создания широкой антиафинской коалиции, включавшей беотийцев, локров, пелопоннесцев и восставших жителей Эвбеи.

Учитывая важность всего сказанного, необходимо более детально рассмотреть события, ввергнувшие Афины в новую полосу неудач и трудностей. После битвы при Энофитах в 457 г. до н. э. афиняне изгнали из Беотии олигархов и установили демократическое правление. В 447 или начале 446 г. до н. э. изгнанники, как сообщает Фукидид (Thuc., I, 113, 1), вернувшись, заняли Орхомен,

Херонею и некоторые другие центры Беотии. Афиняне, боясь потерять свое влияние в Беотии, начали готовиться к походу. Было собрано войско, состоящее из 1000 афинских гоплитов и отдельных отрядов союзников. Стратегом был Толмид. Этот же сюжет передает и Плутарх (Plut. Per., 18, 1), хотя в рассказываемой им истории есть некоторые черты, отличающие ее от сообщения Фукидида. По Плутарху, 1000 гоплитов, отправившихся вместе с Толмидом, были добровольцами. Против этого похода возражал Перикл, считая, что Толмид готовился вторгнуться в Беотию в самое неподходящее время. Эпиграфический материал подтверждает правильность рассказа Плутарха⁷⁶, поэтому детали его сообщения фактически дополняют краткое известие Фукидида.

Плутарх не раскрывает, в чем заключался неблагоприятный момент, на который ссылался Перикл, возражая против похода Толмида. Однако объяснить это замечание можно, руководствуясь знанием общеисторических условий и некоторых деталей, которое мы получаем из наших источников: во-первых, Афинская морская держава еще не вышла из состояния кризиса и сохранялась возможность восстаний; во-вторых, осложнялись отношения со Спартой в связи с истечением срока пятилетнего перемирия; и, в-третьих, собранного войска было явно недостаточно.

Согласно Фукидиду, афиняне вместе с союзниками сумели захватить только Херонею, обратив ее жителей в рабство и поставив там гарнизон (Thuc., I, 113, 1; ср.: Diod., XII, 6, 1). Орхомен и другие центры Беотии оставались в руках олигархии. Перикл, по-видимому, понимал, что в условиях всеобщей враждебности трудно удержать Беотию в своих руках. Орхомен сумел объединить всех недовольных афинянами беотийцев, а также локров и эвбейских изгнанников (Thuc., I, 113, 2; Diod., XII, 6, 2).

Возникшая таким образом антиафинская коалиция нанесла сокрушительный разгром афинянам возле Коронеи. Войско афинян и союзников во главе с Толмидом

⁷⁶ Лурье С. Я. Плутарх. С. 397. Текст и комментарий к надписи см.: Bowra C. M. The Epigram of the Fallen of Coronea // CQ. 1938. Vol. 32. P. 80 ff; SEG, X, № 410.

попало в засаду и было разбито беотийцами и их единомышленниками. Многие погибли вместе со стратегом, других захватили в плен (Thuc., I, 113, 2; Diod., XII, 6, 2; Plut. Per., 18, 2 sq.; Ages., 19, 2; Alc., 1, 1; Aristod., 14, 2; Paus., I, 27, 5, 29, 14; Isocr., XVI, 28; Xen. Mem., III, 5, 4; Theop., FGH 115 F 407). Афиняне вынуждены были заключить договор с беотийцами, по которому они в обмен на своих пленников и тела павших воинов отказывались от притязаний на господство в Беотии (Thuc., I, 113, 2 sq.; Diod., XII, 6, 2; ср.: StV, II, № 153)⁷⁷.

Итак, результаты поражения афинян в битве у Коронеи были следующие. Во-первых, был восстановлен Беотийский союз с олигархическим правлением⁷⁸. Во-вторых, афиняне лишились своего превосходства в центральной Греции: они были вынуждены отказаться от своих претензий на господство не только в Беотии, но также в Локриде и Фокиде. В-третьих, Спарта и пелопоннесцы, воспользовавшись поражением афинян, сумели вскоре склонить беотийцев, фокидян и локров на свою сторону и заключить с ними союзные соглашения (Thuc., II, 9, 3).

В такой ситуации летом 446 г. до н. э. восстала Эвбея (Thuc., I, 114, 1; Plut. Per., 22, 1; Diod., XII, 7; Aristod., 15, 2)⁷⁹. Учитывая сказанное выше, можно с уверенностью утверждать, что это восстание было тесно связано с предшествующими событиями и, возможно, было подготовлено теми самыми эвбейскими изгнанниками-олигархами, которые вместе с локрами и помогли беотийцам избавиться от афинского господства. В результате восстания

⁷⁷ По этому поводу см.: *Buck R. J. A History... P. 150 ff.* Вместе с тем афинянам удалось добиться некоторых уступок и от беотийцев, в частности, последние согласились не помогать Эвбее и разрешили афинянам проходить через Беотию во время военных экспедиций (*Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 342*). Кроме того, Афины сохранили в Беотии некоторое свое влияние. Они контролировали Ороп, Элевтерий и другие области, а также сохраняли союзные отношения с Платеями (*Buck R. J. Op. cit. P. 154 ff.*).

⁷⁸ О реорганизации Беотийского союза после битвы у Коронеи см.: *Buck R. J. A History... P. 154 ff.*

⁷⁹ К этому см.: *Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 340*; *Quinn T. J. Thucydides... P. 257 ff.*; *Kagan D. The Outbreak... P. 122 ff.*; *Meiggs R. The Athenian Empire. P. 177 ff, 563 ff.*

Эвбеи Аттика оказалась блокированной с севера и востока. Перикл немедленно переправился с афинским войском на остров, стремясь подавить начавшееся восстание.

Но восстание на Эвбее было сигналом к организации широкой антиафинской кампании, в которой приняли участие как пелопоннесцы и их союзники, так и некоторые отпавшие от афинян бывшие их союзники. Поэтому не было случайностью то, что вслед за восстанием Эвбеи и отправлением афинского войска во главе с Периклом на остров восстали Мегары и произошло избиение мегарянами, призвавшими к себе на помощь коринфян, сикионян и эпидаврян, воинов афинского гарнизона, за исключением тех, кто укрылся за стенами в Нисее, и началась подготовка вторжения пелопоннесцев в Аттику (Thuc., I, 114, 1 sq.; Plut. Per., 22, 1; Diod., XII, 5, 2; 6, 1)⁸⁰.

Несомненно, имел место факт расторжения пятилетнего мира между афинянами и пелопоннесцами. Нельзя согласиться с теми исследователями, которые считают главным виновником разрыва мирных отношений Спарту и ее союзников⁸¹. Рассматриваемый нами материал свидетельствует о том, что своими действиями в равной степени способствовала этому как та, так и другая сторона.

Перикл, узнав о случившемся, поспешно возвратился с войском с Эвбеи (Thuc., I, 114, 2). Очевидно, сразу же после возвращения афинского войска была принята экспедиция в Мегариду. Об этом сообщают Дидор (Diod., XII, 5, 2) и стихотворная надгробная надпись на могиле некоего Пифиона, участвовавшего в экспедиции в Мегариду (IG², I, № 1085 = Tod², № 41 = SEG, X, № 411)⁸². Данные источников позволяют следующим образом восстановить события. Афиняне под руководством стратега Андокида, вторгнувшись в Мегариду, разграбили и опустошили ее территорию и, одержав победу в битве, заставили мегарцев отступить под защиту

⁸⁰ *Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 340*; *Kagan D. The Outbreak... P. 224*; *Sealey R. A History... P. 291*.

⁸¹ *Ste Groix G. E. M. de. The Origins... P. 315 ff.*; *Kagan D. The Outbreak... P. 120 ff.*

⁸² См. комментарий к надписи: *Tod², № 41 (P. 81 f.)*. Ср.: *Лурье С. Я. Плутарх. С. 398*.

стен. После этой битвы пелопоннесцы, союзники мегарцев, вступили на территорию Мегариды с целью затем вторгнуться в Аттику. В результате быстрого продвижения они отрезали обратный путь войнам трех афинских фил (Пандионида, Кекропида и Антиохида), под предводительством Андокида направлявшимся из Мегариды в Аттику по прямой дороге. Но Пифион, хорошо знавший местность, провел их окружным путем из Пег через Эгосфены, Кревсиду и южную Беотию и помог соединиться с войском Перикла, выступившим навстречу пелопоннесцам.

Пелопоннесцы, как сообщают Фукидид (Thuc., I, 114, 2) и Диодор (Diod., XII, 6, 1), вторгнувшись на территорию Аттики, дошли до Элевсина и Фриасийской долины, опустошили поля, но дальше не пошли и возвратились домой. Плутарх же говорит, что Периклу удалось подкупить советника царя Плистоанакта Клеандрида деньгами и убедить его увести войско домой (Plut. Per., 22). Отношение к этому сообщению в основном критическое⁸³. Тем не менее необходимо отметить, что история о подкупе спартанских предводителей была уже известна Фукидиду (Thuc., V, 16, 3), на нее намекает Аристофан (Aristoph. Nubes, 859) и она через историографию IV в. до н. э. (Ephor., FGH 70 F 193; ср.: Diod., XIII, 106, 10) дошла до Плутарха. Устойчивость традиции, несомненно, можно рассматривать как важный аргумент в пользу ее аутентичности. Через все литературные источники, начиная с классического времени, проходит также сообщение об изгнании Плистоанакта и бегстве Клеандрида. Так что, учитывая все сказанное, мы склонны признать вполне аутентичной историю о подкупе спартанских предводителей во время экспедиции пелопоннесцев в Аттику в 446 г. до н. э. Вместе с тем вызывает возражение утверждение американского исследователя Кэгена о том, что пелопоннесцы ушли из Аттики не из-за подкупа, а в результате того, что Перикл и спартанские лидеры договорились о мирных условиях. По мнению ученого, Плистоанакт

⁸³ Kagan D. The Outbreak... P. 124 ff. (там же см. ссылки на научную литературу).

и Клеандрид были представителями мирной партии, которая расценила действия Плистоанакта и Клеандрида как предательство и добивалась расправы над ними⁸⁴.

После ухода спартанских войск из Аттики Перикл получил свободу действий. Он вернулся с 50 триерами и 5 тыс. гоплитов и покорил эвбейские города (Thuc., I, 114, 3; Diod., XII, 7; 22, 2; Plut. Per., 23, 3 sq.; Aristoph. Nubes, 211—213 со схолиями; Aristod., 15, 2). Согласно Фукидиду, организацию управления на всей Эвбее, за исключением Гестиэи, афиняне установили на основании договоров.

Рассмотрим более детально судьбу некоторых эвбейских городов. По Фукидиду, из всех городов Эвбеи сильнее всего пострадала Гестиэя, жителей которой афиняне выселили и сами заняли ее территорию. Это сообщение единодушно принято всей литературной традицией (Theop., FGH 115 F 387 = Strab., X, 1, 3; Thuc., VII, 57, 3; Diod., XII, 22, 2). Дошедшие до нашего времени три декрета о Гестиэе (IG², I, № 40—42) хотя и имеют плохую сохранность, дают возможность судить об экономических (IG², I, № 40; 42) и юридических (IG², I, № 41) отношениях жителей города с Афинами и свидетельствуют о том, что афиняне в целях закрепления своего контроля над населением широко использовали в качестве средств воздействия на коллектив колонистов вмешательство в вопросы земельной собственности, налогообложение и меры юридического характера⁸⁵.

О судьбе города Халкиды на Эвбее литературная традиция не единодушна. Фукидид пишет, что Халкида, как и другие города Эвбеи, кроме Гестиэи, имела договорные отношения с Афинами. Поздняя историография дает нам более детальную характеристику отношений между Афинами и Халкидой, которая позволяет считать, что Халкида, подобно Гестиэи, серьезно пострадала в результате подавления восстания. Схолиаст к «Облакам»

⁸⁴ Kagan D. The Outbreak. .. P. 125.

⁸⁵ К этому см.: Ehrenberg V. Thucydides on Athenian Colonization // CPh. 1952. Vol. 47. P. 143 ff.; Graham A. J. Colony... P. 173, 182; Паршиков А. Е. О статусе... С. 3 сл.; Яйленко В. П. Греческая колонизация... С. 171 сл.; Касаткина Н. А. Афинские военно-земледельческие поселения... С. 121 сл.

Аристофана подчеркивает возникшие у Халкиды и Эретрии трудности (Schol. Aristoph. Nubes, 213).

Согласно Плутарху, Перикл изгнал из Халкиды гиппоботов, известных своим богатством и пользовавшихся большим влиянием (Plut. Per., 23, 4). Это же подчеркивает и Элиан (Aelian. Var. hist., VI, 1), сообщая еще и дополнительные сведения. Он говорит, что «после победы над халкидянами афиняне разделили принадлежавшую им землю, так называемый Гиппобот, на 2 тыс. наделов; землю, носящую название Лилант, отвели для святилища Афины; остальную, руководствуясь стелами Царской стой, на которых были записаны соответствующие договоры, сдали в аренду, а пленных сковали оковами. ⁸⁶Однако это не могло ослабить их гнев против халкидян».

⁸⁶Интерпретация Элиана и Плутарха вызвала дискуссию о том, были ли афинские поселенцы в Халкиде клерухами (ATL. Vol. III. P. 288 ff.; Gomme A. W. A Historical Commentary. .. Vol. I. P. 344 ff.; Nesselhauf H. Untersuchungen. .. S. 135 ff.; Паршиков А. Е. О статуте. .. С. 3 сл.; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 566; Ostwald M. Athens and Chalkis. P. 134 ff.). Можно согласиться с мнением исследователей, признающих в афинских поселенцах в Халкиде клерухов. Поскольку клерухами, выполнявшими функции гарнизона, могли быть не только афинские граждане, то слово ξένοι, употребляемое в декрете (IG², I, 2, № 39 = Tod², № 42 = ML, № 52, сткк. 52—54), могло вполне относиться к живущим здесь клерухам. К дискуссии о значении этого термина см.: Виноградов Ю. Г. Еще раз о «халкидской псефизме» IG¹ № 39 // ВДИ. 1973. № 3. С. 105 слл. Автор скупозно исследовал все имеющиеся точки зрения и выдвинул остроумную гипотезу о том, что спорный параграф постановления (§3) регулировал порядок взимания торговых сборов с чужеземцев, постоянно проживающих в Халкиде, из которых одни вели торговлю с полисом Халикидой, другие — с афинскими клерухами. Тем не менее согласиться с этой гипотезой невозможно. Автор дает специфическое толкование терминов τελεῖν и ἀτέλεια как «платить торговые пошлины» и «освобождение от уплаты торговых пошлин». Поскольку постановление — конкретный документ, то если бы речь действительно шла только об этом, решение было бы и сформулировано соответствующим образом. По-видимому, данные термины в постановлении имеют более широкий смысл и, как считают многие ученые, обозначают уплату налога, взимаемого с чужеземцев (μετοίκιον), и освобождение от него (ἰσοτέλεια). Взимание этого налога с ксенов, живущих не в Афинах, вероятно, было обусловлено тем, что они, находясь на Эвбее, были афинскими клерухами. Из постановления видно, что ксены были более тесно связаны с Афинами, ибо если бы речь шла только о торговых интересах, то в документе это нашло бы отражение. Наконец, отчасти

В этом рассказе Элиана есть, несомненно, мотивы, заимствованные из более древней традиции (ср.: Hdt., V, 77). Тем не менее сообщение поздних авторов о жестокой участи халкидян нужно принять во внимание, поскольку оно находит свое подтверждение в эпиграфических документах, в частности, в договоре 446/5 г. до н. э. между афинянами и халкидянами (IG², I, № 39 = Tod², № 42 = SEG, X, № 37 = ATL. Vol. II. D 17 = ML, № 52). Его содержание свидетельствует о том, что он не был тяжелым и унижительным для халкидян. Но приведенные в декрете клятвы, которыми обменивались между собой афиняне и халкидяне (сткк. 3—32), показывают, что последние были фактически лишены автономии.

Договор ограничивал компетенцию халкидских магистратов, большинство наиболее важных юридических дел решалось в афинских судах (сткк. 72—76). Халкидяне клялись не отделяться от Афин, во всем слушаться афинский демос и доносить афинянам на тех, кто будет подстрекать к восстанию. Они обещали платить форос в размере, установленном афинянами, и посылать вспомогательные отряды в афинское войско в случае войны. Вторая часть декрета (сткк. 40—69) свидетельствует о том, что афиняне оставили в Халкиде свой гарнизон, воины которого, возможно, были клерухами, и в обеспечение договора халкидяне дали афинянам заложников. Афинскому стратегу и пяти афинским должностным лицам вменялось в обязанность следить за выполнением халкидянами принятого постановления.

В договоре с халкидянами упоминается постановление об Эретрии (сткк. 42—43). Сохранились две надписи, связанные с Эретрией, которые являются фрагментами одного и того же декрета. В первой надписи содержится фрагмент клятвы, даваемой афинянами и эретрийцами при заключении договора (IG², I, № 17 = SEG, X, 35 = ATL. Vol. II. D 16 = StV, II, № 154). Другая надпись касается юридических отношений с Эретрией (IG², I, № 49 ==

схематичной и произвольной, не подтверждающейся данными надписи является попытка автора разделить чужеземцев на тех, которые торговали только с Халкидой, и тех, которые осуществляли торговлю с афинскими клерухами.

SEG, X, № 49). Содержание обеих надписей во многом сходно с декретом о халкидянах, как, впрочем, и с более ранними декретами о фаселитах, эритрянах и милетянах. Жители Эретрии клялись быть верными афинскому народу и не восставать против него. Все судебные тяжбы эретрийцы должны были разбирать в Афинах.

Учитывая настоящую нужду афинян в хлебе и земле, афинское господство на Эвбее было закреплено созданием государственных земельных фондов, используемых в виде аренды, продажи или дарения земельных участков. Результатом этой политики Афин было приобретение афинскими гражданами, не только клерухами и колонистами, земли и других владений на территориях, входивших в состав Афинской империи. В этой связи особую ценность представляют так называемые Аттические стелы, включавшие группу надписей, сообщавших о продаже с аукциона собственности Алкивиада и других осужденных в 415/4 г. до н. э. людей, обвиненных в осквернении герм и профанировании элевсинских мистерий⁸⁷. Данные этих надписей показывают, что отдельные афинские граждане имели земельные владения на территориях, подчиненных Афинам: в Оропе (на беотийской границе), на Эвбее и Фасосе, в Абидосе (на Гелеспонте) и Офринее (в Троаде). Одна группа владений, разбросанных в трех районах Эвбеи, принадлежала афинянину Эонию и оценивалась в 81 талант 2000 драхм (II, 311-314; ср.: II, 177-179).

Таким образом, выведение колоний и клерухий на территории своих союзных полисов, конфискация земли, приобретение земельных владений богатыми афинянами, составлявшие вместе с налоговым обложением, политическим, юридическим и экономическим вмешательством во внутреннюю жизнь этих полисов главные черты

⁸⁷ Pritchett K. 1) The Attic Stelai. Part I // *Hesperia*. 1953. Vol. 22. P. 225 ff.; 271 f; VI, 56, 67; P. 282; VII, 78; P. 286; VIII, 4, 6; P. 288; X, 11; 2) The Attic Stelai. Part II // *Hesperia*. 1956. Vol. 25. P. 178 ff., 261 ff. На русский язык этот эпиграфический памятник переведен и прокомментирован Фроловым: Фролов Э. Д. Социально-политическая борьба... С. 92 слл., 133 слл. [= Андокид. Речи, или История святоатцев. С. 156 слл.; 216 слл.]

имперской политики афинян, вызывали у граждан союзных государств острое чувство недовольства афинянами. Не случайно позже, в декрете, учредившем в 378/7 г. до н. э. II Афинский морской союз (IG², II, № 43, сткк. 35—41), союзники специально оговаривали, что ни афинское государство, ни кто-либо из его граждан не должен приобретать ни дом, ни землю на территории союзников никакими способами.

Итак, договоры с Халкидой и Эретрией фактически завершили процесс перерождения Делосской симмахии, представлявшей собой союз автономных греческих полисов под руководством Афин, в Афинскую империю, в которой бывшие независимые союзники (αὐτόνομοι ξύμμαχοι) фактически превратились в подданных Афин (υπήκοοι), лишившись экономического, юридического, военного и в значительной степени политического суверенитета, сохранив только институты гражданства. Несомненно, с помощью целого ряда мероприятий, а также применения методов насилия афинянам удалось преодолеть кризис в Афинском морском союзе, обеспечить регулярный сбор фороса и укрепить внутреннюю структуру союза настолько, что они стали в нем полновластными хозяевами, способными принимать любые нужные им решения и осуществлять угодную для них политику. Все эти изменения получили краткое и точное выражение в появившейся в 40-е гг. V в. до н. э. формуле *πόλεις ὁλόσων Ἀθηναῖοι κρατοῖ*, сменившей прежние названия *οἱ Ἀθηναῖοι καὶ οἱ ξύμμαχοι* (IG², I, № 27-28 а = SEG, X, № 19; 23).

Оформившаяся в 40-е гг. V в. до н. э. Афинская империя (с упомянутым выше ее официальным названием) коренным образом отличалась от Пелопоннесского союза, в котором, как мы видели, не было столь стройной структуры и где Спарта, гегемон, не располагала такими возможностями, какие были у Афин. На это специально и обращает внимание читателя Фукидид в одной из приведенных им речей Перикла (Thuc., I, 140—144). Дуалистическую основу Пелопоннесского союза отражала также сохранявшая свое значение формула *οἱ Λακεδαιμόνιοι καὶ οἱ σύμμαχοι*. Тем не менее следует отметить, что

положение в Афинской архэ было менее стабильным, чем в Пелопоннесской лиге, так как афинские союзники не мирились со своим положением и время от времени восставали. Этим, по-видимому, как, впрочем, и недавними внешнеполитическими неудачами, была обусловлена необходимость для Афин сохранять мир со Спартой (ср.: Thuc., IV, 21, 3; Andoc., III, 6). Поэтому в конце лета — начале осени 446 г. до н. э. (Thuc., I, 114, 2; 115, 1; II, 2, 1; Diod., XII, 7; Paus., V, 23, 4) Спарта и Афины заключили Тридцатилетний мир (Thuc., I, 87, 6, 115, 1; II, 2, 1; IV, 21, 3; Diod., XII, 7; 26, 2; 28, 4; Plut. Per., 24, 1; Aristid., 15, 3 sq.; Just., III, 7, 1; Paus., V, 23, 4; Andoc., III, 6; Aeschin., II, 174; Aristoph. Acharn., 194 sq.)⁸⁸.

Согласно Андокиду (Andoc., III, 6), десять послов были отправлены в Спарту для переговоров. Среди них были Андокид Старший (дед оратора), а также Каллий и Харит (ср.: Diod., XII, 7). Договор был заключен на следующих условиях. Афины вынуждены были отказаться от владения Нисеей, Пегами, Трезеном и Ахайей. Таким образом, из всех приобретений в центральной Греции, которые они осуществили во время первой Пелопоннесской войны, у них сохранялся лишь Навпакт — важный стратегический пункт у выхода из Коринфского залива, служивший Афинам плацдармом в их устремлениях на Запад. Афиняне соглашались признать автономию Эгинны, но это условие они так и не выполнили (ср.: Thuc., I, 67, 2; 139, 1; 140, 3; 144, 2). Города, входившие в состав в один из союзов, получали право стать членами любого из них (Thuc., I, 35, 2; 40, 4; ср.: Thuc., I, 44, 11). Стороны оговаривали, что ни одно государство не может выйти из того союза, в котором оно уже находится. Во внесении этого положения в текст договора были заинтересованы афиняне, добивавшиеся дипломатического и юридического признания созданной ими морской державы, а также стремившиеся использовать это призна-

⁸⁸ В связи с дискуссией о датировке договора и его условиях см.: ATL. Vol. III. P. 301 ff.; Raubitschek A. E. The Peace Policy of Perikles // AJA. 1966. Vol. 70. P. 37 ff.; Bengtson H. Griechische Geschichte. S. 214; StV, II, № 156. S. 174 ff.; Kagan D. The Outbreak...

ние для пресечения восстаний союзников. Спарта, пойдя на включение этого пункта в текст договора, связывала себя признанием Афинской архэ (ср.: Thuc., I, 41, 2).

Стороны договаривались и о том, чтобы все споры разрешать с помощью третьей стороны (Thuc., I, 78, 4; 140, 2; 144, 2; 145; VII, 18, 2). Договор предусматривал свободу мореплавания и торговых отношений (Thuc., I, 71; 67, 4; 144, 2). В договоре отмечалось, что мирные условия между афинянами и лакедемонянами не касаются аргивян, но указывалось, что при желании афиняне и аргивяне могут частным образом установить миролюбивые отношения между собой (Paus., V, 23, 4). Вероятно, это была вынужденная уступка лакедемонян. Наконец, в соответствии с соглашением лакедемоняне и афиняне договорились установить медные доски с текстом договора в Олимпии, Афинах, Амиклах, а также, возможно, в Дельфах и на Истме (ср.: Thuc., V, 18).

Итак, завершая исследование афинско-спартанских отношений в эпоху первой Пелопоннесской войны и связанных с этой темой проблем, необходимо сформулировать основополагающие выводы, вытекающие из всего рассмотренного материала.

Сложившиеся к концу 60-х гг. V в. до н. э. под руководством Спарты и Афин два противостоящих друг другу военно-политических блока имели глубокие, но в основном неэкономические, политические и этнические различия. Противоречия между Пелопоннесской лигой и Афинским морским союзом, в частности между олигархической Спартой и демократическими Афинами, сделали войну между ними неизбежной.

Первая Пелопоннеская война, длившаяся с перерывами с 459 по 446/5 г. до н. э., была агрессивной с обеих сторон. В ней и Спарта, и Афины вынашивали имперские замыслы. Лакедемоняне, добиваясь восстановления баланса политических сил в Элладе, стремились сохранить и упрочить свое господство в центральной Греции. Спарта сумела осуществить поставленные цели и к концу войны установила союзные отношения с беотийцами, мегарянами, локрами, фокидянами, левкадянами и анакторийцами (Thuc., II, 9).

Афины в своих попытках достичь полного господства в Элладе и изолировать Спарту и ее союзников потерпели неудачу. Вместе с тем им удалось преодолеть кризис в Афинском морском союзе, который дважды ставил под угрозу афинскую гегемонию (первый раз в 454—450 гг., второй — в 449—446 гг. до н. э.). В результате ряда мер и насильственных действий афиняне в этот период завершили превращение Делосской симмахии в Афинскую империю, в которой они стали полновластными хозяевами. При этом важно отметить, что процесс образования Афинской империи был тесно связан с наметившейся тенденцией к централизации управления в Афинах и Афинской державе и развитию автократического начала в деятельности Перикла, хотя и опиравшегося на демократические институты Афин и афинский демос.

Исследованные факты и события вполне укладываются в понятие «афинский империализм», который можно рассматривать как конкретно-историческую фазу развития рабовладельческого государства, предусматривающую комплекс мер экономического, политического и юридического характера, имеющих целью достижение господства над другими народами и государствами и образование империи с помощью ведения агрессивных и захватнических войн.

Особенности внутривосточного положения в Афинах, образование Афинской империи и победа над персами обусловили дальнейшую активизацию державной политики. По крайней мере, с точки зрения Афин, заключенный мирный договор не мог представляться как долговечный. Афиняне стремились со временем взять реванш. Спарта, понимая это и опасаясь морского могущества афинян, испытывала чувство страха перед ними. Да и сложившаяся после заключения мира ситуация в Греции была далеко не стабильной. Трудно согласиться с некоторыми исследователями, полагающими, что Тридцатилетний мир был рассчитан всерьез и надолго. Данные источников свидетельствуют о другом. От Фукидида до Плутарха античная традиция единодушно считает договор 446/5 г. до н. э. перемирием, которое перестало иметь силу вскоре после Самосской войны в 440 г. до н. э.

Глава V

Внешняя политика Спарты и Афин в годы мира (445—431 гг. до н. э.)

1. Афинско-самосская война и расширение границ Афинской империи

Тридцатилетний мир дал афинянам необходимую передышку. Попробуем выяснить характер и основные тенденции внешней политики Афин в условиях полученного ими мира. К сожалению, данные наших источников об этом периоде фрагментарны и противоречивы.

С одной стороны, мы располагаем ценными замечаниями Фукидида (Thuc., I, 118, 2) и Плутарха (Plut. Per., 20 sq.), которые позволяют думать, что главной политической целью афинян было защитить и упрочить уже созданную морскую державу. С другой стороны, есть некоторые свидетельства, указывающие на попытки афинян в это время расширить свое влияние в различных регионах.

К концу 40-х гг. V в. до н. э. в Афинской империи оставалось немного городов, пользовавшихся широкой автономией. Среди них наиболее крупными были Лесбос, Хиос и Самос. Источники сообщают, что они

сохраняли олигархическое правление, не платили форос, но, владея флотом, поставляли Афинам военные корабли; при этом они чеканили свою собственную монету. Аристотель, характеризуя их автономию, отметил, что афиняне предоставили им политическую самостоятельность и власть над теми, которыми они тогда управляли (Arist. Ath. Pol., 24, 2; ср.: Thuc., I, 19; II, 9, 4; VI, 85, 2; VII, 57, 4 sq.).

Однако следует иметь в виду, что афиняне считались с автономией этих союзников лишь до тех пор, пока она была им выгодна (Thuc., III, 11, 3). Когда Афины достигли абсолютного господства в союзе и сложилась Афинская империя, они стали все с большим подозрением относиться к данным полисам, и, как только представился случай, вопреки заключенным договорам, подчинили себе и эти ранее автономные общины (ср.: Arist. Pol., III, 8, 4, p. 1284 a). Первой жертвой стал Самос.

Самос наряду с Хиосом и Лесбосом являлся членом Делосской симмахии и вместе с ними был одним из ее учредителей в 478 г. до н. э. Став членом Афинского морского союза, Самос не прекращал традиционной вражды с Милетом, уходившей своими корнями в глубокую древность. Как следует из нашей традиции (Thuc., I, 115, 2; Diod., XII, 27, 1; Plut. Per., 24, 1), в 441 г. до н. э.¹ разразилась война между Самосом и Милетом из-за Приены. Ослабленные восстаниями милетяне в столкновениях с Самосом терпели поражения и поэтому обратились в Афины с жалобой на самосцев. К милетянам присоединились и некоторые частные лица на Самосе, желавшие свержения олигархии (Thuc., I, 115, 2).

Что же касается афинян, то они, как сообщает Плутарх (Plut. Per., 25, 1), быстро отреагировали на просьбу милетян и, поддержав их, потребовали от Самоса прекращения войны против Милета и подчинения решению арбитража². По-видимому, войну между самосцами

¹ Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxford, 1966. P. 349 ff.; 390.

² Клоше в свое время подверг сомнению аутентичность сообщения Плутарха (Cloche P. Pericles et la politique extérieure d'Athenens entre le paix de 446—445 et les preludes de la guerre du Peloponnese //

и милетянами афиняне рассматривали как удобный момент, чтобы покончить с независимостью Самоса. Однако, чтобы их действия не казались произвольными, они спровоцировали от проафински настроенных самосских граждан обращение в Афины за помощью. Опора на пятую колонну была обычным явлением в политике Афин. В ответ на это обращение Афины предъявили Самосу явно невыполнимые требования. Поэтому, когда самосцы отказались их удовлетворить, Перикл явился на остров с 40 кораблями, установил демократическое правление, отправил сюда специальных должностных лиц, которых афиняне обычно посылали в подчиненные города, взял 50 мальчиков и столько же мужчин в качестве заложников и поместил их на Лемносе, который входил в состав Афинской империи, платил форос и был издавна заселен афинскими клерухами³. На Самосе афиняне оставили свой гарнизон и, заставив самосцев уплатить 80 талантов контрибуции, вернулись обратно (Thuc., I, 115, 2; Diod., XII, 27, 2; Plut. Per., 24, 1; 25, 1).

Действия афинян вызвали негодование среди самосцев. Последние, опираясь на помощь виднейших самосских аристократов, живших на материке, и сатрапа Лидии Писсутна (Thuc., I, 115, 4; Plut. Per., 28, 6), ночью вторглись на остров и свергли демократию (Thuc., I, 118, 5; Diod., XII, 27, 3; Plut. Per., 25). Как следует из источников, установленная афинянами демократия на острове не пользовалась популярностью. Граждане в большинстве своем оказали поддержку аристократам. Именно поэтому самосцы без труда захватили большую часть демократов,

L'Antiquité classique. 1945. Т. 14. P. 93 ss.; особенно: P. 105). Вместе с тем нет оснований сомневаться в правдоподобности этого известия. Арбитраж как форма разрешения споров между союзниками был принят и в Пелопоннесской лиге, и в Афинском морском союзе, и если Фукидид не сообщил об этом, то, вероятно, только потому, что посчитал это само собой разумеющимся.

³ Лемнос был членом Афинского морского союза и платил форос — сначала 9 талантов, а затем 4, 5 таланта. Кроме того, он давно был заселен афинскими клерухами. См.: Gomme A. W. A Historical Commentary. .. Vol. I. P. 276, 351; Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972. P. 160, 424 f, 530.

афинских должностных лиц и афинский гарнизон⁴. После этого с помощью Писсутна они также выкрали своих заложников на Лемносе (Plut. Per., 25).

Получив власть на Самосе, аристократы выдали гарнизон и афинских должностных лиц персам, что свидетельствовало об их открытой вражде к Афинам, и стали готовиться к походу против Милета. Для борьбы с Афинами самосцы заключили договор с Византием (Thuc., I, 115, 5; ср.: SEG, X, № 221). Возможно, самосцы вели переговоры также с митиленянами на Лесбосе (Thuc., III, 2, 1; 13, 1). Что же касается переговоров Самоса со Спартой и пелопоннесцами, то на этот счет мы располагаем твердым сообщением Фукидида (Thuc., I, 40, 5 sq.; 41, 1—3), из которого следует, что самосцы обращались к ним за помощью⁵.

Таким образом, восстание Самоса было чревато большими опасностями для Афин. Оно могло разжечь пламя войны во всей Афинской державе, тем более что в это время возникли также волнения в Карии, Фракии и Халкидике. Кроме того, появилась угроза создания антиафинской коалиции, в которую наряду с восставшими городами могли войти пелопоннесцы и персы.

В ответ на просьбу самосцев лакедемоняне созвали конгресс Пелопоннесской лиги. Коринфяне выступили против оказания помощи восставшим (Thuc., I, 40, 5 sq.; 41, 1—3). Поэтому под влиянием Коринфа большинство союзников проголосовало против поддержки самосцев. Позиция Коринфа и пелопоннесцев решила судьбу Самоса. Персы без поддержки Спарты не рисковали открыто выступать против Афин. Впрочем, хотя широкая антиафинская коалиция не была создана, опасное положение сохранялось, так как победа Самоса над Милетом могла послужить сигналом для восстаний в других

⁴ Тех, кто оказал восставшим самосцам сопротивление, впоследствии изгнали из города (Diod., XII, 27, 3). О единстве самосских граждан в борьбе против афинян см.: Legem R. P. Samos in the Delian League // *Historia*. 1972. Bd. 21. P. 145 ff.

⁵ См. к этому: Gattinoni F. L. *L'aristocrazia di Samo tra opposizione e potere nell secondo metà del V sec. A. C.* // *Fazioni e congiure nel mondo antico*. Milano, 1999. P. 115 sgg.

городах Афинской державы. Подавление самосского восстания становилось для афинян жизненно необходимым. Именно этим объясняется то, что все избранные в 440 г. до н. э. стратеги во главе с Периклом возглавили морскую экспедицию против Самоса (Thuc., I, 116, 1; Diod., XII, 27, 4; Plut. Per., 25). Среди избранных в число стратегов в 440 г. до н. э. был также известный трагик Софокл, друг Перикла (Plut. Per., 8; Strab., XIV, 1, 18).

Всего афиняне выставили 60 кораблей. Однако в сражении с самосцами участвовали только 44 корабля. Остальные Перикл отправил частью к Карию, где было неспокойно, частью к Хиосу и Лесбосу с требованием помощи. Хиос и Лесбос, как уже говорилось, являясь членами Афинской державы, сохраняли автономию. Здесь, как и на Самосе, у власти находилась аристократия, правда, относившаяся к Афинам лояльно. Но проафинские позиции на Хиосе и Лесбосе были не очень сильны, и Афины опасались, как бы эти два острова не выступили на стороне самосцев.

Вместе со второй частью кораблей сюда был послан Софокл (Athen., XIII, 603 d). Его богатство, знатность и слава открыли ему дорогу в дома хиосской и лесбосской знати и способствовали успешному выполнению возложенных на него обязанностей. Софоклу удалось предотвратить выступление Хиоса и Лесбоса в поддержку самосских аристократов, и эти острова послали 25 кораблей на помощь афинянам (Thuc., I, 116, 1; Diod., XII, 25, 4; Athen., XIII, 603 f—604 b).

Самосцы, как сообщают источники, выставили против афинян 70 кораблей (Thuc., I, 116, 1; Diod., XII, 27, 4; Plut. Per., 25). В морском сражении победу одержали афиняне. Но война с Самосом была далеко не закончена. По-прежнему оставалась угроза вступления в войну Персии и начала восстаний в других городах Афинской империи. Поэтому афиняне под Самосом нуждались в помощи. В это время из Афин явилось к ним 40 кораблей и, как уже говорилось, 25 судов прислали Хиос и Лесбос.

Захватив гавань и имея перевес в сухопутных войсках, афиняне с трех сторон города возвели стены и стали осаждать его с суши и с моря. Тем не менее самосцы

предпринимали вылазки и вступали в сражения перед стенами (Plut. Per., 25; ср.: Thuc., I, 116, 2). В разгар осады Самоса, как сообщает Фукидид (Thuc., I, 116, 3; ср.: Diod., XII, 27, 5; Plut. Per., 25), было получено известие о движении против афинян финикийских кораблей. В этой ситуации Перикл, отобрав 60 кораблей, поспешно направился к Кавну и Карию навстречу финикийскому флоту. Стесимброт считал целью этой экспедиции Перикла нападение на остров Кипр. Плутарх, который приводит это свидетельство, сомневается в его правильности, с чем, вероятно, нужно согласиться. Однако утверждение Плутарха о том, что Перикл, отправившись в Карию, совершил ошибку, едва ли можно принять. До самого последнего момента Перикл не знал, решится ли персидский царь оказать помощь самосцам. Дать же сражение финикийцам, если бы они прибыли, в водах Эгейского моря было рискованно, так как их появление в Эгеиде стало бы сигналом к отпадению от Афин других союзников. Этим и было обусловлено желание Перикла встретить финикийский флот как можно дальше от Самоса.

После того как значительная часть афинского флота во главе с Периклом поплыла в Карию, самосский философ Мелисс, избранный флотоводцем (Plut. Per., 26; Diog. Laert., IX, 24), убедил своих сограждан напасть на афинян. Они атаковали незащищенную неприятельскую стоянку, потопили сторожевые корабли и в морском сражении одержали победу (Thuc., I, 117, 1; Diod., XII, 28, 1). Благодаря этому в течение 14 дней самосцы имели превосходство на море и обеспечили себя всем необходимым на случай длительной осады.

Перикл, не обнаружив со стороны финикийцев никакого желания вступить в сражение с афинянами и узнав о поражении, через 14 дней вернулся к Самосу. По возвращении он собрал флот, численностью превосходивший самосский (Thuc., I, 117, 2; Diod., XII, 27, 2; Plut. Per., 27, 1), и, нанеся в морском сражении новое поражение самосцам, начал осаду города. Осада была дорогостоящей и длилась девять месяцев.

Захватив город, Перикл прежде всего наказал виновных (Thuc., I, 117, 2; Diod., XII, 27, 3; Plut. Per., 26).

Афиняне также потребовали от самосцев скрыть стены и выдать флот. Вместе с тем, учитывая важность стратегического положения Самоса, его влияние в Эгеиде, слабость проафинских позиций на острове, афиняне проявили гибкость в отношении покоренных. Источники единодушно сообщают о том, что после подавления восстания афиняне не оставили на острове свой гарнизон. Даже остров Аморгос, которым раньше управляли самосцы, оставался под их контролем⁶. Что же касается земельных владений самосских олигархов, то, по крайней мере, часть их земли была конфискована в пользу афинских эпонимов и богини Афины⁷. Неупоминание Самоса после подавления восстания в афинских налоговых списках объясняется тем, что по требованию Афин самосцы в установленное время должны были выплатить большую контрибуцию.

Согласно литературной традиции, ее сумма была равна 1200 талантам (Isocr., XV, 111; Nep. Tim., 1; ср.: Diod., 28, 3). Основным эпиграфическим доказательством, свидетельствующим о финансовых расходах афинян в Самосской войне, является надпись, сообщающая о денежных суммах, взятых из священной казны Афины в 441/40 и 440/39 г. до н. э. для войны против Самоса (IG², I, № 293 = Tod², № 50 == ML, № 55). Хотя текст надписи очень фрагментарен, сохранились точные данные о денежных суммах, израсходованных афинянами в указанное время: 128, 368 и 908 талантов. Общая их сумма, 1404 таланта, соответствует итоговой сумме, указанной в конце надписи. Интерпретируя этот документ, эпиграфисты отмечают, что названные в нем суммы отражают расходы

⁶ Остров Аморгос не встречается в афинских налоговых списках до 434/3 г. до н. э. По-видимому, только с этого времени, а не с 439 г. до н. э. Самос потерял над ним контроль и Аморгос был признан афинянами как самостоятельная податная единица (Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 356; Kagan D. The Outbreak of the Peloponnesian War. London, 1969. P. 176).

⁷ Некоторые исследователи считают, что афиняне конфисковали всю землю острова, как это они сделали в связи с городами Эвбеи (Nesselhauf H. Untersuchungen zur Geschichte der delisch-attischen Symmachie // Klio. 1933. Bd. 30. S. 138 ff.). Но если бы вся земля самосских граждан была конфискована афинянами, каким тогда образом самосцы сумели бы уплатить в установленный срок военные издержки?

афинян на подчинение Византия (128 талантов) и ведение войны против Самоса (368 + 908 = 1276 талантов), а издатели афинских налоговых списков пришли к выводу, что установленную афинянами контрибуцию самосцы выплачивали ежегодно по 50 талантов в течение двадцати шести лет и окончательно выплатили ее в 413 г. до н. э. (ATL. Vol. III. P. 334 f.)⁸.

После подавления восстания афиняне установили на Самосе демократический режим (Diod., XII, 28, 4). Отчасти это подтверждает и один из фрагментов декрета, регулировавшего отношения между Афинами и Самосом (IG², I, № 50 = SEG, X, № 39 = ATL. Vol. III. D 18 = StV, II, № 159 = ML, № 55), в котором речь идет о взаимных клятвах афинян и самосцев. Общее содержание этих клятв известно и по другим декретам, касавшимся отношений Афин с Милетом, Эритрами, Колофоном, Халкидой. Клятва же, которую давали афиняне самосцам, отражала умеренность их политики в отношении Самоса. Это наиболее отчетливо проявляется при сравнении с афинской клятвой, данной халкидянам. Давая клятву халкидянам, афиняне обещали не применять насилия, если те будут сохранять верность Афинам. В данном же декрете афиняне клялись заботиться об интересах самосского демоса (сткк. 20—23). Часть низложенных и бежавших олигархов укрепились в Анее, расположенной на материке, напротив Самоса, и вела себя враждебно по отношению к самосцам и афинянам (Thuc., III, 19, 2; 32, 2; 14; 75, 1).

Вскоре после урегулирования отношений Афин с Самосом в империю был возвращен и Византий (Thuc., I, 117, 3). По-видимому, поражение Самоса сделало бессмысленным сопротивление Византия, и он вновь стал подданным афинян на прежних условиях. К сожалению, о том, каковы были эти условия, нам ничего не известно. Мы располагаем лишь данными, что Византии, как и большинство союзников Афин, платил форос, причем

⁸ Meritt B. D. 1) Epigraphic Notes // AJA. 1934. Vol. 38. P. 69; 2) The Expense Account of the Samian War // AJA. 1934. Vol. 38. P. 365 ff; ATL. Vol. III. P. 334 f; Will Ed., Mosse CI., Goukowsky P. Le monde grec et l'Orient. T. I. Paris, 1972. P. 285.

размеры его росли. Так, в 449 г. до н. э. он платил 15 талантов, в 442—440 гг. до н. э. — 15 талантов 4300 драм, а уже в 432 г. до н. э. его налог составил 18 талантов 1800 драм (Hill. Tab., 3, 11, № 44). Подобно Самосу, Византий владел двумя городами на азиатском побережье Пропонтиды — Бисбиком и Каллиполем. Как и Аморгос, они впервые появляются в афинских налоговых списках только в 434/3 г. до н. э. Очевидно, оба эти города оставались в сфере влияния Византия до этого времени. Умеренное отношение к Византию, вероятно, также объяснялось стратегической важностью этого города и опасностью со стороны персов.

Итак, завершая анализ данных источников о самосском восстании, можно прийти к следующему выводу. Восстание самосцев было важной вехой в истории взаимоотношений афинян со своими союзниками. Если в предшествующее время в восстаниях участвовали, как правило, те члены морского союза, которые были уже покорены афинянами и не желали больше терпеть бремя афинского господства, то теперь в борьбу с Афинами начали вступать полисы, еще сохранявшие свою автономию.

После победы в Самосской войне и возвращения в империю Византия афиняне не ослабили свой контроль над союзниками и не отказались от великодержавной политики⁹. Они лишь старались сделать ее более гибкой. Так, с одной стороны, они не применили чрезмерного

⁹ Оценивая значение Самосской войны некоторые исследователи считают, что сложившаяся после покорения Самоса ситуация характеризовалась как status quo между Пелопоннесской лигой и Афинским морским союзом и в афинской внешней политике вскрылись новые тенденции, заключавшиеся в стремлении Перикла стабилизировать отношения в Афинской архэ и укрепить мирные отношения со Спартой и пелопоннесскими полисами. Отсюда делается вывод, что после Самосской войны длительный мир между Афинами и Спартой стал более вероятным, чем прежде (Kagan D. The Outbreak. .. P. 178). Однако с этим нельзя согласиться. Сведения источников подтверждают, что соглашение о Тридцатилетнем мире между Спартой и Афинами оставалось в силе только до начала Самосской войны (Thuc., I, 118, 1; Diod., XII, 28, 4; Plut. Per., 28; 29, 1). Совершившиеся вслед за этим события сделали неизбежной Пелопоннесскую войну 431—404 г. до н. э., и ответственность за это не может быть снята с Афин и их тогдашнего лидера Перикла.

насилия к восставшим, хотя лишили их автономии и заставили выплачивать высокую контрибуцию. В Карию, где во время самосского восстания возникли антиафинские выступления, Перикл, опасаясь конфликта с персами, проявил умеренность и значительную часть карийских городов освободил от уплаты фороса. С другой стороны, афиняне в ряде городов увеличили сумму взимаемого налога, установили дополнительную приплату к налогу, так называемую эпифору, впервые зафиксированную эпиграфическими источниками уже в 440 г. до н. э.¹⁰, а также перевели некоторые ранее зависимые от других полисов общины в разряд автономных, чтобы взимать с них особый налог (ἀλόταξις)¹¹. Афины не отказались от расширения своей гегемонии в стратегически важных районах, в частности во Фракии, Македонии и Понте.

Со времени Писистрата внимание афинян было приковано к Гелеспонту. Через проливы в Афины регулярно поступали зерно, рыба, рабы и другие товары из Причерноморья. После потери Египта Причерноморье, особенно северное, оставалось для Афин главным источником хлеба и других продуктов¹², поскольку доставка зерна из Сицилии и южной Италии была затруднена, так как дороги, ведущие в западное Средиземноморье, афинянами не контролировались; кроме того, их стремление укрепить свое влияние в Сицилии и южной Италии встречало

¹⁰ ATL. Vol. I. P. 450 ff. К дискуссии об эпифоре см.: *Meiggs R. The Athenian Empire*. P. 432 f.; *Кондратьев М. В. Архэ и афинская демократия // Античная Греция. Ч. I. М., 1983. С. 335, прим. 44.*

¹¹ *Harpcr.*, S. v. ἀλόταξις; ср.: ATL. Vol. I. P. 455.

¹² Более подробно о роли Причерноморья, в том числе и Северного, для Афин и Афинской державы см.: *Брашинский И. Б. 1) Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 1958. № 3. С. 110 слл.; 2) Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963. С. 11 слл., 56 слл.; Карышковский П. О. Ольвия и Афинский союз // МАСП. 1960. Т. 3. С. 73 слл.; French A. The Growth of the Athenian Economy. London, 1964. P. 108 ff.; Kagan D. The Outbreak... P. 179 ff.; 387 ff.; Виноградов Ю. Г. 1) Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства // ВДИ. 1981. № 2. С. 65 слл.; 2) Политическая история Ольвийского полиса VI—I вв. до н. э. М., 1989. С. 120 слл.; Суриков И. Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2 С. 98 слл.*

сопротивление со стороны сиракузян, коринфян и пелопоннесцев. Поэтому обеспечение безопасности торговых путей, ведущих через проливы в Черное море, и укрепление в этом районе афинского господства, оказавшегося под угрозой в результате восстания Самоса, участия в нем Византия и соседних городов, а также помощи, оказанной восставшим персами, Перикл считал первоочередной задачей афинской внешней политики в рассматриваемое время.

Наши источники, как литературные, так и эпиграфические, хотя и не дают полной и всесторонней информации, тем не менее позволяют обрисовать в общих чертах план мероприятий Перикла, предусматривающих укрепление афинского контроля в проливах и в прилегающих к ним районах. Именно с этой целью была предпринята понтийская экспедиция Перикла (*Plut. Per.*, 20, 1 sq.). Хронология ее является спорной, но, видимо, правы те исследователи, которые рассматривают понтийский поход Перикла как закрепление и развитие успехов, достигнутых в Самосской войне, и датируют его временем между 439/8 и 436/5 г. до н. э.¹³

Результатом похода Перикла было укрепление афинского влияния в Синопе, куда после изгнания тирана Тимесилая и его сторонников афиняне переселили 600 своих

¹³ К дискуссии о хронологии и целях экспедиции Перикла см. в указанных выше статье и книге Брашинского; также см.: *Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959. С. 66; Карышковский П. О. Ольвия. .. С. 78 сл.; Виноградов Ю. Г. Синопа... С. 66; Суриков И. Е. Историко-географические проблемы... С. 98 сл. Исследователи совершенно правильно связывают понтийскую экспедицию Перикла с событиями Самосской войны. Эта экспедиция, несомненно, была одним из мероприятий, которое вслед за подавлением самосского восстания и восстановлением власти Афин над Византией закрепляло достигнутый успех афинян. Во время Самосской войны персы осуществляли активное вмешательство во внутренние дела греческих полисов, оказывая поддержку антиафинским силам, что было явным нарушением условий Каллиева мира. Поэтому понтийскую экспедицию Перикла можно вполне рассматривать как ответную меру афинян, стремившихся продемонстрировать перед варварами свое могущество. Против этого, однако, см.: *Блаватская Т. В. Ук. соч. С. 66 сл.; Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье. .. С. 59.**

граждан (Plut. Per., 20, 2)¹⁴. Возможно, в это же время на азиатском побережье Мраморного моря афиняне основали Астак (Strab., XII, 4, 2; Memn., FGH 434 F 12, 2; Diod., XII, 34, 5), а на северном побережье Малой Азии к востоку от Синопы — колонию в Амисе¹⁵ (Theop., FGH 115 F 389; Plut. Luc., 19, 7; Appian. V. M., 83). Вместе с тем успехи понтийской экспедиции Перикла способствовали усилению афинского господства над союзниками. Теперь, когда Геллеспонт и Боспор стали в известном смысле афинскими проливами, Эгеида превратилась во внутреннее море Афинской империи. Как правило, афиняне свои успехи старались закрепить юридически. Вероятно, именно в это время появилась афинская коллегия геллеспонтфилаков, предназначенная контролировать ввоз из Черного моря зерна и других предметов импорта¹⁶.

Некоторые ученые считают, что Перикл с флотом прибыл также на северное побережье Черного моря, подчинил тут греческие города и включил их в Афинскую державу¹⁷. При этом по их мнению, политика Перикла по отношению к Северному Причерноморью существенно не

¹⁴ По данному поводу см.: Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье. ... С. 59 сл.; Kagan D. The Outbreak. ... P. 197; Виноградов Ю. Г. Синопа... С. 65 сл. О действиях Перикла в Синопе и возможном установлении после этого здесь демократического правления по афинскому образцу см.: Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 99 сл.; Касаткина Н. А. Афинские военно-земледельческие поселения VI — V вв. до н. э. Канд. дисс. Рукопись. Л., 1983. С. 170 слл.

¹⁵ Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье. ... С. 89; Kagan D. The Outbreak. ... P. 181, 389; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 198.

¹⁶ Надписи с упоминанием данной коллегии (IG², I, № 57—58; Tod², К» 61; SEG, X, № 66; 74) относятся к последней четверти V в. до н. э. Однако это не исключает появления самой коллегии в более раннее время.

¹⁷ К дискуссии об этом см.: Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье... С. 61 слл.; Виноградов Ю. Г. Синопа... С. 126 слл.; Суриков И. Е. Историко-географические проблемы... С. 98 сл. Возражения против этого мнения, высказанные Брашинским, представляются вполне убедительными. Как подчеркивает ученый, располагая единственным источником (хотя, несомненно, и ценным), нельзя содержащиеся в нем сведения трактовать произвольно.

отличалась от политики по отношению к другим основным источникам хлебного снабжения — Сицилии и Египта. Однако, возражая этим ученым, необходимо подчеркнуть, что в отличие от западного Средиземноморья связи афинян с Северным Причерноморьем не требовали их постоянного присутствия в регионе и подчинения здешних греческих городов афинскому господству. Проблема решалась в проливах. Тот, кто их контролировал, бесспорно, получал все преимущества от контактов с Северным Причерноморьем.

События же Самосской войны показали, что если Геллеспонт уже прочно находился во власти Афин, то их влияние в Боспоре оказалось под угрозой. Понтийская экспедиция Перикла и предусматривала закрепление афинского господства в Боспорском проливе. Установив свой контроль над проливами, афиняне в своих контактах с Северным Причерноморьем считали достаточным ограничиться только дипломатическими каналами, т. е. установлением дружественных отношений и союзов с местными царями, династиями и греческими городами.

Что же касается Западного Средиземноморья, то афиняне, не имея контроля над морскими путями и встречая сопротивление со стороны Сиракуз, Коринфа и всех пелопоннесцев, в конечном итоге признали необходимым с помощью насильственных военных мер установить здесь свое господство.

Не менее важным для Афин на пути в Понт был и район Фракии и Македонии, богатый корабельным лесом и металлами, в том числе драгоценными (Strab., VII, fr. 34). Вдоль всего побережья, от Халкидики до Византия, были расположены города, подвластные Афинам. Во время Самосской войны тут было неспокойно, некоторые полисы отказались платить налог (Hill. Tab. 3. III. P. 411). Положение становилось особенно опасным для афинян, поскольку недовольные афинским господством общины могли получить тогда поддержку от македонян и фракийцев, тем более что отношения афинян как с теми, так и с другими были в первое время после Самосской войны далеко не дружественными (Thuc., II, 29; 96 sq., 99; Plut. Cim., 14; Strab., X, 1, 3). Поэтому в целях укрепления сво-

его господства на фракийском побережье афиняне основали две колонии — Брею и Амфиполь. Основание Бреи, имевшее место, с точки зрения ряда исследователей, вскоре после Самосской войны (возможно, около 438—437 гг. до н. э.), нашло отражение в специальном декрете (IG², 1, № 45 = Tod², № 44 = SEG, X, № 34 = Hill. В 55), а также в словарях лексикографов (Hesych, s. v. Βρέα [= Kratin, F 395]; Steph. Byz, s. v. Βρέα [= Theop, F 145]¹⁸).

Текст декрета позволяет отметить, что этой колонии афиняне придавали огромное значение. По-видимому, в планах афинян она должна была стать бастионом афинского господства в стратегически важном районе фракийского побережья и держать под контролем города Халкидики, которые в период Самосской войны занимали враждебную позицию в отношении Афин. Специально подчеркивалось, что соседние города в кратчайший срок обязаны в соответствии с имеющимися соглашениями прийти на помощь колонистам, если они подвергнутся нападению (сткк. 13—17). В то время как в большинстве других случаев организация колонии осуществлялась главным образом за счет средств самих колонистов, при основании Бреи государство брало на себя почти все расходы, хотя каждый колонист вносил определенный взнос для участия в колонизации (сткк. 1—3). Эту колонию можно считать в полном смысле государственной, ибо контроль Афин проявлялся буквально во всем: от организации колонии, назначения ойкиста, бывшего стратега Демоклида (сткк. 8, 34—35), участника

¹⁸ О месте расположения Бреи противоборствующими являются два мнения: одни исследователи считают, что Брея находилась к северо-востоку от Халкидики в земле бисалтов, другие помещают ее к северо-западу от Халкидики на побережье Фермейского залива. В данной связи см. в комментариях Тода (P. 88 ff.) и Мейгса (P. 129 ff.) к тексту декрета; также: Kagan D. *The Outbreak*. ... P. 183 ff., 389 f.; Яйленко В. П. *Греческая колонизация VIII—III вв. до н. э. М., 1982. С. 156 сл.*; Касаткина И. А. *Афинские военно-земледельческие поселения*. ... С. 152 сл. Скорее всего колония Брея появилась на побережье Фермейского залива в 438/7 г. до н. э. К дискуссии об этом см.: Alexander J. A. *Thucydides and the Expedition of Callias against Potidea 432 B. C.* // *AJPh.* 1962. Vol. 83. P. 265 ff.; Ashery D. *The Site of Brea* // *AJPh.* 1969. Vol 90. P. 337 ff.; Kagan D. *Op. cit.* P. 104 ff.

Самосской войны (на это указывает афинский декрет о Самосе — сткк. 42), и распределения земли до определения тех социальных слоев афинского общества, представители которых могли участвовать в колонизации (феты и зевгиты). Дальнейшая судьба колонии не известна; возможно, она, выполнив функцию, прекратила существование после того, как центром афинского господства в этом районе стала Потидея.

Амфиполь возник в 437/6 г. до н. э. к северо-востоку от Халкидики, на берегу реки Стримон (Thuc., IV, 102, 3; ср.: Thuc., 103, 3; 106, 1; 108, 1; Diod., XII, 22, 3; 68, 2; Schol. Aesch, II, 31 (34); Polyae., VI, 53; Harpocr., s. v. Ἀμφίπολις [= Androt, F 33])¹⁹. Этот район был не менее важен для Афин в стратегическом отношении, чем побережье Фермейского залива, где была основана колония Брея. Афиняне, как уже отмечалось выше, стремились укрепиться здесь еще при Кимоне в 465 г. до н. э. Однако колонисты были разгромлены фракийцами у Драрбеска (Paus., II, 29, 4 sq.). Владение этим районом давало большие преимущества, поскольку место было богато лесом, серебром и золотом. Фукидид сообщает (Thuc., IV, 108, 1), что из Амфиполя

... значительные денежные доходы, которые, очевидно, протекали от контроля за переправой через Стримон. Амфиполь был необходим Афинам и для решения важных стратегических задач. Река Стримон являлась естественной границей между Фракией и Македонией. Именно тут было больше всего пограничных споров (ср.: Thuc., II, 95—102). Контролируя переправы через Стримон, афиняне стремились не допустить объединения македонян и фракийцев. Кроме того, Амфиполь на северо-востоке, как и Брея на северо-западе, служил важным опорным пунктом, позволявшим афинянам удерживать контроль над городами Халкидики.

¹⁹ Об основании Амфиполя см.: Gomme A. W. *A Historical Commentary*. ... Vol. I. P. 390 f, 396; Vol. III. P. 573; ATL. Vol. III. P. 308 ff.; Gschnitzer F. *Abhängige Orte in griechischen Altertum*. München, 1958. S. 91 ff.; Graham A. J. *Colony and Mother City in Ancient Greece*. 2-nd ed. Manchester, 1964. P. 37 f, 199; Kagan D. *The Outbreak*... P. 167 ff.

Население Амфиополя было смешанным. Оно состояло из афинян и граждан соседних городов, членов Афинского морского союза (Thuc., IV, 103, 3 sq.; 106). Этот факт и факт выселения в Брею части фетов и зевгитов свидетельствуют о том, что Периклу удалось к середине 30-х гг. V в. до н. э. с помощью выведения колоний и клерухий сгладить социальную напряженность. По-видимому, в рассматриваемое время в Афинах уже не было избыточного населения, нуждавшегося в земле. Однако, несмотря на смешанный характер населения, колония была афинской и ее основателем был бывший стратег Гаггон, также являвшийся участником Самосской войны (Thuc., IV, 102, 3; ср.: Thuc., I, 117, 2).

Не случайно, что основателями колоний Бреи и Амфиополя были бывшие стратеги, участники Самосской войны. Вероятно, выведение этих колоний осуществлялось по заранее разработанному плану и предусматривало осуществление тех стратегических задач, о которых говорилось выше. Некоторые исследователи отвергают имперский агрессивный характер внешней политики Афин после 445 г. до н. э. и называют эту политику «политикой консолидации». Они считают, что основание колоний Бреи и Амфиополя хотя и способствовало усилению господства афинян, тем не менее было необходимо Афинам не для дальнейшей экспансии, но для укрепления своей безопасности²⁰.

С этой концепцией трудно согласиться. Она противоречит данным Фукидида. По его мнению, агрессивность Афин на протяжении всего периода Пентеконтаэтии не ослабевала, а скорее усиливалась и приобретала все более гибкие формы. Подобная мысль лучше всего отразилась в приведенной Фукидидом речи афинских послов в Спарте накануне Пелопоннесской войны (Thuc., I, 75, 3): «Мы вынуждены были довести нашу власть до теперешнего состояния прежде всего самим течением обстоятельств, больше всего из страха перед персами, потом из чувства

²⁰ Ste Groix G. E. M. de. *The Character of the Athenian Empire* // *Historia*. 1954. Bd. 3. P. 1 ff.; Kagan D. *The Outbreak...* P. 189; Sealey R. A *History of the Greek City-States ca 700—338 B. C.* Berkeley, 1976. P. 311 ff.

чести и, наконец, ради наших интересов». Последнее положение (ύστερον καὶ ὀφέλιμα) явно отражает представление Фукидида об имперских гегемонистских устремлениях афинян (ср.: Thuc., I, 75, 4).

2. Культурная экспансия Афин

Характеризуя афинскую культуру периода расцвета в середине V в. до н. э., обычно подчеркивают ее эстетическое назначение, указывают также на важность демократических преобразований в Афинах, превративших их в центр культурной жизни Эллады.

Между тем расцвет афинской культуры, пропаганда ее достижений во всей Элладе были тесно связаны с процессом становления и развития Афинской империи. Как возникновение империи было результатом развития афинского полиса и его внешнеполитических устремлений, так и выдающиеся достижения афинской культуры, признание Афин в эллинском мире «школой Эллады» были следствием целенаправленного использования финансовых средств, получаемых афинянами от эксплуатации своих союзников и подвластных городов, и преимуществ, которые доставляло Афинам их политическое и военное превосходство.

Афинские политики во главе с Периклом осознавали, что признанной всеми греками афинской гегемонии в Элладе нельзя достигнуть только военными средствами или мерами политико-экономического и юридического характера. Этими средствами можно лишь подкрепить и сохранить на определенное время гегемонию. Надежно же она может быть защищена только при условии признания авторитета Афин большинством эллинских полисов. И в этом случае достижения афинской культуры и их пропаганда могли стать более действенным оружием, чем афинский военно-морской флот.

Именно этими идеями, вероятно, и руководствовался Перикл, предпринимая в 449 г. до н. э. попытку созыва в Афинах общеэллинского конгресса, одной из задач которого был сбор средств на восстановление греческих храмов, сожженных и разрушенных персами (Plut. Per.,

17). Осуществление этих целей значительно укрепило бы авторитет Афин в греческом мире и облегчило бы Афинам путь к утверждению гегемонии в Элладе. Но, как уже отмечалось выше, Периклу не удалось скрыть от пелопоннесских государств истинные цели афинской панэллинской политики.

После этого лидеры Афин во главе с Периклом принимают решение об использовании денег, собранных с союзников, для развертывания широкой строительной программы в Афинах²¹. Хотя в нашем распоряжении недостаточный круг источников, тем не менее они относительно разнообразны. Прежде всего это папирусный документ, хранящийся в Страсбурге и содержащий комментарий (или его эпитому) к XXII речи Демосфена, в котором говорится о строительстве Парфенона и Пропилей. Сохранились также декреты о стоимости строительства этих сооружений (ML, № 59; 60). И, наконец, подробное описание строительной программы Перикла дано в его биографии, написанной Плутархом.

О папирусном документе и его содержании речь уже шла выше. Из этого документа следовало, что в 449 г. до н. э. Перикл выдвинул декрет, согласно которому деньги, собранные с союзников и хранящиеся после 454 г. в казне богини Афины, предполагалось использовать для финансирования широкой строительной программы.

Плутарх, подробно описывая гражданское строительство, предпринятое Периклом, подчеркивал его непосредственную связь с имперской политикой Афин. Оно должно было не только вызвать восхищение у жителей других государств, но и показать, что разговоры о могуществе Афин и об их древнем богатстве не пустая ложь. Ради этого Перикл не

²¹ Более подробно об этой строительной программе см.: Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. М., 1961. С. 110 сл.; Boersma J. S. Athenian Building Policy. Groningen, 1970. Ch. 1, 6, 8; Meiggs R. The Athenian Empire. Ch. 14; Макарова О. М. Строительная политика Перикла и классический образ богини Афины в Афинской архэ // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара. 2001. Вып. 5. С. 10 сл.; Строгоцкий В. М. Строительная политика Перикла и «культурная» экспансия Афин // Акра. Сборник научных трудов. Н. Новгород, 2002. С. 142 сл.

скупился в средствах и стремился осуществить программу в кратчайшие сроки. Он спешил, осознавая неизбежность новой Пелопоннесской войны, ее ускоряющееся развязывание.

Наиболее грандиозными сооружениями были Парфенон и Пропилеи. Парфенон, храм богини Афины, строился в течение девяти лет, с 447 по 438 г. до н. э., но отделочные работы продолжались вплоть до 432 г. до н. э. Строительство Пропилей шло пять лет (437—432 гг. до н. э.). Трудно сказать, в какую сумму обошлось сооружение Парфенона, так как сохранившаяся надпись не позволяет назвать вполне определенную цифру²²; постройка же Пропилей стоила к началу Пелопоннесской войны 2000 талантов.

Однако только одного грандиозного строительства, которое бы украсило город и вызвало у жителей других государств восхищение, было недостаточно. Широко использовалась пропаганда афинской культуры, т. е. то, что и можно назвать культурной экспансией Афин.

Празднования в честь Афины (Великие Панафинеи) и Диониса (Великие Дионисии), Элевсинские мистерии приобретают общегреческий характер, а для жителей городов, входивших в состав Афинской империи, участие в этих праздниках становится обязательным.

Стали широко пропагандироваться афинские победы в Греко-персидских войнах. Собственно говоря, сам проект реконструкции Акрополя предусматривал превращение его в выдающийся архитектурный памятник, прославляющий великолепие Афин — победителя персов.

Следы энкомия в честь Афин мы встречаем уже в «Истории» Геродота. Он прославляет род Алкмеонидов, к которому принадлежал Перикл (Hdt., VI, 121), подчеркивает величие (Hdt., VIII, 77) и благоразумие (Hdt., I, 60; VIII, 3; IX, 27) афинян.

Именно в это время Афины начали претендовать на роль борца за свободу и спасителя Эллады и других народов (Hdt., VIII, 3; 142-144; IX, 90). Далекое не все

²² Мейгс и Льюис, комментируя надпись о стоимости строительства Парфенона (ML, № 59), приводят мнение ученых о том, что оно могло обойтись в 700—800 талантов.

одно афинское не вызывает упрека в подчиненных, что они будто бы покоряются людям недостойным владеть. Создавши могущество, подкрепленное ясными доказательствами и достаточно засвидетельствованное, Афины послужат, — как считает автор, — предметом удивления для современников и потомства. Своей отвагой афиняне заставили все моря и все земли стать для них доступными, они везде соорудили вечные памятники содеянного ими добра и зла» (Thuc., II, 41, 2—4). Это ли не лучшее подтверждение афинского империализма?

Кратко сформулированные Фукидидом мысли о культурной экспансии афинских духовных ценностей впоследствии развил и углубил Диодор, пользовавшийся, кроме Фукидида, еще и сочинением Эфора. Ценным источником информации на этот счет может служить приведенная Диодором речь сиракузянина Николая, которую он произнес на собрании, где решался вопрос о судьбе афинских военнопленных, потерпевших поражение после неудачной сицилийской экспедиции 415—413 гг. до н. э.

Главная идея, отразившаяся в речи Николая, заключается в том, что афиняне являлись не только учителями и благодетелями людей, но и творцами цивилизованного образа жизни. В подтверждение этому Диодор приводит, по крайней мере, три важных доказательства.

Так, историк отмечает, что Афины претендовали на то, чтобы их город считался убежищем для претерпевающих страдания (Diod., XII, 227). Эти претензии отчасти оправдывались исторической действительностью. Афины в самом деле давали убежище многим представителям ахейской знати, и впоследствии там был сооружен Алтарь прощения, который получил название «Кроткое милосердие» (Paus., I, 17).

В другом месте Диодор подчеркивает, что «афиняне заслужили уважение и чувство благодарности за их благодеяния людям, поскольку они первыми познакомили эллинов с цивилизованным образом жизни. Они открыли законы, благодаря которым общая жизнь из жестокой и полной насилия превратилась в упорядоченную и справедливую» (Diod., XIII, 26, 2 sq.).

Наконец, развивая мысль Фукидида, Диодор утверждает, правда, в духе эллинистическо-римских космополитических идей, что Афины являлись школой для всех людей, ибо они приобщали их к священным мистериям и позволяли чужеземцам, живя в городе, обучаться свободным наукам.

Немаловажная роль в деле прославления авторитета Афин в эллинском мире принадлежала современникам Перикла — трагикам Софоклу («Эдип в Колоне», «Аякс») и Еврипиду («Просительницы») ²³.

3. Реакция Спарты и ее союзников на внешнеполитическую активность Афин. Кризис 30-х гг. V в. до н. э. и проблема неизбежности второй Пелопоннесской войны.

40—30-е гг. V в. до н. э. были заключительным и решающим этапом в истории афинско-спартанских отношений в период Пентеконтаэтии. Поэтому тем более важно рассмотреть сущность кризиса 30-х гг. V в. до н. э., приведшего к разрушительной Пелопоннесской войне, и выяснить, была ли эта война результатом закономерного развития межполисных отношений предшествующих десятилетий или явилась следствием совокупности случайных факторов. Решение этих вопросов может быть весьма плодотворным, поскольку в нашем распоряжении есть широкий круг источников, которые не столько различаются между собой в трактовке событий, сколько дополняют друг друга.

Как уже отмечалось, античная традиция единодушна в том, что соглашение о Тридцатилетнем мире, заключенное между афинянами и лакедемонянами, продолжало оставаться в силе вплоть до Самосской войны. Наиболее

²³ Эта тема получила достаточно глубокое освещение как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. См.: История греческой литературы / Под ред. С. Я. Соболевского и др. Т. I. М., 1946. С. 342; Knox B. M. W. *The Heroic Temper: Studies in Sophoclean Tragedy*. California, 1960; Падице С. И. *История древнегреческой литературы*. М., 1977. С. 229 слл.; *Winnington-Ingram R. D. Sophokles: An Interpretation*. Cambridge, 1980.

отчетливо эта мысль выражена у Диодора (Diod., XII, 28, 4). Таким образом, начало кризиса, вероятно, было связано с первыми (по крайней мере, засвидетельствованными в источниках) нарушениями договора о мире. Несомненно, когда спартанцы ставили на голосование в конгрессе Пелопоннесской лиги вопрос об оказании помощи восставшим самосцам, они уже не считались с условиями мира. Нарушение условий мира со стороны афинян спартанцы, вероятно, усматривали в ущемлении ими интересов пелопоннесских союзников (Thuc., I, 118, 2). Особенно ярко это обнаружилось вскоре после Самосской войны.

Важнейшими вехами этого кризиса источники называют коркирские события, или, как их трактует поздняя историография, Коринфскую войну (Thuc., I, 24–55; 68, 4; Diod., XII, 30, 2-5; 31, 2-34, 1; Plut. Per., 29, 1–4; Aristod., 17); действия афинского стратега Формиона в Амбракии (Thuc., II, 68, 7 sq.); события в Потидее и расторжение договора с Пердиккой II, царем Македонии (Thuc., I, 56-66; 68, 4; 71, 4; 199, 1; 140, 3; II, 2, 1; Diod., XII, 34, 2-4; 37, 1; Aristod., 18; Plut. Per., 29, 6); а также действия афинян в отношении Мегар (Thuc., I, 67, 4; 139, 1 sq.; 140, 3 sq.; 144, 2; Diod., XII, 39, 4 sq. [= Ephor., F 196]; Aristoph. Acharn, 515–539 со схолиями; 532; Pax, 605–611 со схолиями; Plut. Moral., 812 d; Per., 29, 4; 29, 7-31, 1; Aristod., 16, 1-3; Andoc., III, 8; Aeschin., II, 175).

Уже античная традиция усматривала тесную связь между явлениями внешнеполитического кризиса и факторами обострения внутривосполитических противоречий. Особенно это характерно для Афин, где в 30-е гг. V в. до н. э. активизировалась деятельность оппозиции против Перикла (Diod., XII, 39, 1 sq.; Plut. Per., 32, 1-5; Aristod., 16, 1 sq.; Aristoph. Pax, 603–605 со схолиями [= Philoch, F 121]; Athen, XIII, 589 e; Diog. Laert, II, 5, 19).

Относительно трактовки причин возникновения Пелопоннесской войны в античной традиции можно выделить две версии. Первая из них принадлежит Фукидиду, вторая в наиболее концентрированном виде представлена у Диодора и Плутарха. Диодор (Diod., XII, 38, 2–39, 3 [= Ephor., F 196]), опираясь главным образом на Эфора и,

возможно, Тимея, представляет Перикла как главного ее виновника. Насколько можно судить по данным Аристофана (Aristoph. Acharn, 530-539) и Плутарха (Plut. Per., 30, 2, 4; 31, 1; 32, 6), эта версия в основе своей восходит к мнению V в. до н. э., распространенному в кругах, враждебных Периклу. Несомненно, целый ряд деталей этой традиции имеет анекдотический характер (Diod., XII, 38, 3; Plut. Alc., 7; Moral., 186 e; Aristod., 16, 4), но, рассматривая ее в целом, следует отметить в ней и некоторый рациональный смысл. По Диодору (Diod., XII, 38, 4), «Перикл, зная, что в военное время народ прославляет благородных мужей в силу необходимости, а в мирное время на них клеветает вследствие зависти и праздного образа жизни, решил, что самое подходящее для него – вовлечь народ в большую войну, чтобы демос, имея нужду в доблести и руководстве Перикла, не соглашался с обвинениями против него и не располагал ни досугом, ни временем требовать от него тщательного отчета». В этом замечании Диодора удачно подмечена психология афинских граждан и политическая острота момента.

В 40-е и 30-е гг. V в. до н. э. в Афинах наблюдалось обострение внутривосполитической борьбы²⁴. В конце 40-х гг. V в. до н. э. Периклу пришлось столкнуться с оппозицией, представлявшей собой организованное олигархическое движение, возглавляемое Фукидидом, сыном Мелесия, зятем Кимона, создавшим тайную политическую гетерию (Plut. Per., 11; Arist. Ath. Pol., 28, 2). Именно сторонники Фукидида требовали от Перикла тщательного отчета об истраченных средствах (Plut. Per., 14). Однако Периклу удалось выйти победителем из этой борьбы, и Фукидид, сын Мелесия, был подвергнут ostracismu

²⁴ Об оппозиции Периклу и процессах против людей из его окружения см., Frost F. J. *Pericles, Thucydides son of Milesias and Athenian Politics before the War* // *Historia*. 1964. Bd. 13. P. 385 ff, 2) *Pericles and Dracontides* // *JHS*. 1964. Vol. 84. P. 69 ff, Bengtson H. *Griechische Geschichte*. München, 1969. S. 215; Andrewes A. *The Opposition to Pericles* // *JHS*. 1978. Vol. 98. P. 1ff., Podlecki A. J. *Pericles and his Circle*. London, 1998; Гуцин В. Р. *Перикл и начало Пелопоннесской войны* // *Paqa bellum*. 2002. № 15. С. 5 слл, Фролов Э. Д. *Кружок Перикла* // *Альтернативные социальные сообщества в античном мире*. СПб, 2002. С. 33 сл.

и отправлен в изгнание в 443 г. до н. э. (Plut. Per., 14, 3; 16, 3; Schol. Aristoph. Vesp., 947; Vit. Anon. Thuc., 7; ср.: IG², I, № 911-912 = Tod², № 45 = SEG, X, № 390).

Новый этап обострения внутривосточной борьбы наметился в конце 30-х гг. V в. до н. э. В это время оппозиция Периклу была более сложной по своему составу. В ней можно выделить экстремистов, представителем которых был Клеон, консерваторов, возглавляемых Никием, и олигархов, чьим вождем после 433 г. до н. э. стал вернувшийся из изгнания Фукидид. Враги Перикла были недовольны тем, что он в течение десяти лет почти единолично правил Афинами (Thuc., II, 65, 9; Plut. Per., 15). Сознвая очень высокий авторитет Перикла в государстве, они начали травлю его ближайших друзей и сподвижников; пострадали прежде всего Аспазия, Анаксагор и Фидий. Об этом и рассказывает отчасти Диодор (Diod., XII, 39, 1 sq.) и более подробно Плутарх (Plut. Per., 31 sq.). Понимая всю сложность внутривосточной обстановки, Перикл надеялся внешнеполитической активностью пресечь внутренние склоки и недовольство. Поэтому он настойчиво призывал афинских граждан к войне со Спартой (Thuc., I, 140—144).

Вместе с тем Диодор, излагая причины Пелопоннесской войны, объединил упомянутую выше традицию с сообщением Фукидида, правда, значительно сократив его повествование. Согласно Фукидиду (Thuc., I, 23, 5; 88), истинная причина нарушения Тридцатилетнего мира и начала войны, хотя на словах наиболее скрытая, состояла в том, что усиление афинян стало внушать опасение лакедемонянам и вынудило их начать военные действия. Касаясь причин войны, о которых говорилось открыто, Фукидид подробно излагает события, связанные с Эпидамном и Потидеей (Thuc., I, 24—66). Хотя Мегарскую псефизму он прямо не называет в качестве третьего повода к войне, тем не менее подчеркивает, что лакедемоняне настойчиво требовали от афинян отмены постановления о мегарянах (Thuc., I, 139, 1). Характеризуя отношение Спарты и Афин к войне, Фукидид отмечает попытки спартанцев урегулировать конфликт, хотя у них были как претензии к Афинам, так и желание воспользоваться их

затруднениями (Thuc., I, 40, 5 sq.; 41, 1—3). Однако, когда все большее число союзников стало жаловаться на афинян, они созвали Народное собрание, пригласив на него представителей союзных городов, и большинством голосов приняли решение о нарушении афинянами Тридцатилетнего мира (Thuc., I, 67 sq.). Афиняне же хотя сначала формально и старались соблюдать условия мира, тем не менее не хотели упускать удобного случая, когда Коркира обратилась к ним за помощью. После того как отношения афинян со Спартой особенно обострились, и война уже казалась неизбежной, афиняне созвали Народное собрание, на котором Перикл убедил граждан не подчиняться лакедемонянам и не бояться войны (Thuc., I, 127, 3; 140-144).

Диодор относительно подробно рассказывает о коркирских событиях (Diod., XII, 30—33), о Потидее (Diod., XII, 34; 37). Как и Фукидид, он придает особое значение требованию лакедемонян об отмене Мегарской псефизмы (Diod., XII, 39, 4). Подобно Фукидиду, Диодор говорит о неизбежности войны между ведущими полисами (Diod., XII, 41, 1). Наконец, Диодор с некоторыми сокращениями пересказывает две речи Перикла, объединив их в одну, сообщая о том, что Перикл убеждал афинян не подчиняться лакедемонянам и характеризовал финансовые средства и военные силы Афин (Diod., XII, 39, 5—40, 5).

Таким образом, можно сделать вывод, что сообщения Фукидида и Диодора, равно как и сведения других источников, взаимно дополняют друг друга, дают зримую картину начала Пелопоннесской войны и вызвавших ее причин.

Интерпретация этой античной традиции стала предметом дискуссии в историографии Нового и Новейшего времени²⁵.

²⁵ Подробнее об этом: *Строгецкий В. М. Античная традиция о причинах Пелопоннесской войны и отношение к ней в современной западноевропейской историографии // ВДИ. 1984. № 4. С. 114 сл.* Также см. следующие новейшие работы: *Badian E. Thucydides and the Outbreak of the Peloponnesian War. A Historians Brief // Conflict, Antithesis and Ancient Historian / Ed. by J. W. Allison. Ohio, 1990. P. 46 ff., 165 ff.; Kagan D. On the Origins of Peace. New Jersey, 1995; Rasmussen A. H. Thucydides Conception of the*

Со второй половины XIX в. взгляд Фукидида на причины Пелопоннесской войны получил широкое признание. Поэтому в большинстве исследований проводилась мысль о том, что основная причина Пелопоннесской войны — это афинский империализм и обусловленный им страх спартанцев. Однако с конца 50-х гг. V в. до н. э. наметилась тенденция к пересмотру античной традиции. В этой связи некоторые исследователи (Сили, Кэген и др.), отвергая мнение Фукидида, пытаются реконструировать подлинные, как они считают, причины войны.

Общим для всех отмеченных работ является сомнение в правильности выводов древнего историка. Естественно, возникает вопрос, каким образом Фукидид сумел убедить большинство своих читателей, не только древних, но и современных? Главным средством для этого, как считают ученые, были подбор одних фактов и умолчание о других, соответствующая система доказательств и речи, которые свидетельствуют о том, что Фукидид приписывал людям мотивы, идеи и цели, аутентичность которых трудно доказать. Однако, приняв эту точку зрения, мы должны признать, что Фукидид сознательно ставил перед собой цель ввести в заблуждение как своих современников, так и потомков. Но такой вывод едва ли можно считать конструктивным. Он всего лишь рецидив гиперкритицизма. Внимательное рассмотрение той части введения, где Фукидид характеризует метод своей работы (Thuc., I, 20—23), убеждает нас в том, что Фукидид ставил перед собой более серьезные цели, нежели приписываемые ему некоторыми современными исследователями.

Не лучше обстоит дело с ответом и на другой важный для решения нашей проблемы вопрос. Каким образом и почему Фукидид пришел к соответствующим выводам? Так, например, утверждают, что упомянутый выше вывод Фукидида о причинах Пелопоннесской войны

Peloponnesian War // Classica et Mediaevalia. 2001. Vol. 52. P. 57 ff.; 2002. Vol. 53. P. 81 ff.; Munn M. Thucydides on Plataea. The Beginning of the Peloponnesian War // Oikistes. Studies in Constitutions of Colonies and Military Power in the Ancient World Offered in Honor of A. J. Graham / Ed. by V. B. Gorman, E. W. Robinson. Leiden, 2002. P. 245 ff.; Гуцин В. П. Перикл... С. 5 ff.

(Thuc., I, 23) был обусловлен его полемикой с популярным представлением о том, что причинами войны были действия Перикла и Мегарская псефизма²⁶. Что такой взгляд действительно был известен в Афинах, мы уже говорили, однако Фукидид относился к этому мнению, распространенному в Афинах и, возможно, в Мегарах, отрицательно и не придавал Мегарской псефизме такого значения, какое имели в его представлении коркирские и потидейские события. Тем не менее он считал ее одним из важных факторов в афинско-спартанских отношениях.

Другая причина, побудившая Фукидида высказываться соответствующим образом, заключалась в том, что, по мнению исследователей, он, будучи ревностным почитателем Перикла, стремился представить его как проныцательного деятеля, способного предвидеть неизбежность войны. Здесь, как говорится, комментарии излишни. Оценка Фукидидом Перикла, как выдающегося государственного деятеля, общеизвестна, но она не дает основания говорить о преклонении перед ним историка, тем более что отношение Фукидида к политической форме правления в Афинах во время Перикла решается в литературе далеко не однозначно.

Только в одном случае ученые близко подошли к правильному решению вопроса, но говорят об этом мимоходом и с большой долей скептицизма по отношению к Фукидиду. Они отмечают, что Фукидид, веря в свойство человеческой природы повториться когда-либо в будущем в том же самом или подобном виде, стремился показать действие наиболее общих законов, определявших поведение людей. Однако исследователи тут же указывают, что хотя в силу этих причин многие сравнивали Фукидида с

²⁶См.: Thuc., I, 67, 4; 139, 1 sq.; 144, 2; Diod., XII, 39, 4; Plut. Per., 29—31; Schol. Aristoph. Pax, 605; Acharn., 532. По этому поводу см.: Kagan D. The Outbreak. .. P. 251 ff.; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 430 f.; Ste Groix G. E. M. de. The Origins of the Peloponnesian War. Ithaca; London, 1972. P. 229 ff., 392 f.; Bury J. B. A History of Greece. 4-th ed. London, 1975. P. 246; Sealey R. A History... P. 317 f.; Доватур А. И. Фукидид и Мегарская псефизма Перикла // ВДИ. 1982. № 1. С. 129 слл.

современными историками, он гораздо менее современен, чем Геродот.

Это замечание находится в тесной связи с популярной в западной историографии античности историко-философской теорией Колингвуда, согласно которой «Фукидид не был последователем Геродота в развитии исторической мысли. Он был человеком, у которого историческая мысль Геродота оказалась задавленной антиисторическими мотивами»²⁷. Главное доказательство антиисторизма Фукидида Колингвуд, а вслед за ним и Кэген видят в речах историка, в которых, как они считают, больше выдумки, чем истории²⁸. Здесь не место рассматривать сложную проблему особенностей речей у Фукидида; вместе с тем мы должны указать, что существует немало серьезных работ, в которых эта проблема решается совершенно иначе²⁹. Несомненно, составителем речей был сам историк. Однако не следует отвергать его замечание о том, что, составляя речи, он держался возможно ближе общего смысла действительно сказанного (Thuc., I, 22, 1). Подтверждением этой мысли могут служить «заготовки» многих речей, сохранившихся в VIII книге (например: Thuc., VIII, 53, 1; 3; 55, 2; 86, 3).

Но даже если мы согласимся с тем, что риторика в значительной степени снижала достоинства греческой историографии (правда, ее всевластие над ней окончательно определилось только в IV в. до н. э.), тем не менее нельзя не признать значения речей у Фукидида для характеристики взглядов историка и его представлений о политической позиции соответствующих ораторов и политики государств, от имени которых они выступали.

²⁷ Колингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 31.

²⁸ Колингвуд Р. Док. *Идея...* С. 31 сл.

²⁹ О значении речей, передаваемых Фукидидом, и отражении в них мыслей ораторов см.: Fritz K. von. *Die griechische Geschichtschreibung*. Bd. I. Berlin, 1968. S. 620 ff.; Ste Groix G. E. M. de. *The Origins...* P. 7 ff.; Arnold P. *The Persuasive Stuff of Debates in Direct Speech in Thucydides // Hermes*. 1992. Bd. 120. P. 44 ff.; ср.: Dover K. J. *Thucydides // GR*. 1973. Vol. 7. P. 21 ff.; Städter P. A. *The Speeches in Thucydides*. Chapel Hill, 1973.

Что же касается исторической концепции Фукидида, то она характеризовалась рядом важных теоретических положений, которых не могло быть (и не было) у Геродота и без которых было бы немисливо возникновение современной европейской историографии. Если Геродота интересовали прежде всего сами события и он обращался к чувствам людей, то Фукидид воздействовал на их разум и интересовался закономерностями, обусловившими эти события³⁰. Развиваемые Фукидидом идеи причинности и законосообразности, согласующиеся с его рационалистическим в своей основе мировоззрением, — это, пожалуй, и есть самое важное, без чего суждение Фукидида о причинах Пелопоннесской войны невозможно понять. Если мы признаем Пелопоннесскую войну как результат закономерного процесса развития отношений между полисами, то тогда не обнаружим никакого противоречия между общим выводом Фукидида и его анализом конкретных исторических данных.

Проводя различие между истинной причиной войны и теми причинами, о которых с обеих сторон говорилось открыто, Фукидид тем самым утверждает, что Пелопоннесская война явилась результатом взаимодействия главной внутренней и второстепенных внешних причин. Этой диалектики причинно-следственных связей либо не понимают, либо ее отвергают некоторые современные интерпретаторы Фукидида.

Под главной, или внутренней, причиной Фукидид понимал укрепление могущества Афинской державы. Эту проблему, как мы видим, Фукидид решает, исследуя в своей книге целый ряд факторов, способствовавших усилению Афин. Саму идею возникновения Афинской морской державы Фукидид превращает в один из узловых вопросов греческой истории³¹. В этой связи мы считаем неправильным противопоставлять

³⁰ Критические замечания по поводу рассуждений Колингвуда об антиисторизме Фукидида высказал Фролов: Фролов Э. Д. *Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли*. Л., 1981. С. 136.

³¹ Beyer R. *Das Proömium des Thukydides*. Marburg, 1971. S. 47; Немировский А. И. *У истоков исторической мысли*. Воронеж, 1979. С. 58 слл.

период 445—435 гг. до н. э. предшествующему времени 478—446 гг. до н. э., как это делает ряд ученых. Во-первых, вся античная традиция, начиная с Фукидида (Thuc., I, 66), считала Тридцатилетний мир не более чем перемирием, и события последнего предвоенного десятилетия Фукидид не отделял от предшествовавшего периода, в рамках которого рассматривал рост афинского могущества. Во-вторых, как мы уже пытались показать выше, примеры экспансии Афин во время этого десятилетия тоже имели место, так что и после заключения мира Афины не прекращали расширять могущество своей державы. В-третьих, консолидация Афинской империи хотя и не предусматривала широкомасштабной завоевательной политики, тем не менее была направлена на усиление афинской гегемонии, что в любом случае не могло не вызывать опасений у Спарты и ее союзников.

Главная, или внутренняя, причина войны крылась также в борьбе двух противоположных систем организации общества — демократии и олигархии (ср.: Thuc., III, 82, 1). К середине V в. до н. э. они ³²стали невозможны согласиться. Несмотря на то что Афины отказались принять Коркиру в союз и заключили с ней лишь эпимахию, все-таки действия афинян имели вполне имперский характер. Во-первых, учитывая традиционную вражду между Коркирой и Коринфом, достаточно было и эпимахии, чтобы иметь Коркиру вместе с ее флотом на стороне Афинской державы. Во-вторых, попытки афинян локализовать этот конфликт и нейтрализовать Спарту были не столь безобидны. Они имели целью внести раскол в Пелопоннесскую лигу и расстроить коринфско-спартанские отношения, а также закрепить на будущее враждебные отношения между Коринфом и Коркирой (Thuc., I, 44, 2). В-третьих, афиняне не хотели упускать из рук Коркиру, имевшую большой флот и удобно расположенную на пути в южную Италию и Сицилию (Thuc., I, 33, 1; 36, 2; 44, 3).

К числу второстепенных, или внешних, причин Фукидид прежде всего относит события в Эпидамне и Потидее, которые привели к конфликту между Коринфом и Афинами и сделали войну неизбежной. Возражая против этого, некоторые исследователи считают, что события в Эпидамне и Потидее имели локальный характер и не могли оказать влияние на международные события в Греции. По их мнению, можно было бы избежать

³² О делении эллинов на два противоположных военных блока вскоре после Греко-персидских войн — Thuc., I, 18, 2 sq.; о борьбе между олигархией и демократией — Thuc., *passim*; о различии образа жизни и образа мыслей между демократией и олигархией — Thuc., II, 37-41; ср.: Thuc., I, 68—71. В связи с дискуссией по этому поводу см.: Rhodes P. J. *The Athenian Empire*. Oxford, 1985. P. 37; Ostwald M. *Oligarchia: The Development of Constitutional Form in Ancient Greece*. Stuttgart, 2000.

конфликта между Коринфом и Афинами, во-первых, если бы коринфяне поступали благоразумно и не руководствовались в своих действиях иррациональными мотивами; а во-вторых, если бы Перикл не проявлял к потидеянам неумеренную жестокость, предъявив им ультиматум.

В данном случае ученые подменяют объективный анализ событий субъективистским рассуждением типа «что было бы, если бы». Так, в действиях Коринфа они не видят никаких других мотивов, кроме мести традиционному противнику и имперского высокомерия в отношении зарвавшейся в амбициях колонии. Что же касается Афин, то они, как отмечают данные исследователи, не желали подчинения Коринфом Коркиры, так как это привело бы к нарушению равновесия сил между Пелопоннесским и Афинским союзами. Поэтому, поддержав Коркиру, афиняне делали все, чтобы не повредить условиям Тридцатилетнего мира и не вовлечь Спарту в этот конфликт ³³.

К середине V в. до н. э. они ³³стали невозможны согласиться. Несмотря на то что Афины отказались принять Коркиру в союз и заключили с ней лишь эпимахию, все-таки действия афинян имели вполне имперский характер. Во-первых, учитывая традиционную вражду между Коркирой и Коринфом, достаточно было и эпимахии, чтобы иметь Коркиру вместе с ее флотом на стороне Афинской державы. Во-вторых, попытки афинян локализовать этот конфликт и нейтрализовать Спарту были не столь безобидны. Они имели целью внести раскол в Пелопоннесскую лигу и расстроить коринфско-спартанские отношения, а также закрепить на будущее враждебные отношения между Коринфом и Коркирой (Thuc., I, 44, 2). В-третьих, афиняне не хотели упускать из рук Коркиру, имевшую большой флот и удобно расположенную на пути в южную Италию и Сицилию (Thuc., I, 33, 1; 36, 2; 44, 3).

³³ См.: Kagan D. 1) *The Outbreak...* P. 352 f; Sealey R. *A History...* P. 319; Wilson J. *Athens and Corcyra. Strategy and Tactics in the Peloponnesian War*. Chippenham, 1987. P. 138. Противоположное мнение см.: Fritz K. von. *Die griechische Geschichtsschreibung*. Bd. I. S. 620 ff; Morrison J. V. *Preface to Thucydides: Rereading the Corcyrean Conflict* (I. 24-55) // *Classical Antiquity*. 1999. Vol. 18. P. 95 ff.

В 443 г. до н. э. афиняне возобновили союзы с Регием и Леонтинами, первоначально заключенные, возможно, в 40-е гг. V в. до н. э.³⁴ (Thuc., III, 86, 2; 88; IV, 25, 1). К этому же моменту относится и отправка Диотима, бывшего стратегом в битве у Сибботских островов, на помощь Неаполю, среди колонистов которого были и афиняне (Lucophr. Alex, 732—735 со схолиями [= Tim, FGH 566 F 98 (99)]; ср.: Tzetz. Comm. ad. I, 733; Strab., V, 4).

Наконец, в это время афиняне отправили 30 кораблей во главе с Формионом на помощь амфилохам и акарнанам (Thuc., II, 68, 27 sq.). Он поработил амбракиотов (колонистов Коринфа, см.: Thuc., II, 80, 3), захвативших амфилохийский Аргос (Thuc., II, 68, 6). В результате этих действий, как говорит Фукидид, впервые был заключен союз между афинянами и акарнанам (Thuc., II, 68, 8; ср.: Thuc., II, 9, 4). Это, бесспорно, свидетельствует о стремлении афинян расширить свое влияние в западном Средиземноморье и закрепиться на путях к нему. И, конечно же, афиняне осуществляли эту политику с целью получения благоприятных условий для торговли и импорта сицилийского хлеба. Поэтому коринфяне, для которых путь в южную Италию и Сицилию был жизненно необходим, не могли допустить утверждения в Адриатике, в Акарнании и в районах, прилегающих к выходу из Коринфского залива, господствующего положения Коркиры и расширения афинского влияния. Эти географические районы для Коринфа играли не меньшую роль, чем Геллеспонт и Боспор для Афин³⁵.

События в Потидее еще быстрее приблизили развязку. Как уже отмечалось, с точки зрения Кэгена, конфликт

³⁴ О союзе с Регием: IG², I, № 51 = Tod², № 58 = SEG, X, № 48 = ML, № 63; ср.: Thuc., I, 362; III, 86, 3. К этому см.: ATL. Vol. III. P. 277; Gomme A. W. A Historical Commentary... Vol. I. P. 198; Vol. II. P. 387; Meiggs R. The Athenian Empire. P. 138; Bury J. B. A History... P. 254; Sealey R. A History... P. 308. О союзе с Леонтинами: IG², I, № 52 = Tod², № 57 = SEG, X, № 48 = ML, № 64. По данному поводу см.: Meritt B. D. Athenian Alliances with Rhegion and Leontinoi // CQ. 1946. Vol. 11. P. 90 ff.; Gomme A. W. Op. cit. Vol. I. P. 201, 259; Bury J. B. Op. cit. P. 246; Sealey R. Op. cit. P. 314 f.

³⁵ В данной связи см.: Thuc., I, 56—57, 5; ср.: Ste Groix G. E. M. de. The Origins... P. 79 ff.

между Коринфом и Афинами мог быть исключен, если бы Перикл действовал более умеренно и не предъявлял ультимативных требований Потидее. Однако для историка гораздо важнее выяснить, почему он действовал таким образом.

Рассматривая в предыдущем параграфе основание афинянами колоний Бреи и Амфиполя, мы пытались показать, что с их помощью они надеялись противостоять македонскому царю Пердикке и держать под контролем города Халкидики. И в данном случае, как следует из источников, Афины стремились утвердить свое господство на фракийском побережье. С этой целью Перикл увеличил форос, вносимый городами Халкидики в казну, причем налог Потидеи и Скионы вырос с 6 до 15 талантов (Hill. Tab. 3. III. 6; ср.: ATL. Vol. III. P. 64), афиняне разорвали отношения с Пердиккой и стали поддерживать претендентов на македонский престол — его братьев Филиппа и Дерду (Thuc., I, 57; 59, 2; 61, 3; 62, 2, Diod., XII, 34, 2).

Наконец, афиняне в ультимативной форме потребовали от потидеян, которые хотя и входили в Афинскую архэ, но оставались колонистами Коринфа и поддерживали с ним тесные отношения, срыть стены, выдать заложников, отослать эпидемиургов, которых ежегодно присылали к ним коринфяне (Thuc., I, 56—66; 68, 4; 71, 4; 139, 1; 140, 3; Diod., XII, 34, 2-4; 37, 1; Plut. Per., 29, 6; Aristod., 18; Polyae., III, 4, 1). Дело усугублялось тем, что Коринф и македонский царь Пердикка стали подстрекать Потидею, халкидян и ботиэев к восстаниям, которые могли вызвать цепную реакцию. Таким образом, действия афинян в этом случае имели вполне целенаправленный имперский характер. И так, коркирские и потидейские события, называемые Фукидидом поводами к войне, сделали ее неизбежной.

Среди тех факторов, которые способствовали расторжению Тридцатилетнего мира, Фукидид называет жалобы эгинян в Пелопоннесском союзе на афинян, отказавшихся, вопреки условиям мира, предоставить им автономию (Thuc., I, 139, 1; 140, 3; II, 27, 1; ср.: Plut. Per., 8, 7; 29, 5; Arist. Rhet., III, 10, 7, p. 1411 a 15), и мегарян,

обвинявших афинян в принятии постановления о недопущении мегарских купцов на афинскую агору и в гавани афинских союзников.

Наиболее острую дискуссию вызвала так называемая Мегарская псефизма. Считая значение Мегарского декрета преувеличенным в античной традиции, ряд современных исследователей не рассматривает его как один из факторов, способствовавших началу Пелопоннесской войны. Они полагают, что декрет явился результатом религиозных противоречий, выразившихся в захвате мегарцами священной земли близ аттических границ. Отсюда делается вывод, что этот декрет Перикла не преследовал никаких экономических, политических и стратегических целей и не имел прямого отношения к началу войны (Кэген, Сент-Круа и др.). Однако, если согласиться с тем, что в Мегарском декрете выражение ἡ Ἀττικῆς ἀγορᾶς имеет не экономический, а гражданско-правовой смысл, то другая часть декрета, где говорится о закрытии для мегарян гаваней во всех афинских владениях, бесспорно, указывает на экономическую меру. Таким образом, постановление о Мегарах вместе с другими факторами способствовало развязыванию Пелопоннесской войны.

Итак, как мы пытались показать, что между изложением Фукидидом последовательно совершившихся событий и его интерпретацией их нет противоречий, если мы вслед за историком признаем, что Пелопоннесская война явилась закономерным результатом развития межполисных отношений в Греции со времени возникновения Афинского морского союза и была вызвана рядом внутренних и внешних причин.

В заключение необходимо сказать о тенденции, наметившейся в современной научной литературе, видеть в Спарте виновника войны и уменьшить или даже совсем снять ответственность за ее развязывание с Афин. Прежде всего обратим внимание на интерпретацию суждения Фукидида об истинной причине войны (Thuc., I, 23, 5). Интерпретация этого пассажа не подтверждает получивший распространение в работах западных исследователей вывод о тотальной войне, к которой якобы стремились лакедемоняне, и ограниченной, планы которой

вынашивали афиняне. Толкование этого места заставляет также отвергнуть и попытку оправдать Афины, полностью сняв с них ответственность за развязывание войны. Рассмотренный нами материал показывает, что и Спарта, и Афины в равной степени проводили агрессивную политику. Это подтверждается и анализом часто употребляемого Фукидидом термина ἀσφάλεια, с помощью которого он характеризует политику Спарты и Афин. С точки зрения Фукидида, политика Афин определялась страхом перед возможностью потери своего господства и стремлением обезопасить его путем расширения и укрепления афинского могущества. Эту мысль мы встречаем в речи афинских послов в Спарте в 432 г. до н. э. (Thuc., I, 75, 3 sq.), но особенно ярко она отразилась в знаменитом диалоге афинян и мелосцев (Thuc., V, 85—113).

Что же касается лакедемонян, то принцип безопасности в политике Спарты предусматривал необходимость для нее бороться за сохранение и укрепление своей гегемонии, ибо только таким образом спартанцы могли обеспечить жизнеспособность своего внутреннего режима, так как поражение привело бы к потере ими союзников и открыло бы дорогу для проникновения в Спарту демократических порядков. Поэтому Фукидид неоднократно замечает, что ради своей безопасности лакедемоняне установили олигархические правления в городах Пелопоннеса (Thuc., I, 19; 76, 1; 77, 6). Исходя из принципа ἀσφάλεια, лакедемоняне, подобно афинянам, стремились укрепить свое господство, действуя по отношению к союзникам с позиции силы (Thuc., I, 77, 6).

В рассматриваемое время Спарта, учитывая своеобразие отношений, сложившихся в Пелопоннесском союзе, и антииранские выступления, взяла на вооружение в борьбе против Афин лозунг освобождения эллинов от афинского господства (Thuc., I, 139, 3; ср.: Thuc., I, 126, 1). Однако этот лозунг, будучи свободой греческих полисов и, как показали события Пелопоннесской войны, служил лишь прикрытием для собственно спартанских, имперских и гегемонистских устремлений. Так что различия во внешней политике Спарты и Афин скорее всего имели внутривидовой

характер. По мере расширения и укрепления Афинской архэ лакедемоняне, осознав, что их власть не статична и если она не расширяется, то способна сокращаться, не стали медлить и приняли решение начать войну с афинянами.

В связи с этим необходимо охарактеризовать речи Архидама и Сфенелаида в Спарте (Thuc., I, 80—86). Современные историки трактуют их либо как отражение борьбы мирной (Архидам) и военной (эфор Сфенелаид) партий в Спарте (Кэген, Сент-Круа, Льюис), либо как доказательство конфликта эфората и царской власти (Финли). По-видимому, можно говорить о противоречии между эфоратом и царской властью в это время лишь по тактическим вопросам внешней политики, а о серьезном конфликте между ними свидетельств в источниках нет. Вместе с тем следует отметить, что Фукидид, передавая речь Сфенелаида, сознательно сохранил ее высокомерный тон и нежелание эфора утруждать себя аргументами. Тем самым историк подчеркнул господствующее положение и непререкаемый авторитет эфората, что, как мы уже указывали выше, вполне соответствовало действительности.

Однако речи Архидама и Сфенелаида показывают, что спартамцам предлагался выбор не между миром и войной, а между войной подготовленной и войной безотлагательной. Речь Архидама свидетельствует о том, что он отнюдь не был «голубем». Она является примером рассудительного, знающего толк в войне полководца, которым в на самом деле он и был. Архидам фактически призывал к политике сдерживания афинян и энергичной подготовке к войне с ними, причем для этого он предлагал использовать все средства, включая и союз с варварами (Thuc., I, 82, 2). В ходе войны эта идея была воплощена в жизнь (Thuc., VIII, 18; 37; 58; ср.: Thuc., II, 67, 1)³⁶. Тогда же восторжествовало мнение эфората, боявшегося недовольства союзников и стремившегося им угодить

³⁶ К этому см.: *Eddy S. The Gold War between Athens and Persia 448-412 B. C. // CPh. 1973. Vol. 58. P. 214 ff, особенно: P. 253; Lewis D. M. Sparta and Persia. Leiden, 1977. P. 63 f; Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб, 2001. С. 203.*

(Thuc., I, 86, 1—4). Здесь в полной мере проявилась специфика Пелопоннесского союза, в котором Спарта хотя и играла руководящую роль, тем не менее вынуждена была не только считаться с интересами своих союзников, но иногда и действовать под прямым их давлением.

Заключение

На основании рассмотренных нами материалов можно прийти к следующим выводам. После решающего этапа Греко-персидских войн возникли существенные изменения в межполисных отношениях. Полицентрическая структура, характеризовавшаяся наличием множества автономных греческих государств, сменилась дуалистической структурой, отличавшейся противоборством двух могущественных полисов — Спарты и Афин. Как вытекает из сообщения Фукидида (Thuc., I, 18, 2 sq.), эллины после образования наряду с ранее существовавшим Пелопоннесским союзом, возглавляемым лакедемонянами, нового объединения — Афинского морского союза, — возглавляемого афинянами, разделились на два противоположных военно-политических блока.

Ослабление персидской угрозы выдвинуло на передний план проблему межполисных отношений. И в этой связи противостояние Афин и Спарты было неизбежным. Эти полисы, отличавшиеся внутренней социально-экономической структурой и политическим строем, выступали выразителями двух тенденций — демократической и олигархической как в области внутренней, так внешней политики.

Война как средство обеспечения объективных условий существования спартанской общины, а также защиты и увековечения территориальных завоеваний и порабощения живущего на этих землях населения была главным фактором социально-экономического и политического развития спартанского государства. С этим была тесно связана и другая особая черта спартанского общества, заключавшаяся в том, что процесс формирования античной

общинной и государственной собственности был доведен у спартанцев до логического завершения и у них относительно рано были приняты законы, препятствовавшие в течение длительного времени более или менее свободному развитию товарно-денежных отношений и частной собственности.

Поэтому социальная структура спартанского государства отличалась относительной однородностью гражданского коллектива, в котором аристократия была вынуждена согласиться на отмену своих привилегий и политического господства. Политическая организация спартиатов характеризовалась установлением такого государственного строя, при котором господствующее положение занимала консервативно-олигархическая правящая политическая группа эфоров и геронтов, строго следившая за тем, чтобы сложившийся общественно-политический порядок не нарушался.

Этот путь развития превратил Спарту в полицейское государство, в котором свободная политическая жизнь была подменена принуждением и подозрительностью во взаимных отношениях граждан; динамичная внутренняя и внешняя политика, открытая для экспериментирования и отличающаяся быстротой в замыслах и в осуществлении принятых решений, была менее всего характерна для Спарты. Спартанская внутренняя и внешняя политика, антиираническая по своей природе, в основном отличалась консерватизмом, медлительностью, стремлением сохранить достигнутое и существующее и всегда с готовностью противостоять восстанию илотов.

Однако по мере роста афинско-спартанских противоречий, а также складывания благоприятной внутриполитической ситуации как в Спарте, так и в Пелопоннесском союзе, ее политика становилась все более агрессивной и не исключала имперских гегемонистских устремлений.

Своеобразие социально-экономической и политической структуры спартанского общества накладывало соответствующий отпечаток и на содержание внутриполитических отношений. В отличие от большинства греческих полисов, в том числе и Афин, где

в рассматриваемое время наблюдалось противоборство демоса и аристократии, обусловленное тем, что здесь товарно-денежные отношения развивались более свободно и способствовали более глубокой дифференциации граждан, в Спарте политическая борьба проявлялась в форме конфликта между эфоратом и герусией, с одной стороны, и царской властью — с другой. Эфорам и геронтам, которые являлись официальными представителями и защитниками спартанского государства, обычно противостояли наиболее энергичные и самостоятельные цари и командующие, стремившиеся освободиться из-под их жестокого контроля.

Важнейшими факторами, воздействовавшими на формирование и эволюцию афинского полиса, были договор и связанный с ним синойкизм, географические условия, благоприятствующие занятию ремеслом, торговлей и мореплаванием, и колонизация, повлиявшая на развитие товарно-денежных отношений и частной собственности. Эти факторы способствовали росту городской экономики Афин, социальному расслоению и усилению противоречий между демосом и аристократией. На этом пути развития исторически закономерными были реформы Клизфена, учредившие демократическую конституцию в Афинах.

В то время как в Спарте сложившееся олигархическое правление имело тенденцию к застою и консервации, афинский демократический строй характеризовался постоянным развитием, совершенствованием и созданием к середине V в. до н. э. предпосылок для победы радикальной демократии. Олигархия и демократия, возникшие как формы политической власти, с середины 70-гг. V в. до н. э. превратились в два противоположных по своему содержанию общественно-политических течения в Элладе, которые оказывали значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Спарты и Афин. Правда, борьба демократических и олигархических тенденций, выступающая в конфронтации двух ведущих государств Греции, иногда отступала на второй план, когда речь шла о политической выгоде той или иной стороны (ср. терпимое отношение Спарты к демократической

форме правления в Элиде и Мантинее; Афины до некоторого времени сохраняли олигархические режимы у таких своих союзников, как Милет, Самос, Хиос, Лесбос).

В рассмотренных нами событиях отразилось столкновение двух характерных для античного общества тенденций партикуляризма и стремления к федерации. Мелкие греческие полисы, как бы они ни дорожили своей независимостью, не могли в тех условиях отстоять свою самостоятельность и были вынуждены пользоваться поддержкой того или иного могущественного государства даже порой дорогой для себя ценой (ср. положение Мегар после вхождения в Афинский морской союз). Эта тенденция отчетливо проявилась после окончания решающего периода Греко-персидских войн, когда угроза со стороны Востока была в основном снята, а гегемониальные симмахии продолжали существовать и развиваться. Неизбежное в этих условиях угнетение союзников государствами-гегемонами сочеталось с предоставлением им некоторых привилегий и с экономическими, политическими и военными выгодами от вхождения в состав сильных и влиятельных союзов.

Различие между этими союзами, подобно различию между самими полисами-гегемонами, сыграло существенную роль в греческой истории. Консерватизм и традиционализм спартанского общественно-политического строя, для которого характерным было тождество обычаев и законов, не способствовали развитию в Пелопоннесском союзе стройной политической структуры и правовых норм. В Спарте в силу своеобразия социально-экономической системы и связанного с этим медленного развития товарно-денежных отношений и дифференциации общества не было такой социальной категории граждан, которая была бы заинтересована экономически в эксплуатации союзников. По этой причине составлявшие Пелопоннесский союз в большинстве своем олигархические полисы обладали значительной долей автономии и свободы.

Афинский морской союз объединял главным образом демократические полисы, имевшие динамичный характер общественных отношений, а также более дифферен-

цированную и менее консервативную структуру. По этой причине, а также под влиянием афинской демократической конституции с ее четким различием между обычаями и законами и достаточно развитой системой судопроизводства оформилась союзная конституция, основные положения которой отразились в общем договоре между афинянами и их союзниками. Поддержка гегемонистской политики Афин в союзе основной массой афинских граждан была обусловлена их надеждой на получение экономических, политических и других выгод от эксплуатации союзников. Неудивительно поэтому, что в условиях более совершенной конституции Афинского морского союза Афины, укрепляя в нем свою гегемонию и превращая его в собственную морскую державу, оказывались гораздо чаще перед необходимостью нарушения автономии и свободы союзников, чем Спарта в условиях традиционной структуры Пелопоннесской лиги.

Рост противоречий между Пелопоннесской лигой и Афинским морским союзом и усиливающееся противостояние демократии и олигархии привели к окончательному разрыву отношений между Спартой и Афинами и развязыванию так называемой первой Пелопоннесской войны.

У обоих ведущих полисов Греции были гегемонистские цели, но по-разному выраженные. Если в борьбе за господство в Элладе Афины выступали, как правило, по своей инициативе, опираясь на добровольную или вынужденную поддержку своих союзников, то Спарта нередко действовала, руководствуясь интересами и прямым давлением членов Пелопоннесского союза (ср. давление, оказываемое на Спарту Коринфом, Мегарами, Эгиной накануне Пелопоннесской войны 431—404 гг. до н. э.).

В борьбе Афин и Спарты за гегемонию в рассматриваемый период нашли свое воплощение основные закономерности античного рабовладельческого общества, для которого экспансия являлась основой существования.

В ходе войны Спарта упрочила свое господство в Пелопоннесе и центральной Греции, и в самом лакедонском государстве усилилась власть консервативно-олигархической группировки эфоров и геронтов.

В Афинах война способствовала укреплению позиции радикально-демократических кругов. В ходе войны в результате реорганизации Афинского морского союза и преодоления возникшего в нем кризиса, вызванного восстаниями ряда его членов, завершилась трансформация союза в Афинскую империю, в которой ранее автономные союзники превратились в города, подчиненные афинянам. Вместе с тем следует отметить, что сочетание центростремительных и центробежных тенденций во внешнеполитической истории Греции V в. до н. э., при некотором преобладании последних, не могло в тех исторических условиях привести к созданию территориально целостного единого государства. И даже в достигшей своего могущества к 30-м гг. V в. до н. э. Афинской империи сохранялись значительные элементы самостоятельности, по крайней мере, во внутренних делах входивших в нее полисов.

Ни Спарта, ни Афины не добились в этой войне осуществления своих конечных целей. Война лишь обнажила непримиримые противоречия между ними. Период после заключения Тридцатилетнего мира характеризовался дальнейшим нагнетанием напряженности между двумя военно-политическими блоками. В эти годы афиняне продолжали осуществлять меры, направленные на укрепление своей империи.

Кроме того, они не отказывались от политики расширения и укрепления своего влияния и могущества в различных районах эллинского мира — в Западном Средиземноморье, в Понте, во Фракии и Адриатике. Своими действиями афиняне стремились внести раскол в Пелопоннесскую лигу и расстроить коринфско-спартанские отношения. Со своей стороны лакедемоняне, основываясь на принципах антииранической политики, активно выступали против Афинской империи, требуя от Афин предоставления свободы союзникам. Вместе с тем лакедемоняне, стремясь к укреплению безопасности и широко используя охранительные тенденции в политике, целью которых было недопущение установления демократических порядков как в самой Спарте, так и в Пелопоннесе и центральной Греции, старались сохранить и упрочить

свое господство. Взяв на вооружение лозунг свободы эллинов, они, как показали дальнейшие события, рассматривали его как ширму для прикрытия своих собственных имперских и гегемонистских целей.

Борьба за гегемонию в Греции, развернувшаяся с большой силой в период Пентеконтаэтии, в плане исторической перспективы не могла принести окончательной победы ни той, ни другой стороне. Об этом красноречиво свидетельствует последовавшая вскоре Пелопоннесская война 431—404 гг. до н. э., явившаяся закономерным результатом развития межполисных отношений предшествующих десятилетий, а не следствием совокупности случайных факторов, как это утверждают современные западные ученые.

Война как средство разрешения непримиримых межполисных отношений, несомненно, способствовала укреплению и достижению высшей степени самовыражения олигархии и демократии (этих двух противоположных эллинских общественно-политических течений) и обусловивших их форм власти, совершенствованию структуры межполисных отношений как в Афинской империи, так и в Пелопоннесском союзе. Однако война не являлась творческим позитивным фактором, ибо, способствуя совершенствованию политических форм власти и структуры межполисных отношений, она, во-первых, нацеливала их не на созидание, а на разрушение; во-вторых, приводила их к вырождению, к потере полисами их автономии и свободы. Это особенно ярко обнаруживалось в ходе Пелопоннесской войны.

Наконец, необходимо также подчеркнуть, что весь рассмотренный нами материал не только раскрывает объективные закономерности развития спартанского и афинского полисов и причины конфронтации между ними и возглавляемыми ими союзами, но и открывает перспективы исследования таких важных вопросов международных отношений, как соотношение внутренней и внешней политики государств, происхождение захватнических и агрессивных войн, особенности взаимоотношений и противостояния государств с различным общественно-политическим строем.

Приложение

Перевод некоторых надписей, характеризующих внешнюю политику Афин и рост Афинской империи в середине V в. до н. э.

1. Афинский декрет о Фаселиде
(ок. 469—450 гг. до н. э.)

Совет и народ постановили. Филадельфия Акамантида исполняла обязанности пританов. [0]насипп был секретарем. Не(5)... ед председательствовал. Леон заявил: для фаселитов записать решение: если сделка с кем-либо из фаселитов заключена в Афинах, (10) то судебная тяжба должна быть в Афинах в суде полемарха², как и в случае с хиосцами, и ни в каком другом месте; что же касается [исков], возникающих на основе контрактов, заключенных в другом месте (т. е. не в Афинах. — В. С.), то судебные разбирательства должны быть (15) в соответствии с имеющимися соглашениями с фаселитами; [апелляционные] жалобы отменить, если же кто-либо из должностных лиц в городе (т. е. не полемарх. — В. С.) будет вести вопреки этому [постановлению] судебное разбирательство против кого-либо из фаселитов и (20) если осудит, пусть приговор считается недействительным. И если кто-либо нарушит принятое постановление, пусть заплатит 10 тыс. (25) священных драхм³ Афине. Пусть секретарь Совета

¹ Перевод осуществлен нами по изданию Мейгса и Льюиса (ML).

² Полемарх (в Афинах) — третий из 9 архонтов, стоявший во главе полисного ополчения; впоследствии председательствовал в особом трибунале, разбиравшем дела метеков и иностранцев.

³ Драхма — «горсть»: мера веса = 4,366 г; монета = 6 оболам; обол = 1/6 драхмы, т. е. 0,728 г.

напишет постановление на каменной стеле и установит в городе за счет фаселитов.

2. Афинский декрет об Эритрах
(ок. 455—450 гг. до н. э.)

Совет и народ постановили. — исполняли обязанности пританов.... председательствовал. Лисикрат был архонтом⁴. Установили закон: эритрец обязан привезти на Великие Панафиней⁵ хлеба ценой не менее чем на три мины⁶ и раздавать хлеб из Эритр присутствующим. (5) — заведующий жертвоприношениями — если привезет стоимостью не менее чем на три мины, согласно установленному правилу, жрица должна прикупить хлеба; народ же эритрейцев пусть запишет за собой долг в десять мин; разрешается также получать хлеб всякому желающему из числа эритрейцев; Совет (эритрейцев) должен быть избран жеребьевкой в составе 120 человек; (10) избранный жребием должен пройти докимасию⁷ в Совете, и не может быть членом Совета никакой чужеземец и тот, кто не достиг возраста 30 лет; дважды быть избранным в Совет, быть членом Совета не менее четырех лет; отныне осуществлять выборы посредством жребия и учреждать Совет должны епископы⁸ и фрурарх⁹, (15) относительно прочего решают Совет и фрурарх не менее

⁴ Архонт (в Афинах) — первый из девяти членов коллегии архонтов: архонт-эпоним; второй — архонт-басилевс; третий — архонт-полемарх; остальные шесть — архонты-фесмофеты, т. е. хранители законов; архонты в городах, подвластных Афинам, были должностными лицами, имевшими функции блюстителей порядка в интересах афинского народа.

⁵ Великие Панафиней — праздник в честь Афины, учрежденный Эрихтоном под именем Афиней и преобразованный Тесеем в Панафиней. Праздник отмечался 28 гекатомбеона (месяц, соответствующий второй половине июля — первой половине августа) третьего года каждой Олимпиады.

⁶ Мина — мера веса = 436, 6 г; мина как денежная единица = 100 аттическим драхмам.

⁷ Докимасия в Афинах — проверка гражданских прав.

Епископ — смотритель, блюститель; в Афинской империи епископы — политические эмиссары в подвластных Афинам городах.

⁹ Фрурарх — начальник военного гарнизона.

чем за 30 дней до истечения полномочий прежнего состава Совета; клясться же Зевсом, Аполлоном и Деметрой и призвать проклятия на себя и своих детей в случае, если клятва им будет нарушена; клятва должна сопровождаться сжиганием жертвенного животного, Совет должен принести в жертву корову, если же это не будет соблюдаться, то на членов Совета будет наложен штраф в 1 тыс. драхм, и всякий раз, когда демос приносит клятву, пусть сжигает жертвенное животное; (20) пусть Совет поклянется следующим образом: «Я буду принимать решения, насколько возможно мудрые и справедливые в отношении народа эритрейцев, афинян и союзников [их], и не изменю народу афинян и [их] союзникам ни сам я, ни поддавшись убеждению других, (25) и не перебегу к врагам ни сам я, ни будучи убежден кем-либо другим, и никогда не приму никого из беглецов ни сам я, ни побуждаемый другим принять бежавших к мидийцам¹⁰ без разрешения афинского Совета и народа; (30) и никого из оставшихся не изгоню без ведома афинского Совета и народа»; если же какой-либо эритрец убьет другого эритрейца, то он должен быть казнен, если же он будет приговорен к пожизненному изгнанию, то он должен быть изгнан также и с территории афинских союзников и имущество его пусть будет конфисковано в пользу эритрейцев; если же кто-либо схватит того, кто предал город эритрейцев тиранам, сам должен безнаказанно казнить этого человека и его детей, (35) если только они не заявят о дружественном и благожелательном расположении к народу эритрейцев и афинян, имущество казненного должно быть выставлено, половину его пусть получают его дети, другая половина должна быть конфискована; нужно, чтобы афинский фрурарх осуществлял охрану повсюду в Эретрии (40)... Совета 10 человек по одному из каждой филы...

¹⁰ Мидийцы — так стали называть персов после покорения ими Мидии в 550 г. до н. э.

3. Афинский декрет, касающийся принятия мер, направленных на усовершенствование сбора фороса с союзников (40-е гг. V в. до н. э.)

Боги. Совет и народ постановили. Фила Энеида выполняла функции пританов¹¹. Скудий был секретарем, ... председательствовал. (5) Клиний заявил: Совет и архонты в городах и епископы пусть позаботятся, чтобы форос¹² собирался каждый год и доставлялся в Афины; (10) заключить договор с городами, чтобы невозможно было причинять вред доставке фороса; город же, записав на дощечке форос, который нужно отправить, (15) пусть поставит условный знак и отправляет в Афины; курьеры должны передать дощечку в Совет и зачитывать всякий раз, когда передают форос; (20) пританы, созвав собрание после Дионисий¹³, пусть позволят эллинотамиям¹⁴ объявить афинянам об уплате полного фороса с городов и, кроме того, долга, если таковой некоторые имели; афиняне, избрав четырех человек, должны послать их в города, выразив письменно недовольство уплатой фороса и потребовав внесения фороса у должников; (25) два человека должны отправиться на быстрой триере на Острова и в Ионию, два других — в Геллеспонт и Фракию; пританы должны внести это на рассмотрение Совета и Народного собрания тотчас же после Дионисий, (30) и пусть союзники совещаются об этом, пока не исполнят

¹¹ Пританы (в Афинах) — члены коллегии из 50 пританов, т. е. по пять человек от каждой филы в течение 1/10 части года председательствовали в Совете и Народном собрании; из них по жребию выбирался главный председатель, эпистат, в помощь которому избирались девять проедров (т. е. председательствующих).

¹² Форос — налог, который платили афинские союзники; впервые он был сосчитан и установлен Аристидом в 478 г. до н. э., когда возникла Делосская симмахия. Он был равен 460 талантам (1 талант = 60 минам).

¹³ Дионисии — празднества в честь Диониса, справлявшиеся четыре раза в году. Великие Дионисии праздновались в месяце элафеболоне, соответствовавшем второй половине марта — первой половине апреля.

¹⁴ Эллинотамиями — афинские должностные лица, сборщики налогов.

то, что от них требуется; если же какой-либо афинянин или союзник будет совершать преступные действия в отношении фороса, который нужно, чтобы города, записав на дощечке для курьеров, послали в Афины, пусть всякому желающему из числа афинян и союзников будет позволено привлечь его к ответственности перед пританами; (35) пританы должны внести на рассмотрение Совета жалобу, поданную кем-либо, в противном случае каждый из них должен заплатить штраф в 10 тыс. драхм; и если Совет признает справедливым обвинение, то он не должен выносить меру наказания, но обязан немедленно передать дело в гелиэю; когда суд решит, что преступление совершено, пусть пританы постановят, что следует осужденному претерпеть или какой уплатить штраф; также если кто-либо совершит преступление против отправления (в Афины) коровы или паноплии¹⁵, то пусть против него будет выдвинуто то же обвинение и последует то же наказание; (45) эллинотамиями, записав на побеленной дощечке, пусть объявят и норму фороса и города, которые его должны полностью внести, и пусть запишут...

4. Декрет афинян о Колофоне (ок. 447/6 г. до н. э.)

[Сткк. 1—36 очень фрагментарны и не поддаются реконструкции.] (37) Пусть секретарь Совета запишет постановление и эту клятву на каменной стеле в городе для пользы колофонян; (40) в Колофоне же пусть ойкисты¹⁶ Колофона, записав это постановление и клятву на каменной стеле, выставят ее на агоре для пользы колофонян; пусть же колофоняне поклянутся следующим образом: «Я буду поступать, говорить и советовать то, что я смогу, прекрасным образом и доброжелательно (45) в отношении народа Афин и их союзников и не предам афинский народ ни словом, ни делом, ни сам я, ни будучи убежден другими, и буду любить афинский народ, и не стану перебежчиком, и демократию не разрушу в Колофоне ни

¹⁵ Паноплия — полное снаряжение тяжеловооруженного воина-пехотинца.

¹⁶ Ойкист — основатель города, колонии.

сам я, ни поддавшись убеждению других, и не удалюсь в другой город, и не подниму тотчас восстание; (50) в соответствии же с искренней клятвой буду это соблюдать без обмана и не причиняя ущерба, клянусь Зевсом, Аполлоном и Деметрой; и если нарушу клятву, то пусть погибну сам и род мой навеки, мне же, соблюдающему клятву, пусть наградой будут многие и хорошие блага».

Список сокращений

- ВДИ — Вестник древней истории
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
 АНР — American Historical Review
 AJA — American Journal of Archaeology
 AJPh — American Journal of Philology
 ATL — *Merit B. D., Wade-Gery H. T., McGregor M. F.* The Athenian Tribute Lists. Vol. I. Cambridge (Mass.), 1939; Vol. II-IV. Princeton, 1949—1953
 САН — The Cambridge Ancient History. 1-st ed. Vol. I—XII. Cambridge, 1923/24—1939; 2-nd ed. Cambridge, 1970 —
 CJ — Classical Journal
 CIPh — Classical Philology
 CQ — Classical Quarterly
 CSCA — California Studies in Classical Antiquity
 FGH — *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl. I—III. Berlin; Leiden, 1923-1958
 GR — Greece and Rome
 GRBS — Greek, Roman, and Byzantine Studies
 HSCPh — Harvard Studies in Classical Philology
 IG — Inscriptiones Graecae. Vol. I—. Berlin, 1873—
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 ML — A Selection of Greek Historical Inscriptions to the Fifth Century B. C. / Ed. by R. Meiggs, D. Lewis. Oxford, 1969
 PRIA — Proceedings of the Royal Irish Academy
 RE — Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Stuttgart, 1893-1972 (1980)
 REG — Revue des etudes grecques
 RFIC — Rivista di filologia e d'istruzione classica
 RJDA — Revue internationale des droits de l'antiquite

- SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, 1923 —
 StV — Die Staatsverträge des Altertums / Hrsgb. von H.
 Bengtson. Bd. II (Die Verträge der griechisch-römischen Welt
 von 700 bis 338 v. Chr.). München, 1962
 TAPhA — Transactions of the American Philological Association
 Tod — A Selection of Greek Historical Inscriptions / Ed. by M.
 N. Tod. 2-nd ed. Vol. I—II. Oxford, 1946-1948

Оглавление

Введение	5
I Своеобразие межполисных отношений и особенности внутривполитической борьбы в Спарте и Афинах в V в. до н. э.	27
II Возникновение политических союзов под руководством Спарты и Афин и истоки афинско-спартанского соперничества	93
III Рост афинской гегемонии и особенности внешней политики Спарты (478-462 гг. до н. э.)	131
IV Первая Пелопоннесская война и возникновение Афинской империи	162
V Внешняя политика Спарты и Афин в годы мира (445-431 гг. до н. э.)	237
Заключение	276
Приложение	283
Список сокращений	289

Научное издание

Владимир Михайлович Строецкий

АФИНЫ И СПАРТА

Борьба за гегемонию в Греции
в V в. до н. э. (478-431 гг.)

Директор Издательства СПбГУ
проф. *Р. В. Светлов*

Главный редактор *Т. Н. Пескова*

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*
Ответственный редактор *М. М. Холод*
Компьютерная верстка *С. Слюсарева*

Подписано в печать 08.04.2008. Формат 84x108¹/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,54.
Заказ №213

Издательство СПбГУ.

199004, С.-Петербург, В. О, 6-я линия, 11/21

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, В. О, 6-я линия, д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр, 41

Строецкий В. М.

С86 Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции
в V в. до н. э. (478-431 гг.) / Отв. ред. М. М. Холод. —
СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008.—291 с. (Res
Militaris).

ISBN 978-5-288-04619-3

В книге известного отечественного ученого-антиковеда профессора В. М. Строецкого рассматриваются пути развития спартанского и афинского полисов и особенности их общественно-политического строя; анализируются характер и устройство ведущих союзов греческих государств V в. до н. э. — Пелопоннесской лиги и Первого Афинского морского союза, причины роста афинско-спартанского соперничества и своеобразие имперской политики Спарты и Афин в 478-431 гг. до н. э., в период так называемого Пятидесятилетия; характеризуются причины и особенности формирования Афинской империи (архэ), а также присущие ей социально-экономические, политико-правовые и этно-культурные отношения.

Написанная строго научным, однако при этом добротным литературным языком, настоящая книга будет, бесспорно, полезной и интересной как для специалистов, так и для всех интересующихся античной историей и культурой.

ББК 63.3(0)32